

<36628639

<36628639

Bayer. Staatsbr

X. 1. 136.

2758.

<36628639910018

S

<36628639910018

Bayer. Staatsbibliothek

P. O. russ. Milonov

4^π

D 28
34

5648 /
12

СТИХОТВОРЕНІЯ

М. М.

ST. M. X. O. T. H. O. F. E. R. I. A.

M. M.

САТИРЫ, ПОСЛАНІЯ

И

ДРУГІЯ МѢЛКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

Михайла Милонова.

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ.

1819.

В. н. 5176

RECEIVED BY THE

11

RECEIVED BY THE

RECEIVED BY THE

RECEIVED BY THE

1810

САТИРЫ, ПОСЛАНИЯ

И ДРУГІЯ

МѢЛКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

МИХАЙЛА МИЛОНОВА,

ЧЛЕНА С. ПЕТЕРБУРГСКАГО ВОЛЬНАГО
ОБЩЕСТВА СЛОВЕСНОСТИ НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.

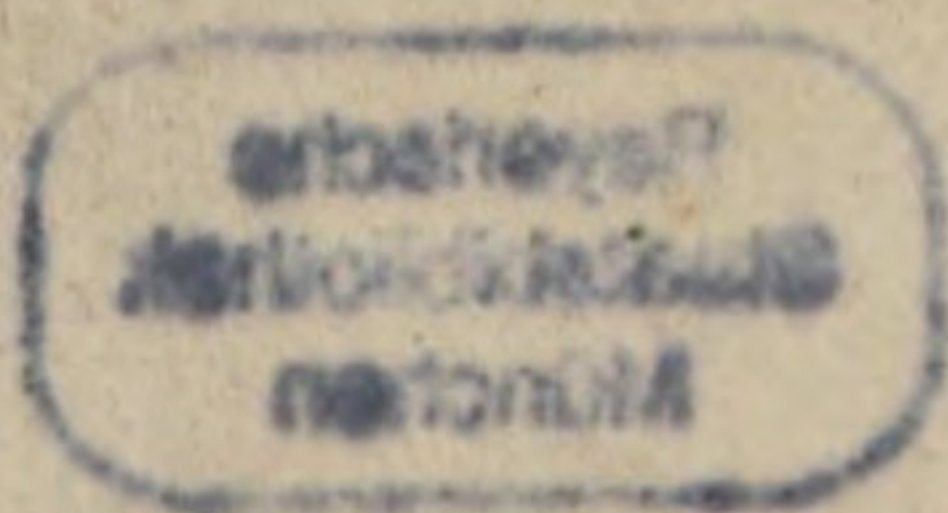
Меня переживутъ мои сердечны чувства.

ОЗЕРОВЪ.

ВЪ САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Ив. Глазунова,
1819 года.

печашано на его иждивеніе.

Печашашъ позволешся:

съ тѣмъ, чѣобы по напечатаніи до выпуска въ продажу, предспавлены были въ Цензурный Комишешъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комишеша, другой для Депаршаментша Миниспра Просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ публичной Библиотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Санкшпешербургъ, Октябша 12 дня 1818 года.

*Цензоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Иванъ Тилковской.*

ЕГО СІЯТЕЛЬНОСТИ,

МИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРЮ

ГРАФУ НИКОЛАЮ ПЕТРОВИЧУ

РУМЯНЦОВУ,

Господину Государственному Канцлеру,

Знаменитому Любителю и Покровителю

Наукъ и Словесности.

УСЕРДНѢЙШЕЕ ПРИНОШЕНІЕ.

ЕТО СЛІДСТВІ

МІНІСТЕРСТВА ІНТЕРІОРУ

ГРАФЪ ІНКОЛАЮ ПЕТРОВИЧУ

РУМНИЦОВУ

Господня Тосудатственомъ Румницкы

Знаменитомъ Юментно и Юментно

Наша и Олонецкы

УСЕРДНАТЕ ПРИБЛИЖЕНІЕ

Я Знапныхъ не искалъ вниманія къ себѣ ,
Но Ты , какъ Меченашъ , къ прудамъ моимъ склонился!
Вниманіемъ Твоимъ мой Геній окрился —
Онъ долженъ славенъ быть коль правился Тебѣ ,
Въ високомъ санѣ Ты , спремясь спезею правой ,
Ревнуешь въ доблестяхъ безсмертному опцу :
Я жъ Задунайскаго во слѣдъ иду пѣвцу —
И именемъ Твоимъ знакомлюся со Славой.

И знаменитых в нем не было, а только в нем.

Но ты, как и все, не знаешь, что такое счастье.

Видишь, я говорю тебе, что такое счастье —

Оно состоит в том, чтобы быть счастливым.

И в этом счастье, ты, как и все, не знаешь.

Видишь, я говорю тебе, что такое счастье —

И в этом счастье, ты, как и все, не знаешь.

И в этом счастье, ты, как и все, не знаешь.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

No.		страниц.
I.	Нина. (опрывокъ изъ поэмы надежда)	1.
II.	Къ Рубеллію (сапира I.)	10.
III.	Къ другу	14.
IV.	Паденіе лисъевъ	19.
V.	Къ Луказію (сапира II.)	22.
VI.	Весна Тибулла	30.
VII.	Похвала Сельской жизни	32.
VIII.	Къ Юности	35.
IX.	Къ Сильвіи	39.
X.	Къ Лилъ	41.
XI.	Договоръ со смертію	42.
XII.	Къ моему разсудку (сапира III.)	46.
XIII.	Ночь на могилъ друга	57.
XIV.	Уныніе	60.
XV.	Къ Папріопамъ	65.
XVI.	На пляску Д.	68.
XVII.	На еяжъ скоропоспѣжную смерть	70.
XVIII.	На свиданіе съ А.	71.
XIX.	Придонскій ключъ	74.
XX.	Ельвирино поздравленіе самой себя съ новымъ годомъ	76.

No.	спран.
XXI. Къ колыбели сиропки	- - 79.
XXII. Къ сестрѣ моей	- - - 81.
XXIII. Мать - убійца	- - - 85.
XXIV. Выздоровленіе	- - - 91.
XXV. Къ портрету Фридриха II	- 95.
XXVI. Надгробная	- - - 96.
XXVII. Идиллія	- - - 97.
XXVIII. Монастырь	- - - 99.
XXIX. Бѣдный поэтъ	- - - 105.
XXX. Спутники жизни	- - - 114.
XXXI. Мысли при гробѣ Кн. Кушужева - Смоленскаго	- - - 117.
XXXII. На модныхъ болшуновъ (сапи- ра IV.)	- - - 119.
XXXIII. Спихи написанные во время ба- ла бывшаго въ Московскомъ бла- городномъ собраніи	- - - 125.
XXXIV. На кончину Державина	- - 127.
XXXV. Освобожденные плѣнники	- - 130.
XXXVI. Надписи	- - - 130.
XXXVII. Эпитафіи	- - - 137.
XXXVIII. П. А. Никольскому	- - - 138.
XXXIX. Къ Неерѣ	- - - 140.
XL. Мадригалы	- - - 143.
XLI. Прощаніе козака	- - - 144.

No.	спран.
XLII. На женишьбу вѣ большомѣ свѣшѣ (сапира V.) - - - - -	145.
XLIII. Кѣ В. А. Жуковскому - - - - -	157.
XLIV. Пловецѣ - - - - -	161.
XLV. Кѣ П. А. Ш . . . у - - - - -	163.
XLVI. Пѣснь на торжественное бракосочетаніе Ея ИМПЕРАТОРСКАГО Высочества Великой Княгини <i>Екатерины Павловны</i> - - - - -	165.
XLVII. На всерадостнѣйшее сръшеніе Е. И. В. - - - - -	170.
XLVIII. Кѣ И. М. Ф . . . у - - - - -	173.
XLIX. На изпребленіе Наполеоновыхѣ Армій вѣ Россіи - - - - -	177.
L. Надпись кѣ бюсту Е. И. В. - - - - -	184.
LI. Посланіе кѣ земледѣльцамѣ - - - - -	185.
LII. Блаженство - - - - -	192.
LIII. Опрывокѣ изѣ Луцилліевой са- пиры (сапира VI.) - - - - -	195.
LIV. Кѣ А. П. Б — ой - - - - -	198.
LV. Кѣ Барду - - - - -	208.
LVI. Мѣчта - - - - -	210.
LVII. К. Д. В — ой - - - - -	213.
LVIII. Кѣ Н. О. Г — у - - - - -	215.
LIX. Дафнисѣ и Ниса - - - - -	223.

IV

No.	спран.
LX. Къ N. N.	- 225.
LXI. Щасливецъ	- 227.
LXII. Къ * * *	- 230.
LXIII. В. И. П . . . у	- 232.
LXIV. Къ Кораблю	- 235.
LXV. Къ Меценапу	- 237.
LXVI. Опрывокъ изъ Комедіи	- 239.

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Многія изъ сихъ піесъ были помѣщены въ разныхъ Московскихъ и Пешербургскихъ журналахъ. Здѣсь выдающся онѣ вмѣстѣ, исправленныя, въ другомъ видѣ, и нѣкоторыя, вновь написанныя, помѣщающся шупъ же. Благосклонное вниманіе къ нимъ Публики соспавишъ самую леспную награду, копорой только можешъ ожидашъ небольшое дарованіе въ Поэзіи, и самое величайшее усердіе къ успѣхамъ Опечесшвенной Литшпературы.

М. М.

Окшября . . . 1818.

Н И Н А .

о п р ы в о к ъ

Изъ Сен-Викторовой поэмы: *Надежда.*

Замѣна щастія, отрада въ скорбный часъ,
Надежда никогда не оставляетъ насъ;
Какъ Ангелъ благости, какъ жизни воскреситель,
Идетъ подъ мрачный кровъ, спраданія въ оби-
тель,

На язвы тяжкія цѣлебный льетъ бальзамъ,
Спокойствіе ея послѣдуетъ стопамъ —
И возрождается угасшее желанье . . .
Вся прелестъ нашихъ благъ въ одномъ ихъ
ожиданьѣ.

Пусть опнышы судьбой, пусть намъ не суждены,
Но съ ней — онъ при насъ — но съ нею — намъ
даны!

Всевышній на землѣ карая пресупленья,
Въ надеждѣ намъ залогъ оставилъ примиренья;

Да будетъ намъ вождемъ въ жилищѣ мрач-
номъ бѣдѣ.

Какъ пупнику, вдали, госпепріимный свѣтъ,
Средь бурь, заблудшему, приспанище являетъ,
И робкіе шаги къ нему онъ ускоряетъ,
Хоть путь еще далекъ, но трудъ его забвенъ;
Такъ ею жребій нашъ въ семъ мірѣ услажденъ!
Мечпанья кропкія вокругъ ея полпаша;
О радостяхъ мечпаша есть ими наслаждапша.

Надежда, божеспво живущее со мной!
Замѣна благъ моихъ, похищенныхъ судьбой,
Какъ щедръ въ дарахъ Творецъ, такъ ты во
утѣшенѣ!

Ты выше благъ земныхъ: ихъ крапко насла-
жденье!

За нѣгой скука въ слѣдъ, за щаспьемъ скорбь
идушъ —

И рядомъ свой фіалъ съ сосудомъ ихъ несущъ;
Веселіемъ самымъ душа людей помима,
То нужно для сердецъ — а ты необходима!
Какъ другъ, насъ проводивъ на самый смер-
пный ровъ,

Бросаешь ты на гробъ безсмертія покровъ!

Въ душѣ моей живешъ печальный жребій
Нины,

О жертва бѣдная гоненія судьбины!

Въ веснѣ ея злопой другъ нѣжный былъ у ней,
Въ союзъ двухъ сердецъ все щастье юныхъ
дней;

Ихъ пламенная спрасъ на вѣкъ соединяла;
Но бѣдность, коей съ нимъ она не примѣчала,
Разврату одному грозящая собой,
Разпоргла ихъ союзъ опца ея рукой;
Пусть проклятѣ первый шопъ, кого безумна
сила

На юныя сердца оковы наложила,
Кто щастье чадъ своихъ на златѣ основалъ,
И въ чувствахъ ихъ себя посредникомъ избралъ!
Безумецъ! для него лишь нужно обольщенье,
Онъ златомъ замѣнитъ имъ хочетъ наслаж-
денье,
Онъ собственнй свой врагъ, онъ благъ супру-
говъ шатъ:

Ихъ щастье чшобъ *дѣлать*, не въ шомъ чшобъ
обладать.

Въ помленіи своемъ, опверженный, нещасливый,
Другъ Нины, для нее рѣшился въ путь опасный,
Трудомъ искалъ шого, что недано судьбой, —
Ея плачевный гласъ онъ слышитъ за собой:

„Теки, коль должно въ путь, но Нины злопо-
лучной

„Во странствіи швомъ далекомъ не забудь,
*

„Съ богатствомъ возвратись, съ любовью неразлучной,

„Будь щасливъ, будь хранимъ и Нинъ вѣренъ
будь!“

Разспались — мысль ея надеждою прельщенна,
Ужъ друга зришь въ краяхъ чужихъ обогащенна,

О прелеснь сей мечты! съ любовью, съ порожествомъ,

Ужъ мнишь лепящаго обратно видѣшь въ домъ,

Душа блаженствуетъ надежды упоеньемъ —
И Нина, въ сиротствѣ, всѣхъ выше наслажденьемъ!

Свершились мольбы! суровый рокъ хотѣлъ,
Чтобъ, пушъ свой совершивъ, любовникъ Нины
спрасной,

Летѣлъ съ наградой въ опеческой предѣлъ,
Богатство получивъ, искашь руки Прекрасной;

Ужъ волны подъ его бѣлѣютъ кораблемъ,
Уже не устаетъ взоръ бдящій надъ рулемъ,
Уже винишь его желаній неперпѣнье,

Быспроносящія спихи замѣдленье,

Мольбою ускоришь ея мечтаетъ бѣгъ —

И радостнымъ очамъ желанный вскрылся брегъ!

Повѣренный — письмо, сердечныхъ чувствъ
 вмѣспишель,
 Лешишь къ возлюбленной, свиданья возвѣспи-
 шель:

„За ушра на зарѣ — восторгъ обѣмлетъ духъ —
 „Съ богатствомъ предъ тобой явится швой
 супругъ!“

Кто можетъ описать всю прелестъ восхищенья?
 Онъ завпра будешъ здѣсь! ужъ Нины спра-
 сный гласъ

Неизъяснимаго въ минушю неперпѣнья,
 Зовешъ медлишельно идущій ночи часъ;
 Желанный мракъ насшалъ, въ борьбѣ, въ из-
 неможеньѣ,

Клянешъ наспавшій мракъ и ночи продолженъе;
 Любовь недремлюща сонъ сладкій гонитъ прочъ;
 Всѣхъ болѣе тогда для Нины длилась ночь.
 Лишь свѣплый воспылалъ зарею сводъ небесный,
 Бѣжитъ, забывши сонъ, на пущь для ней из-
 вѣспный

И въ даль шуманную свой жадный мешешъ
 взглядъ;

Наспавшій день зовешъ днемъ радосшей, оп-
 радъ;

Но солнце возпекло высоко надъ горою,
 Все пущо, на пущи не видно никого: —

„Онъ думалъ, онъ хошълъ явишьсяздѣсь съ
зарёю,

„Что можетъ удержашъ стремленіе его?“

Ужъ клонился къ груди взоръ Нины и по-
мишся —

И страхъ мучительный средъ радости ро-
дился.

На каменной скалѣ, смущенная, блѣдна,

Недвижима сидишъ и друга ждешъ она.

Скапилось солнце въ поншъ, лучъ слабый до-
гараешъ,

И сумракъ на поляхъ вечерній настушаетъ;

Со мракомъ множишся въ душѣ ея печаль:

Въ шуманы облеклась и спишъ окрестна даль!

Вдругъ слышишъ: о воспоргъ! коня внезапно
ржанье!

И спукъ его копышъ! и поля препешанье!

Онъ, небо! и бѣжишъ — о ужасъ! передъ
ней

Видъ чуждый, молніи является быспрѣй,

Нахмурено чело, ликъ всадника ужасенъ,

О Нина, швой супругъ . . . „почто еще не съ
нимъ?

Чшо медлишъ? и гдѣ онъ?“ недвижимъ и без-
гласенъ,

Изверженъ бурею предъ берегомъ роднымъ! —

При словѣ Нина семѣ, вѣ мгновенномѣ измѣ-
 неньѣ,
 По жиламѣ мразѣ прошекѣ, по членамѣ цѣпе-
 нѣнѣе,
 Померкѣ блуждающій огонь вѣ ея очахѣ,
 Спѣсился вѣ сердцѣ вздохѣ, рѣчь замерла вѣ
 устахѣ,
 Поверглась — и надѣ ней, сопутникѣ злой судь-
 бины,
 Забвенья долгій часѣ, преддверіе кончины.

Три раза свѣшлая денница наспаешѣ,
 Три раза ночи мракѣ чреду свою берешѣ,
 О чудо! кѣ Нинѣ жизнь явилась сѣ пробужденъемѣ,
 Открылся не смущенѣ взорѣ свѣшлый огор-
 ченьемѣ,
 Вспаешѣ — окружена родимою семьей,
 Зришѣ маперь, зришѣ сесперь рыдающихѣ о
 ней;
 Взглядѣ быспрый, на устахѣ видна улыбка
 дика;
 Отсупспвенна ума нещаспная улика!
 Развѣяны власы, вѣ ланипахѣ огонь угасѣ —
 И мапѣ не узнаешѣ ея невняпный гласѣ! —
 Подобно шѣмѣ огнямѣ, вокругѣ гроба вознесен-
 нымѣ,
 Кошоры, шепляся, свой шихій свѣшѣ ліюшѣ,

Не зримые очамъ на вѣки зашвореннымъ,
 Гдѣ плѣніе и смерть печать свою кладутъ:
 Такъ сердце въ ней еще любовью пылаетъ!
 Такъ Богъ, опнявши все, надежду посылаетъ,
 Бесплодный для души, но сладостный обманъ!
 Ждетъ друга своего къ себѣ изъ дальнихъ
 странъ:

*Онъ живъ, онъ будетъ здѣсь, онъ вѣрно возвра-
 тится! —*

И скорбное лице улыбкою живится!
 Въ мечтаньяхъ радостныхъ друзьямъ своимъ
 речетъ:

Утѣштесь! не теперь, такъ завтра онъ придетъ!
 Украся щадельно себя одеждой брачной
 И свивши въ даръ вѣнокъ, идетъ опять къ
 скалѣ,

Зритъ издали его — вспааетъ какъ призракъ
 мрачной,

Въ шуманъ облаковъ касаяся землѣ!
 Поникнувъ ждетъ его въ терпѣніи бесплодномъ,
 Какъ скорбь, проспершая на мраморъ холод-
 номъ, —

Такъ Нина, въ горести, спремится съ каждымъ
 днемъ,

Срывая ему цвѣты, въ помлени дожидашься,
 Вновь встрѣчна паспыря спрашивая о немъ,

И съ прежней пустошой подъ кровъ свой воз-
вращаешься ;

Лишенная всего, шакъ дни она вела ,
Прошкшее забывъ, грядущаго не зная ,
Лишь новою мечпой духъ скорбный улажда —
И, вѣспницей когда свиданья, смерть пришла,
Чрезъ время долгое на благость преклоненна,
Въ бореніи шоски, надеждой приведенна ,
Проспершись на скалѣ, она его ждала.

Я видѣлъ мирный холмъ, гдѣ Нины прахъ со-
крыли ,

Сѣнисшы яворы свой верхъ вокругъ склонили,
И, будпо сѣшупя, шумяшъ надъ нимъ порой ;
Тамъ пушникъ, въ ясну ночь, съ чувспвишель-
ной душой ,

Зришъ шѣнь ея, луны сіяньемъ освѣщенну ,
Вспающу медленно изъ гроба предъ собой,
И мыслишъ: нашу жизнь печальми опягченну,
Украсила судьба надеждою одной.

КЪ РУБЕЛЛЮ.

САТИРА ПЕРСИЕВА.

Царя коварный льстецъ, вельможа напыщен-
 ный,
 Въ сердечной глубинѣ шаящій злобы ядъ,
 Не доблестными души, пронырствомъ вознесен-
 ный,
 Ты мещешь на меня съ презрѣніемъ швой
 взглядъ!

Почшуль вниманіе швое ко мнѣ хвалою?
 Унижуся ли шѣмъ, что униженъ побою?
 Одно достоинство и щастіе для меня,
 Что чувствами души съ побой не равенъ я!
 Что швой минушнй блескъ? что санъ швой
 горделивой?

Стыдъ смершнымъ — и укоръ судьбѣ неспра-
 ведливой!

Спать лучше на ряду послѣднихъ Плебейнъ,
 Чѣмъ высишься на смѣхъ, позоръ своихъ гра-
 жданъ;

Пусть скроюсь, пусть на вѣкъ бѣгу отъ ихъ
собора,

Чѣмъ выспавлю свой стыдъ для строгаго ихъ
взора;

Когда величіемъ прямымъ не одаренъ,

Что пользы, что судьбой я буду вознесенъ?

Безцѣненъ лавръ проспой вѣнчая ликъ Героя;

Священъ лишь на Царѣ владычества вѣнецъ;

Но коль, на поприщѣ, усроенномъ для боя,

Неравный силами, уродливый боецъ,

Гдѣ славу зрѣшь спеклись безчисленны наро-
ды —

Явишь убожество, посмѣшище природы,

И, съ низкой дерзостью, Героевъ спанетъ въ
рядъ,

Ужель не обличенъ онъ наглымъ ослѣпленьемъ,

И менѣ на него успавленъ взоръ съ презрѣньемъ?

Тамъ всѣ его шаги о немъ заговорятъ.

Безславный шѣмъ подлѣй, чѣмъ больше ищешь
славы!

Что въ томъ, что ты въ чесняхъ, въ кругу
льстецовъ лукавыхъ,

Вельможи на себя приемишь гордый видъ,

Когда онъ ихъ самихъ украдкою смѣшишь?

Рубеллій! шипла лишь съ достоинствомъ поч-
тенны,

Не блескомъ собственнымъ, сіяя имъ однимъ;
 Заспавяпъ ли меня дѣла твои презрѣнны
 Неправо освящаютъ хваленіемъ моимъ?
 Лестъ сыщешь, но хвалы не купишь справедли-
 вой!

Минушою одной пріятенъ лести гласъ;
 Но нужны доблести для жизни намъ щаспли-
 вой,

Онъ насъ усладяпъ, онъ возвысятъ насъ!
 Гордися окруженъ ласкашелей соборомъ,
 Но знай, что предо мной, предъ мудрыхъ спро-
 гимъ взоромъ,

Равно презрѣнъ и лестъ внимающей и льснецъ.
 Наемная хвала безславія вѣнецъ!

Кто чпипъ досшойнсшва и чувсшва въ насъ
 не знаетъ,

Въ неисповсшвъ своемъ тѣснитъ и гонитъ ихъ,
 Повѣрь мнѣ, лишь себя жестоко осрамляетъ;
 Унизимъ ли мы то, что выше насъ самихъ?
 Когда презрѣніе питаешь къ тебѣ я смѣю —
 Я силенъ — и ни въ чемъ еще не оскудѣю;
 Въ изгнаньи отъ тебя пусть цѣлый вѣкъ гу-
 блю,

Но честію твоихъ сокровищъ не куплю!

Мнѣль думаешь, мнѣль скрываешь для обща по-
 смѣянья

Убожество души богатствомъ одѣянья?

Мнѣль ползашь предъ побой въ толпѣ тво-
ихъ льстецовъ?

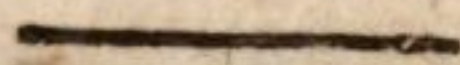
Пусть Альбій, Арзелай — но Персій не шаковъ!

Ты думаешь сокрыть дѣла свои отъ міра:

Въ мракъ гроба? но и шамъ потомство насъ
найдетъ;

Пусть цѣлый міръ рабомъ къ стопамъ твоимъ
падешъ,

Рубеллій! шрепещи: есть Персій и сашира!

КЪ ДРУГУ

О НАСЛАЖДЕНІИ ВЪ ЖИЗНИ.

Мой другъ, на свѣшъ все премѣнно,
Въ немъ щастія прямаго нѣшъ;
Улыбка радости мгновенна,
Мгновенна горечь люпыхъ бѣдъ,
Какъ въ осень служатъ часпо воды
Добычей бурной непогоды,
Такъ нашъ непоспояненъ рокъ;
Днесъ мыслью къ небесамъ несемся,
Заупра внутрь земли проспремся —
И сонъ нашъ крѣпокъ и глубокъ.

Еще алѣютъ юны розы,
Гдѣ, въ упренній прохлады часъ,
Подъ древъ благоуханны лозы,
Ошъ дерзкихъ укрываясь глазъ,
Обнявшись съ музой намъ пріятной,
Мы пили некшаръ благодатный —

Еще цвѣтушѣ изѣ миршѣ вѣнки
 Которыми тогда веселы
 Младья украшались челы
 Отѣ нѣжной Граціи руки.

Еще живетѣ воспоминанье,
 Но сколь далекѣ блаженства мигѣ!
 Томишѣ вновь алчность и терзанье
 Едва желанія достигѣ;
 Упрашай благѣ имѣ знаемѣ цѣну.
 Онѣ поставлены на смѣну
 Печалей тяжкихѣ и скорбей;
 Вѣ нещепныхѣ замыслахѣ спремисься,
 Но вѣкѣ ни чѣмѣ не насладишься
 Вошѣ жребій горестный людей!

Ты вѣ самой обрешешь природѣ
 Непостоянства пошѣ же чинѣ;
 Лязяль вѣчно ясной быть погодѣ
 И вѣкѣ цвѣсти лицу долинѣ?
 Коль все на крапкой срокѣ создано
 Казаться можешѣ постоянно?
 Тамѣ сохнушѣ токи быспрыхѣ водѣ,
 Здѣсь неба ясный сводѣ мрачнѣся,
 И нашѣ подобно ликѣ зашмишѣся
 Печалей облакомѣ, заботѣ.

Промчится не возвращно время,
 Забавъ, веселій легкій часъ,
 Лѣтъ многихъ опягчится бремя —
 И старость, храмля, встрѣшитъ насъ,
 Главу сѣдинами посыплетъ,
 Чела въ морщинахъ дни изчислитъ,
 И грозною своей клюкой,
 Не внемля гласъ мольбы безсильной,
 Укажетъ путь подъ кровъ могильной,
 Согнувъ хребетъ къ землѣ сырой.

Въ дѣлахъ благихъ путь жизни трудный,
 Въ весельи горестъ усладимъ;
 И силой многой неоскудный,
 Союзъ мы сердца заключимъ;
Живи — грядущее забуди,
И настоящимъ щастливъ буди;
 Вошъ мудроси законъ свяшой!
 Ему во слѣдъ кто идетъ спрого,
 Съ тѣмъ радость и веселье много
 И сладкой для души покой.

Ужель возспашъ на Провидѣнье,
 Чшо плѣнность намъ дана въ удѣлъ,
 Чшо есть отъ бѣдъ успокоенье,
 Борьбѣ, спраданіямъ предѣлъ?

Сыны ничпожества и плѣна,
 Для насъ во всемъ нужна премѣна,
 И радость самая помишѣ.
 Блаженъ, кто мудръ въ увеселеньяхъ,
 Въ желаньяхъ скупъ и въ наслажденьяхъ,
 Даръ неба, здравіе хранишѣ;

Кому ни скорби, ни недуги,
 Мечты, обманы, суеши,
 Ни горести, заботъ подруги,
 Не сокращали здѣсь пуши;
 Кто могъ спокойно Парку встрѣпишѣ,
 Приходъ ея не запримѣпишѣ,
 Конца болѣзненна не ждашѣ;
 Но, госпою уподобясь сышну,
 Возспашъ отъ пиру преизбышну —
 И долгъ хозяину опидашѣ.

Гдѣ свѣтъ ума, мой другъ, слабѣшѣ,
 Пусть насъ ведетъ надежда тамъ,
 Разсудокъ спрогій гдѣ робѣшѣ —
 Тамъ пушь открышѣ ея стопамъ;
 Съ нимъ скорбь, боязнь, щеще, сомнѣнья,
 Надежда есть полнаслажденья;

Грядущій жребій нашъ сокрытъ,
Всѣмъ умерешь судьбы вѣ законъ:
Кто спитъ у матери на лонѣ,
О пробужденіи шопъ не мнитъ.

И такъ, мой другъ, пока поспѣетъ
Пожать себя судьбины серпъ,
И волю духъ еще имѣетъ,
И намъ даетъ опсрочку смерть,
Прижми на персяхъ, вѣ нѣжны длани,
Одѣшу вѣ благолѣпны пкани,
Плѣниру сердцемъ и красой,
Сбери друзей и чадъ любезныхъ,
Ударь во струны лиръ небесныхъ,
И жизни радости воспой!

ПАДЕНІЕ ЛИСТЬЕВЪ.

ЕЛЕГІЯ.

Разсыпанъ осени рукою,
 Лежалъ поблекшій листъ кустовъ;
 Зимы предсеча, страхъ съ тоскою
 Умолкшихъ прогонялъ пѣвцовъ;
 Мѣста сіи опустошенны
 Спрадалецъ юный проходилъ;
 Ихъ видъ, во дни его блаженны,
 Очамъ его пріятенъ былъ.
 Твое, о роща, опустѣнье
 Мнѣ предвѣщаетъ жребій мой,
 И, каждого листа въ паденье,
 Я вижу смерть передъ собой!
 О Эпидавра прорицатель!
 Ужасный швой мнѣ вняшенъ гласъ:
 „Долинъ опцвѣвшихъ созерцатель,
 Ты здѣсь уже въ послѣдній разъ!
 Твоя весна скорѣй промчится,
 Чѣмъ пожелтѣетъ листъ въ поляхъ

И съ стебля сельный цвѣтъ свалился —
 И гробъ отверстъ въ моихъ очахъ!
 Осенни въпры возшумѣли
 И дышутъ хладомъ средь полей,
 Какъ призракъ легкій улѣбли
 Злапые дни весны моей!
 Вались, валися листъ мгновенный;
 И скорбной мапери моей,
 Мой завтра гробъ уединенный,
 Сокрой опъ слезныхъ пы очей!
 Когда жъ къ нему, съ поскою, съ слезами,
 И съ разпущенными придетъ
 Вокругъ лилейныхъ плечь власами,
 Моихъ подруга юныхъ лѣтъ,
 Въ безмолвьи осени угрюмомъ,
 Какъ спанетъ помрачаться день,
 Тогда буди пы легкимъ шумомъ
 Мою ушѣшенную шѣнь! —
 Сказалъ — и въ путь свой успремился,
 Назадъ уже не приходилъ;
 Послѣдній съ древа листъ сронился,
 Послѣдній часъ его пробилъ.
 Близъ дуба юноши могила;
 Но, съ скорбію въ душѣ своей,
 Подруга къ ней не приходила,
 Лишь пасырь, гость нагихъ полей,

Порой вечернія зарницы,
 Гоня спада свои съ луговъ,
 Глубокій миръ его гробницы
 Тревожитъ шорохомъ шаговъ.

КЪ ЛУКАЗІЮ.

(САТИРА ВТОРАЯ.)

Луказій! рѣшено: ты хочешь быть поэтомъ,
 И потребуешь, чтобъ я снабдилъ тебя совѣтомъ:
 Какъ славы доспигаешь и имени пѣвца;
 Чшо легче, какъ найми невѣжду и льстеца?
 Ищи ихъ и пиши: все будетъ совершенно!
 Писателемъ прослышь весьма обыкновенно.
 Спихи свои хвалой наполни гнусныхъ дѣлъ,
 Будь дерзокъ, подлъ и льстецъ — и слава твоя
 удѣлѣ!

Рубеллію шверди, что онъ рожденъ вельможей,
 Женѣ его шепни, что всѣхъ она пригожѣй,
 А *Балдусу*, вралю, что первый онъ поэтъ —
 И одами зови его высокій бредъ;
 Ушѣшь его, скажи, что добрый часъ настанетъ
 И свѣтъ спихи его порочишь перестанетъ,
 Чшо рано ль, поздно ли, насмѣшники помрутъ —
 И томы пыльные чипапелей найдутъ;
 Къ *Вралеву* забѣги съ пренизкимъ ты покло-
 номъ:

Ему не въ первый разъ вступаешься Цицерономъ

За скарѣдныхъ пѣвцовъ, уродство ихъ хвалишь,
 Дерзни его хоть разъ съ Гораціемъ сравнишь —
 И онъ, неустрашась, провозгласишь предъ свѣ-
 томъ

Тебя и Пиндаромъ и Классикомъ — поэтомъ!
 Тамъ къ Бавію иди: сей ждетъ тебя бѣднякъ,
 Опецъ помѣсячныхъ нелѣпостей и вракъ,
 Дай что нибудь ему! онъ скоро раззорится —
 И жизнь швоя какъ разъ въ журналъ его вклѣ-
 ится!

Съ огромною своею поэмою спѣши
 Въ домъ Клита, и ему усердно припиши:
 Онъ знашныи господинъ, таланшовъ покрови-
 шель,

И просвѣщенія въ опечесствѣ ревнишель,
 Страницей леспи лишь пожершвуй — и швой
 шрудъ

На щепъ его казны писнѣнью предадутъ!
 Лишь книга добрая явишся въ свѣтѣ несмѣетъ,
 А вздорная вездѣ заспупниковъ имѣетъ,
 Нѣтъ нужды, что о ней забудутъ черезъ день!
 Тѣмъ лучше, сочиняшь Луказію не лѣнь;
 Комедіи своею желаешь ли успѣха:

Зови друзей въ театръ для хлопанья и смѣха —
 И слава о тебѣ промчится въ шулыи рай!
 Въ обширныхъ замыслахъ своихъ не унывай,

Бышь можешъ, за игру актрисы превосходной,
 Похваляшъ и стихи въ трагедіи негодной;
 Тогда себя введешъ къ *Лукуллу* въ пышный домъ,
 Гдѣ онъ, обсаженный невѣждами кругомъ,
 За каждую спроку швоей подлѣйшей лести,
 Спорицею воздастъ хвалы тебѣ и чесли!
 Въ ученыхъ обществахъ ты спанешь засѣдашь,
 Куда спекаются не слушаешь — а зѣваешь;
 Гдѣ *Мидасъ*, мстя женамъ, въ безсмыслии су-
 ровомъ,
 Недавно ихъ морилъ своимъ похвальнымъ сло-
 вомъ;
 Но только ли еще? — о гениъ швоемъ
 И *Клузій* возвѣсцишъ въ изданіи своемъ,
 И *Глазуновъ*, сей мужъ, полико благодарной,
 Распишетъ о тебѣ хвалою высокопарной,
 И книжнаго ума брадашый продавецъ,
 Всѣхъ будетъ увѣрять что первый ты пѣвецъ!
 У насъ кто захопѣлъ въ поэмы — записался;
 Хошь новый рекрутъ сей съ граммашикой не-
 знался,
 Нѣтъ нужды до того! отвага, дерзость, лесь,
 Невѣждъ и подлецовъ не рѣдко вводяшъ въ
 честь!
 Смѣлѣй бери перо! примѣры предъ тобою:
 Такъ *Мевій*, разродясь саширою одною,

И выдавъ сто дурныхъ стиховъ на перечетъ,
 Попадъ въ пѣвцы и всѣмъ свой сурогій судъ
 даетъ;

Ахъ, сколько есть такихъ, копоры отъ ро-
 жденья

Не могли написать двухъ строкъ безъ погрѣ-
 шенья,

Взялись о правилахъ и вкусъ говоришь;

Невѣжда болѣ всѣхъ имѣетъ спросъ учить.

И ты, хоть не богашъ своимъ природнымъ да-
 ромъ,

Старайся замѣнишь его опвагой, жаромъ,

Найдутся многіе, копорые просятъ

Безсмыслицъ швоей, за то, что въ ней узрятъ

И цѣль полезную, и рвеніе благое,

Копоры облечешь ты въ рубище худое!

Что добрый гражданинъ, что въ службѣ ты
 давно:

Какъ будто гражданинъ и авторъ все равно!

Какъ будто стыдъ тому, кто всѣхъ изъ насъ
 честнѣе,

Бышь въ мысляхъ правильнѣй, и въ связи ихъ
 яснѣе;

Пусть Фабій, нѣжный другъ, пусть добрый онъ
 отецъ,

Пусть мужа вѣрнаго онъ будетъ образецъ,

Всѣ качества сіи достойно уважаю .

Но слушая его трагедіи — зѣваю —

И еслибѣ кто дерзнулъ, въ присущствіи моемъ,
Сказать, что онъ рожденъ прагматическимъ пѣв-
цомъ —

И мнѣ бы опвѣчать на то не можно было :

Молчаніе мое льстеца бы обличило.

И какъ, не измѣняя и чеспи спыду,

Осмѣлюся назвать я къ собственну вреду

Нескладнаго пѣвца поэтомъ превосходнымъ,

Хошябѣ онъ въ добротѣ Сократу былъ подоб-
нымъ ?

Радковскаго вранье поэмою щипать,

Съ Россійскимъ Пиндаромъ *Безсмыслова* равнять,

И, чшобѣ никто въ моемъ безумствѣ несо-
мнился,

Кричать, что снова Юнгъ въ *Плаксевицѣ* родился!

Скорѣй рѣшусь принять ужасный приговоръ,

Что буду помѣщенъ поэтовъ сихъ въ соборъ,

Скорѣе соглашусь смѣшнѣе быть *Шутова*,

Глупѣе *Бавія* и даже злѣй *Злослова* !

Но это для себя, Луказій, я сказалъ,

Ты смѣло доспигай великихъ сихъ похвалъ ;

Такъ *Фирса* Томасомъ друзья его назвали ;

Хоть смысла у него въ швореняхъ не встрѣ-
чали —

Но онъ привыкъ искашь не смысла, длинныхъ
словъ,

И мало ли ему подобныхъ есть творцовъ?

Ихъ дружбы ты ищи, ихъ слушай наставленья,

Яви себя рабомъ нелѣпаго ихъ мнѣнья,

Наука ихъ легка: не думашь ни о чемъ,

Лишь спраннымъ щеголять въ болпаньи языкомъ;

Такъ *Вадій* нанизалъ поэму въ ихъ расколъ

Изъ смѣси чудныхъ словъ, неслыханныхъ до-
полъ —

И вправду славенъ онъ! поэмой будетъ сей

Теперь опредѣлять безуміе людей!

Но главный мой совѣтъ: будь швердъ въ своемъ
шты мнѣньѣ

И бранью защищай нелѣпое творенье;

На все за дѣпище любезное дерзай,

И умнымъ и глупцамъ ни въ чемъ не уступай.

Быть можешъ, иногда ты встрѣпишь, хошь
ихъ мало,

Людей, которые оспрятъ на глупость жало;

Тогда разсвирѣпѣвъ, и взявши грозный видъ,

Брани ихъ наповалъ, забывъ и честь и стыдъ;

Безбожникъ, закричи, злодѣй и извергъ свѣта

Кто смѣешъ не почишь въ *Луказіѣ* поэма!

Но эпитхъ смѣльчаковъ немного межъ людей,

И прозъ и стихамъ большая часть судей:

Педантѣ, надѣ книгами, вѣ печеніи полвѣка,
 Утрапившій и смыслѣ и образѣ человека,
 Который всякій часѣ, сѣ надмѣнною мечшой,
 Вамѣ будешѣ замѣняшѣ граммашку собой,
 Который все наукѣ прошелѣ обширно поле,
 И самѣ — томѣ древнія граммашки — не болѣ.
 Иль авторѣ мѣлочей, вѣ посланіяхѣ своихѣ,
 Гдѣ сѣ здоровой логикой вѣ раздорѣ каждый
 стихѣ,
 Дающій вѣсѣ умамѣ, познаніямѣ, талантамѣ,
 Иль *Варіусѣ*, чшо схожѣ сѣ огромнымѣ фоліан-
 томѣ,
 Вѣ копоромѣ сполько же нелѣпицѣ сколько
 словѣ,
 Иль славы ищущій ругашельствомѣ *Злословѣ*,
 Кшо площадную бранѣ, намѣ выдавѣ за сужденье,
 Себѣ вмѣняешѣ вѣ чesѣ всеобщее презрѣнье,
 Иль *Друзѣ*, чшо о любви кѣ опечеслву пвер-
 дишѣ,
 И первый самѣ его невѣжеслвомѣ срамишѣ! —
 Спупай, Луказій мой, храня вѣ душѣ опвагу,
 Смѣлѣй переводи чернила и бумагу,
 Такое ремесло ни мало не во вредѣ!
 Но вижу, чшо тебя смущаешѣ мой совѣшѣ;
 Такими ль, говоришѣ, такими ли пущами,
 Державинѣ, Дмипріевѣ, прославились межѣ нами?

Не всѣ подѣ щасливой планетой рождены;
 Луказій, чшобѣ дерзашъ за славой какѣ они,
 Чшобы спяжапъ вѣнцы, копоры ихѣ покрыли,
 Имѣ равныя, скажи, имѣешь ли ты силы?

Пишаешь ли вѣ груди божесшвенный сей жарѣ;
 Копорый опѣ небесѣ не многимѣ посланѣ вѣ
 дарѣ,

Сію высокость чувствѣ и духа благородство:
 Доспоинство людей, Поэповѣ превосходство!
 Для славы истинной опважисься ль на все,
 Найдешь ли ты вѣ себѣ возмездіе свое?

Луказій! не мечтай: мнѣ цѣль швоя извѣсна!
 Съ прямымѣ талантомѣ лестъ и низость не
 совмѣсна.

Для шѣхѣ особый путь назначенѣ былѣ судьбой;
 Тебѣ ли какѣ они прославишься собой
 Одну лишь спросѣ къ стихамѣ нещасшную
 имѣя?

Чшо подвигѣ Геркула для слабаго Пигмея?
 Совѣшѣ же мой легокѣ — и къ славѣ путь
 прямой —

Рѣшился: вѣ добрый часѣ! пиши — и Богѣ съ
 тобой!

ВЕСНА ТИБУЛЛА.

Ужѣ шають на поляхъ снѣга,
Дожди спадають благодащны,
И снова вѣють на луга
Весенни вѣтры ароматны,
Одѣлись холмы красою,
Бѣжитъ ручей свѣркая въ полѣ;
Все обновилось съ весной:
Тибуллъ не оновишся болѣ!

Зазеленѣлъ высокій лѣсъ,
И пробужденна Филомела,
Съ весенней ясношью небесъ,
Въ пріютѣ знакомый прилепѣла;
Вновь, съ другомъ сердца своего,
Поетъ воспоргъ въ щасливой долѣ;
Но ты, Тибуллъ, но ты ужѣ болѣ
Не встрѣшишь друга швоего!

И прочъ мечта уже лепитъ,
Сей призракъ, коимъ обольщался,
Лишь благъ пропекшихъ смутный видъ
Одинъ душъ швоей оштался;

Снѣдаетъ сердце скорби ядъ,
Оспрадный сонъ забыли вѣжди
И гаснетъ пламенникъ надежды
На гробъ всѣхъ твоихъ оспрадъ.

Ты зрѣлъ ли преклоненный вязъ,
Лишенный листьевъ, обожженный,
Копораго перунъ потрясъ
Низпавъ со шверди воспаленной?
Всего лишася, онъ гошовъ
Чрезъ мигъ печально пастъ въ долину . . .
Тибуллъ! попребно ль больше словъ
Чшобъ о твоей вѣщати судьбинъ? . . .

ПОХВАЛА СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ.

Beatus ille qui procul etc. Hor.

Блаженъ, кто жизнь свою въ свободѣ прово-
ждаетъ,

Какъ первобытныя вселенны гражданинъ,

Доставшійся ему удѣлъ распроспраняетъ,

И въ опческихъ поляхъ работаетъ одинъ.

Его не усмрашитъ труба войну гласяща,

Свирѣпыхъ воиновъ во препетъ приводяща,

Ни разъяренныя стихіи грозный видъ;

Корысти онъ во слѣдъ чрезъ бездны не лепитъ.

Но, лучшею себя забавой услаждая,

Въ саду сухую вѣшвь пилой опъемлетъ прочь,

Ослабшую крѣпитъ съ другой сочешавая,

Тамъ пополу спѣшитъ любимому помочь;

Съ веселіемъ спада съ полей своихъ встрѣчаетъ,

Тамъ крушорогую пелицу загоняетъ,

Тамъ агницы-сприжетъ сребристое руно;

Иль, златомъ полное, обходитъ онъ гумно.

Когда жъ, вѣнчанная румяными плодами,

Къ намъ осень прищечетъ, обильная въ дарахъ,

Какъ мать щедрая, ожиданна сынами,

И пиршество для нихъ устройтъ на поляхъ:

Приспѣла сладкая трудовъ его награда,
 Тамъ почитѣ пурпурный онъ сокъ изъ винограда,
 Тамъ, имъ взрощенный плодъ, рука его беретъ,
 Иль, въ чашу свѣплую, янтарный цѣдитъ медъ.

Все вамъ, о боги, въ даръ! вамъ жертвы об-
 реченны:

Власпители лѣсовъ, спрежущіе стада

И быша сельскаго хранители священны,

Приносили перваго избытки онъ плода;

Вашъ храмъ, украшенный работою проспою,

На ушріе его исполнился хвалою,

Цереръ принесетъ онъ юнаго овна,

И Вакху на олшарь — обильный токъ вина.

Садится ль онъ дубовъ развѣсисныхъ подъ
 тѣнью,

На мягкой зѣлени, кропимой ручейкомъ,

Внимаетъ ли его пріятному печенью,

Согбенный думою, или обѣяный сномъ,

Лешающій зефиръ въ него прохладой душетъ,

На вѣшви голубокъ уединясь воркуетъ,

И самъ поетъ вблизи пернашихъ царь пѣвцовъ,

Во мракъ припаясь чужь вѣемыхъ листовъ.

Когда жъ печальную и хладную часъ года,

Юпитеръ отъ небесъ на землю низведетъ,

Преслѣдуетъ звѣрей различнаго онъ рода,
 Со стаей псовъ, во кругъ разставленныхъ шѣ-
 нешъ: —

Вошше тогда бѣгутъ и заяцъ поропливой,
 Спрямающийся сокрышь въ излучинахъ свой
 слѣдъ,

Щетинистый кабанъ, и серна боязлива,
 Пригнувшая рога на препелный хребетъ!

Какъ весело домой съ добычей возвратишься!
 Тамъ машерь нѣжная, любимая жена,
 Передъ пылающимъ горниломъ суешишься,
 Малюшки милыя полпяшься вокругъ огня;
 Умѣренность, обѣдъ приправивъ съ простою,
 Сполъ кроющъ дѣдовской съ спаринною рѣзьбою,
 И травы и плоды, садовъ домашнихъ даръ,
 Медъ чистой и вино — посланье щедрыхъ Ларъ!

Тамъ лѣпшимъ вечеромъ, его встрѣчаютъ взоры,
 Какъ весело бѣгутъ, шѣсняся межъ собой,
 Овечки сыпыя въ скрипящіе зашворы,
 Склоняся подъ ярмомъ дебелою главой,
 Какъ медлѣнно идутъ воны, ославя нивы,
 И скачутъ, размешавъ кони златыя гривы!
 Ни скука, ни щелепа, ни скорбь, боязни дщерь,
 Не входяшъ никогда въ его простую дверь.

КЪ ЮНОСТИ.

Ты упекаешь невозвратно
 О время юности моей,
 Какъ сна мечпаніе пріятно
 Лешишь съ зарею отъ очей!
 Зову тебя — судьба жестока
 Не обращаетъ вспянь попока,
 Въ копоромъ гибнетъ мигъ и вѣкъ;
 Изчезло все, что прежде льстило,
 Запымилось дней моихъ свѣтило
 И ранній сумракъ ихъ пришекъ.

Гдѣ вы, забавы лѣтъ щастливыхъ,
 Безпечность, радость и покой,
 Гдѣ замыслы, мечты игривы,
 Дары Фантазіи благой?
 Какою силою чудесной
 Разрушенъ сталъ сей міръ прелестный,
 Гдѣ зрѣлъ я Доблести въ вѣнцахъ,
 Любовь манящую отрадой,
 Форшуну, льстящую наградой,
 И Правду въ солнечныхъ лучахъ!

Какъ въ мракъ, путникомъ возженны,
 Огни мелькающъ средъ спепей,
 Такъ призраки сіи мгновенны
 Сокрылись отъ моихъ очей;
 Изчезла Слава быспрокрила,
 Любовь въ опрадъ измѣнила,
 Вкругъ солнца Испины свяшой
 Туманъ сомнѣнія развился —
 И Опытъ веселья меня явился
 Тропой колючей, въ шѣмъ густой!

Гдѣ прежде юность созидала
 Великолѣпный храмъ чеспей,
 Куда парилъ она мечпала
 Дивиться благоспи людей —
 Тамъ вмѣсто доблести и чеспи,
 Порока ликъ, рукою лести
 Увѣнчанъ, въ блескъ ей предсталъ,
 Тамъ Опытъ показалъ ей спрогій
 Злодѣйства спрашныя дороги:
 Я ихъ узрѣвъ — вострепешалъ!

Съ улыбкой шѣи меня манила,
 Любовь, мечпа прелесныхъ дней!
 Но взорамъ спрашнымъ не опкрыла
 Небесной красоты швоей;

Пора любишь проходишь щедно;

Желанье гаснетъ непримѣнно,

И одинокая тоска

То ложе горькими слезами

Кропишь, что для тебя цвѣтами

Моя украсила рука.

Въ обманахъ, въ скорби и спраданьѣ

Сспремленій сердца жаръ попухъ,

Лишь благъ пропекшихъ воспоминае

Живишь мой изнуренный духъ;

Лишь ты, сопутница благая,

Обрекшись до могильна края

Идши со мною въ жизни сей —

Лишь ты ко мнѣ просперла руку,

Мнѣ улаждаешь скорбь и муку,

Опъ коихъ палъ бы я безъ ней!

О Дружба, сердца улажденье!

Какія въ міръ семъ бѣды,

Какую гореспь, иль мученье

Не уладишь собою ты?

Не ты ль, источникъ благъ обильный;

Крѣпишь въ борьбѣ сердца безсильны?

Что рокъ бы намъ ни присудилъ —

Съ тобой и слабый бодръ шворится;

Судебъ гоненья не спрашися:
Твой щипъ ихъ стрѣлы пришупилъ!

И вы, копорые споль нѣжно
Хранише дружескій союзъ,
Одно богатство здѣсь надежно,
О наслажденья чистыхъ Музъ!

Воспоргъ вашъ, непорочность, силу,
Вливайше въ грудь мою унылу,
Гонише горестъ и тоску
Прелестныхъ вашихъ струнъ игрою —
Да съ бодрой я еще душою
Пусть крапкій къ гробу прошеку.

КЪ СИЛЬВІИ.

Ты ль, Сильвія, мой духъ — хранишель,
Луны препенущимъ лучемъ,
Проникнувъ въ спящую обитель,
Меня превозишь въ снѣ моемъ?

Ты ль, образъ красоты безплошной,
Мечпанье ли души моей,
Или, возспавъ изъ сѣни гробной,
Ты вѣспникъ радости для ней?

Ты ль, съ упренней звѣздой воспока,
По небу тихому печешь,
И оплученнаго далеко
Къ себѣ сопутника зовешь?

Носись не видимою тѣнью,
Являйся въ темношѣ ночей,
Не къ страху друга, къ утѣшенью,
Бесѣдуй съ скорбію моей!

Умѣрь шоски его перзанье,
Томлѣнье сырыхъ любви,
Пролей надежду на свиданье
И вѣры пламень оживи!

Твой видѣ, съ его сліянный духомѣ,
 Пустѣ всюду онѣ несетѣ съ собой;
 Вездѣ пустѣ ловитѣ жаднымѣ слухомѣ
 Ему знакомый голосѣ твой.

Носись надѣ спящими водами,
 Блуждай по синевѣ небесѣ,
 Вставай съ луною за холмами,
 Смотри съ зарей сквозь часный лѣсъ!

Живи вѣ моей мечтѣ опрадной,
 Лешай надѣ мною вѣ тихомѣ снѣ;
 Не дай шокѣ гнѣздиться гладной
 И скорѣби ропоша во мнѣ!

КЪ ЛИЛѢ.

Что ты печальна, милая Лила,
Въ сукѣ, въ безмолвыи горькомѣ сидишь,
Къ персямѣ прелестныи очи склонила
И по ланишамѣ слёзы спруишь?

Болѣ сердца не восхищаешь
Ангельскимѣ гласомѣ пѣсни пвоей,
Тихо поникнувѣ, все воздыхаешь,
Кроешься даже взора друзей!

Гряды любимы зрю безѣ призора,
Арфу покрышу вижу въ пыли;
Вмѣспѣ ль съ цвѣтами, Лила, такѣ скоро
Вянушь печально намѣ на земли?

Вѣрнаго ль друга скрыла могила:
Воли небесной не премѣнишь;
Въ злобѣ ль покинулѣ? — плачь, плачь, о Лила,
Раны толь люшой не изцѣлишь!

ДОГОВОРЪ СО СМЕРТІЮ.

КЪ ДРУЗЬЯМЪ МОИМЪ.

Такъ, други, умереть намъ должно,
Въ концѣ ль, въ началѣ нашихъ дней,
Предвидѣть смерти не возможно,
Ни защитишь себя отъ ней.
Прими же жь мой совѣтъ нелесный;
Да каждый думаетъ изъ васъ,
Какъ въ путь собираешься неизвѣстный
И быть готовымъ каждый часъ;
Что до меня — то я, не ложно,
Спокойный къ ней склоняю взоръ,
И былъ бы радъ, когда бъ возможно,
Вступишь съ ней даже въ договоръ:
О смерть, разяща безъ разбора,
Такъ спалъ бы я ее молишь,
Отсрочь, не приходи ты скоро,
Мой пѣсньный уголъ навѣспишь;
Мнѣ двацать лѣтъ — не многимъ болѣ,
Дай сполько же еще желать;
А тамъ въ пвоей ужь будешь воля,
Но ранѣ шажко умирашь.

Какая честолубью пища,
 Оставишь только по себѣ,
 Что на краю прочтешь кладбища:
 Молитесь о его судьбѣ!
 Нѣтъ, смерть! мнѣ жизнь еще небремя;
 Пусть поживу на свѣтѣ я;
 Къ помужѣ у насъ военно время!
 Тебѣ дѣлѣ бездна безъ меня!
 Лишь дващцать лѣтъ прошу — и почно,
 Минуты болѣ ни одной,
 Готовъ я буду безотсрочно,
 И съ благодарною душой,
 Тогда швоей предамся власи
 Благословляя свой предѣлъ,
 Увы, возмущѣ на равны часи
 Любовь и дружба сей удѣлъ!
 За то, ни одного упрека
 Даю обѣщѣ не допуспишь,
 И сколько швердоспѣ чловѣка
 Намъ дозволяетъ, швердымъ бытъ;
 Не возмущишь мольба, ропшанье,
 Мои послѣдніе часы,
 Все что узришь при разставаньѣ:
 Лишь пара словъ — и двѣ слезы!
 Еще . . . о будь мнѣ благосклона!
 Какъ роковый ударишь мигъ

И устремисься, непреклонна,
 Похишишь свѣтъ отъ глазъ моихъ,
 Предвѣспника изъ спрашной свишы
 Не шли къ мучительной борьбѣ;
 На то черпоги знаменишы,
 Пусть тамъ доложашъ о тебѣ;
 Ко мнѣ жъ, увидя входъ нескрышный,
 Посломъ не возвѣщай приходъ,
 Я самъ, хозяинъ спаробышный,
 Съ тобою встрѣчусь у ворошъ;
 Другъ другу мы — поклонъ учтиво!
 Небудешъ спора между насъ;
 Вопросъ, отвѣшъ, все поропливо:
Готовыль вы? готовѣ сей часѣ.
 Минутъ послѣднихъ я немножа,
 На свѣтъ прелесшный погляжу,
 И мигомъ, мягкое отъ ложа,
 Возглавье въ гробъ переложу;
 Вошъ всё, иль нѣшъ! еще два слова:
 Къ чему ужасный сей нарядъ,
 Причуда варварсшва сурова,
 И эшотъ крепъ? и сей обрядъ?
 Къ чему коса? и пожелшълый
 Сквозной, гремѣщій швой скелешъ?
 Ты омрачишь мой пунъ веселый,
 А мнѣ другой неспрашенъ свѣтъ!

Нѣшѣ, смерть, ты въ радужной одеждѣ,

Какѣ ангелѣ благоспи явись,

Вели впередѣ иди надеждѣ,

Сама жѣ за вѣру придержи!

И путь къ могилѣ мнѣ, цвѣтами

Не кипарисомѣ устели,

Вы жѣ, други, брашскими руками,

По горспи мапери — земли!

И гимны въ память, коль угодно,

Но прочѣ гоните плачѣ и спонѣ,

Приличнѣй пиршество надгробно

Намѣсто мрачныхѣ похоронѣ;

Сберитесь всѣ — и безѣ печали,

Тогда на мой вы бросьте прахѣ,

Тѣ юны розы, что вѣнчали

При васѣ чело мое въ пирахѣ!

КЪ МОЕМУ РАЗСУДКУ.

(САТИРА ТРЕТІЯ.)

Смирись, разсудокъ мой! къ чему такое рвеніе?

Сапира для людей худое наспавленіе.

Съ симъ спрашнымъ ремесломъ ты будь всегда

готовъ

Пріязни рушишь связь, нажишь себѣ враговъ:

Всѣ скажутъ о тебѣ: насмѣшникъ сей неща-

спный

Есть язва общества, умъ вредный и опасный,

Бѣги его, спрашись, для оспраго словца

Въ сапирѣ уязвишь онъ маперъ и опца!

И тѣ, копорые слывутъ тебѣ друзьями,

И смѣлыми, подчасъ, плѣняющся спихами,

Въ обиженномъ лицѣ портретъ увидя свой,

Смѣясь въ слухъ надъ нимъ, а тихо надъ побой,

Къ толпѣ твоихъ враговъ тотчасъ переда-

дущся

И дружества съ побой подъ кляпвой опре-

купся;

Сапира, въ коей желчь и злоба лишь видна,

Безъ пользы для другихъ писателю вредна;

Исправишь ли порокъ насмѣшкою одною?

Спиши ль подѣйствуя надъ звѣрскою душою?

Напрасно! всѣ труды останутся вошще,

Такія чудеса неслыханы еще.

Ты будешь обличать *Грабилина* злодѣйства,

Имъ раззоренныя показывать семѣйства:

Что пользы? хищникъ сей покоя и добра,

Иль другъ съ вельможами, иль силенъ у двора!

Хоть всѣми бранными осыпъ его словами,

Онъ, опкупъ новый снявъ, сравненъ съ полу-
богами!

И день и ночь пиры богатые даетъ,

На коихъ, крокодилъ! онъ кровь и слезы пьетъ!

Ты скажешь: на судъ, предъ взорами *Клеона*,

Уснула грозная блюстительность закона,

Невинный осужденъ, оправданъ плутъ... а онъ?

Онъ знаменъ, онъ богатъ, на что ему законъ?

Суда для сильныхъ нѣтъ, онъ слабымъ лишь
ужасенъ;

Преступникъ чѣмъ знаменъ, тѣмъ болѣе безо-
пасенъ.

Явишься ль въ общество осмѣивать порокъ,

Иль юности давая спасительный урокъ,

Бранишь невѣжество, пущую знаменность рода,

Что жъ будетъ? всѣ тебя въ немъ примутъ
за урода,

Который должнаго почтенья не хранишь ,

И смѣло знашному о чеспи говоришь !

Писателей дурныхъ исправить ты желаешь :

Вопъ цѣль премудрая ! какъ будпо выспа-
вляешь

Себя лишь одного для нихъ ты образцомъ ;

Въ саширь, гдѣ едва смыслъ вяжется съ спи-
хомъ ,

Пришелъ — вскричатъ они — давай намъ на-
ставленья ,

Какъ будпо бы писашь нельзя ужъ безъ ученья !

Начнешь ли *Балдуса* порочить скучный бредъ :

Онъ добрый человекъ, услышишь ты въ оп-
вѣшь ;

Кто право далъ тебѣ бранить его нещадно ?

Всякъ воленъ здѣсь писашь и складно и не-
складно ;

Проспешельно опцу лелѣяшь милыхъ чадъ ;

Къ шомъ жъ ввели ль кого сшихи его въ раз-
вратъ ,

Не долговѣчныя шворенія поэша ,

Которыя гнѣютъ не знавъ дневнаго свѣта ?

Вралева упрекнешь ; всѣ ахнушь : Боже мой ,

Что трудъ *Безсмыслова* возноситъ онъ хвалою !

Чего же хочешь ты ? вражды между друзьями ,

Которые живушь взаимными хвалами ?

Оставь, оставь на вѣкъ такое ремесло;
 Пока оно тебѣ вреда не принесло;
 Поэма вздорная, не льпо пѣснопѣнье
 Герою и пѣвцу есть вмѣстѣ посрамленье!
 Пусть понетъ, пусть горитъ, въ незнаніи отъ
 всѣхъ,

Сказавъ о ней родишь лишь жалость, а не смѣхъ;
 Печальный всякій вздоръ исчезнетъ самъ собою:
 Его ли воскреситъ осмѣлишься хулою?
 Театра нашего и слава нашихъ дней:
Сулибека, Радалистъ, Електра и Атрей,
 Довольно на себя враговъ вооружили:
 Пыль, черви, сырость, мгла, войну имъ объя-
 вили!

И ты, на сцену вновь явившійся, *Едипъ*,
 Изъ нищаго — Царемъ, безжалостно погибъ;
 Предпечу своего вообще заимишь спремился,
 Слепецъ Аѳинскій живъ — а *Царь Едипъ* сокрылся
 При плескѣ зрительей высокаго райка!
 Но можно ль сощипать, упомнить, хоть слегка,
 Трагедій, Драммъ соборъ, прудъ цѣха заказнова,
 Кошоры погреблись въ подвалахъ Глазунова;
 Пусть кляшвой опягчась разчесанныхъ продав-
 цовъ,
 Скрываютъ тамъ себя и стыдъ своихъ пвор-
 цовъ, —

Нѣтъ, мало! для швоей обидной имѣ забавы,
 Ты опыскалъ, вѣ пыли валявшійся, Храмы Славы,
 Біона съ Мосхомъ вновѣ несчастный переводъ,
 И Федру Бавіа, и кучу разныхъ одъ,
 Улику жалкую безсмысліа, безумства;
 Но мщеніе ждешъ тебя за дерзость и кощун-
 ство!

Ужъ Вздоркинъ для тебя, по днямъ и по ночамъ,
 Терзаетъ бѣдный умъ для жалкихъ эпиграммъ;
 Ужъ вновѣ безсвязное посланіе готовишь,
 Вѣ копоромъ очернишь тебя и озлословишь,
 И, вѣ гибельномъ бреду, бумажный випязъ сей,
 Съ коспра возопіешъ къ дружинѣ такъ своею: —
 „За чѣмъ мы, другъ, съ побой на семъ коспрѣ
 палящемъ —

„Я съ роду не писалъ ни *абіе* ни *аще*!

„Онъ врагъ мой, онъ злодѣй, вѣ посланіяхъ моихъ,

„Жестокій, обличилъ вѣ безсмысли каждый
 стихъ,

„А ихъ хвалилъ и ты, хвалилъ мой благодѣтель,

„Самъ, вѣ радостныхъ слезахъ, я былъ тому сви-
 дѣтель;

„О, вѣчно я ему сей злобы не прощу,

„Иль *абіе* скорѣй вѣ стихи мои вмѣщу!“

Такъ Вздоркинъ на тебя вѣ посланьи ополчился,
 Проси его, иль нѣтъ, ужъ онъ не примирился,

Тиснѣнію себя безжалостно предаспѣ;
 Ты шепчешь: въ добрый часъ! не такъ то онъ
 гораздѣ;
 Согласенъ въ томъ съ тобой; но развѣ неслу-
 чалось,
 Что даже Балдусу не рѣдко удавалось
 Насмѣшкою плашить насмѣшникамъ своимъ;
 Не самъ ли онъ тебя подъ именемъ чужимъ,
 Не давно разбранилъ и съ другомъ поплашился,
 Чшобъ глупость томъ его назвашь своей рѣ-
 шился:
 Въ не многихъ сыщишь ты ума и остроумья;
 Во всѣхъ доспанешъ силъ для подлой клеветы;
 И брань ли пребуешъ таланта здѣсь какова,
 Коль льещя намъ она съ пера и съ устъ Злослова?
 Пусть Балдусъ не страшитъ, пускай его весь
 въкъ,
 Въ кропаніи стиховъ уродливыхъ прошекъ,
 Но Бавій, Мевій, Фирсѣ, поющій доброголасно,
 Но злобныхъ риѣмачей соборище ужасно!
 Одинъ ужъ предъ тебя съ ругательствомъ
 предсталъ,
 Торгашъ безсмыслицы и продавецъ похвалъ,
 Кошорый всѣхъ моришъ, въ горячкѣ снимо-
 творной,
 Журналомъ, виршами и прозою позорной,

Спрашись, спрашись толпы разсерженныхъ
пѣвцовъ,

Ужъ громъ ихъ надъ тобой обрушится гошовъ,

Неисповый порокъ обиды не прощаетъ,

И гибельный конецъ злословье ожидаетъ! —

Но пише — ты въ опвѣштъ — и въ споръ

со мной идешь: —

Ты видъ злорѣчію со всѣмъ иной даешь;

Когда бы, на примѣрѣ, въ горячности без-

мѣрной,

Открылъ предъ свѣтомъ я пошъ путь неимо-

вѣрной,

По коему доспигъ *Рубеллій* до честей,

Спалъ власшвовашъ людьми, рабъ низкій всѣхъ

спраспей,

Когда бы гнусную сорвавъ еъ него личину,

Я подлыхъ дѣлъ его открылъ хошь половину,

И, въ видъ собственномъ, предсшавивъ на по-

зоръ,

Ужасный произнесъ надъ нимъ бы приговоръ;

Когда бы обличилъ я спрашны злодѣянья,

Которы, въ позднія минушы покаянья,

Ханжихинъ, успрашась и смершныхъ и боговъ,

Смирено облачилъ въ монашескій покровъ;

Когда бы позабывъ къ Прелестнымъ уваженъе,

Всѣхъ пайнъ *Кокеткиной* я сдѣлалъ откровенъе,

Иль жизнь *Распутина* порочить сталъ бы въ
 слухъ,
 Какъ въ вѣпхой хижинѣ, храня онъ бодрый
 духъ,
 И, мудрость съ ранними обрѣвши сѣдинами;
 Насъ жалкими о ней смѣшивъ проповѣдями —
 По праву бѣ ты меня злорѣчивымъ назвалъ;
 Но чѣобы надъ глупцомъ смѣялся я преспалъ?
 Чѣобѣ *Вадія* спихи внимая на мученье,
 Я могъ выказывать въ лицѣ своемъ терпенье,
 Чѣобѣ, споя съ низостью предъ знашнымъ
 подлецомъ,
 Преспалъ бы соглашать я сердце съ языкомъ;
 Иль, чѣобѣ въ кругу друзей, съ людьми иль межъ
 спѣнами,
Бурруна, *Бавія* назвалъ бы я пѣвцами,
 Чѣо бѣ оды *Балдуса* читая не зѣвалъ;
 Въ нихъ каждой бы строки съ досады не ма-
 ралъ,
 На жалкій переводъ *Расина* и *Вольпера*,
 Спокойно бы смопрѣлъ и хлопалъ изъ пар-
 пера —
 На это нѣтъ моей покорности къ тебѣ:
 Я это повелѣть не въ силахъ самъ себѣ!
 Предавши своему печашный вздоръ сужденью;
 Мешаю ль онъ него купцовъ обогащенью?

Благодаря уму своихъ покупателей,
 Какъ Крезъ онъ глупыхъ книгъ разжился
 Глазуновъ;
 И въ чемъ же виненъ я, когда, за наказанье,
 Купивши и прочтя *Безсмыслова* маранье,
 Скажу, что лучше бъ онъ его не издавалъ,
 Тогда его глупцомъ никшо бы не назвалъ;
 Полезный сей совѣтъ, всякъ право дашь имѣетъ
 Тому, кто пишеть вздоръ и вздоръ печатаетъ
 смѣетъ,
 Пусть авторъ плачущій нанижетъ пачь спра-
 ницъ,
 Гдѣ проситъ милоспи, пощады, павши ницъ,
 Не внемлетъ ничего чипашель безприспращ-
 ный:
 Спихи лѣшяшъ въ огонь — и гибнешъ шрудъ
 несчастный!
 Къ тому же въ силахъ ли саширой я своей,
 Хоть мало обратишь на разумъ риѣмачей?
 Я *Балдусу* твержу: ты не рожденъ поэтомъ,
 Будь другомъ, будь опцомъ, полезенъ будь со-
 вѣтомъ,
 Иль помощью другимъ — лишь кончу мой совѣтъ,
 А *Балдусъ* за перо — и вновь полился бредъ,
 И мнѣ жь, за доброе пріязни наставленье,
 Несносные спихи чипающъ на мученье!

Я *Вздоркинъ* сто разъ спыдъ тяжкій пред-
рѣкалъ,

Когда онъ въ свѣтъ свои посланья издавалъ;

А *Вздоркинъ*, что ни день, то басня, или ода,

А *Вздоркинъ*, новаго произведя урода,

Скропавши два стиха, надулся и кричитъ:

О радость! о восторгъ! и я, и я *Питъ*!

Вопще предъ *Бавіемъ* всѣ силы изпощаю

И къ смыслу здравому склонить его желаю;

Риѣмачъ не колебимъ — и съ каждою луной,

Насъ новою даритъ въ журналъ чепухой;

Совѣтомъ оскорблясь, себѣ жъ къ спыду и
сраму,

Смѣшную на меня пускаетъ эпиграмму;

И эпо ль ты во мнѣ злорѣчіемъ зовешь,

За эпо ли конца ужаснаго мнѣ ждешь?

Не мнѣ ли одолженъ тѣмъ *Балдусъ* многоплод-
ный,

Что можешь быть его прочтешъ попомокъ
поздный?

Безвѣспны имена: *Фирсъ*, *Мевій* и *Злословъ*,

Извѣспность обрешутъ цѣной моихъ сти-
ховъ,

И можешъ быть, съ гудкомъ мой *Бавій*, вмѣсто
лиры,

По смерши разсмѣшитъ чипашелей сапиры!

За это ль на себя ихъ мщенье навлеку,
 Чшо я имъ лишній годъ прибавлю на вѣку?
 Но, Муза! замолчимъ, покорспвовавъ умѣя,
 До перваго глупца — и перваго злодѣя!

НОЧЬ НА МОГИЛѢ ДРУГА.

Солнце сѣло — сумракъ лѣшній
 Увлажилъ собой поля,
 Я спѣшилъ подъ дубъ столѣтній
 Слушать пѣсни соловья,
 Громко, въ воздухъ душистомъ,
 Разливалъ любви воспоргъ,
 И въ раскатахъ, съ звонкихъ свисомъ,
 Упомясь пѣвецъ умолкъ.

Все вкушало сна опраду,
 Тишина въ поля сошла,
 И, среди небесъ, лампаду
 Блѣдна Циншія зажгла;
 По лазури распеспрился
 Звѣздъ горящихъ миллионъ,
 Сребровидный опразился
 Токъ падающихъ съ шумомъ волнъ. . .

Спишь щасливецъ, усыпленный
 Сладострасіа рукой,
 Спишь спрадалецъ изнуренный,
 Раздѣля свой одръ съ тоской,

Легки призраки спустились —
 Бѣдный узникъ усыплѣнъ,
 Цѣпи розами увились,
 Гласъ свободы слышишь онъ!

О безцѣнный даръ природы,
 Силъ подапель, сладкій сонъ;
 Жершва скорби, въ юны годы,
 Я одинъ тебя лишенъ!
 Звукомъ гореспной цѣвницы,
 Близъ швоей, почившій другъ;
 Мхомъ поросшія гробницы
 Услаждаю скорбный духъ.

Сколь блаженъ, тебѣ подобно,
 Кто на вѣкъ почилъ отъ золь,
 И отъ спраншвія безплодна
 Приспанъ вѣрную нашелъ;
 Во швоей могилѣ тѣсной
 Воздыханья, плача нѣтъ,
 Нѣтъ тоски, со мной всемѣспной,
 Лютыхъ горесшей и бѣдъ.

Ни ужасный спраспи пламень!
 Ни борьба съ самимъ собой,
 Ты недвижимъ, шихъ, какъ камень,
 Водруженный надъ шобой!

Ни Судебъ, ни смертныхъ злобъ
 Не подвластна перспь швоя;
 Ахъ почто съ тобой во гробъ
 Не сокрылся вмѣспѣ я!

Дона на берегу високомъ,
 Средь обители опцовъ,
 Я лежалъ бы въ снѣ глубокомъ
 Близъ священныхъ ихъ гробовъ —
 Ликъ увядшій, пихій, блѣдный,
 И къ груди прижатый крестъ — —
 Скороль, скороль, спранникъ бѣдный,
 У родимыхъ будешь мѣспѣ? —

У Н Ы Н І Е.

Люблю вѣ душѣ моей уныніе пишатъ.
 Природа всякій часѣ гошова намѣ внимаѣтъ;
 Наспавникѣ испинный — поварищѣ драгоцѣнный!
 Но болѣе всего люблю тошѣ часѣ священный,
 Какѣ гаснешѣ вѣ облакахѣ, прощаясь сѣ міромѣ
 день,
 Какѣ длинная сѣ холмовѣ вѣ долины ляжешѣ
 шѣнь,
 Полдневныхѣ шумѣ работѣ умолкнешѣ посше-
 пенно
 И пѣніе пѣвцовѣ слабѣешѣ опдаленно,
 Скрывающа цвѣшы, чернѣющѣ зыби водѣ,
 Какѣ, свѣша царѣ, скончавѣ шоржесшвенный свой
 ходѣ,
 Померкшее чело скрываетѣ за туманомѣ —
 И шеплишѣ заря на западѣ багрянѣмѣ.
 Тогда, мечшается, сѣ прохладнымѣ вѣшперкомѣ,
 Молчаніе лепишѣ подѣ маковымѣ вѣнкомѣ,
 Другѣ ночи, и о ней желанный возвѣспишель!
 Ты мирѣ и сонѣ ведешѣ орашая вѣ обишель!
 Часѣ вечера вѣ поляхѣ — печальный жизни видѣ!
 Спруя сокрытыхѣ водѣ во кругѣ меня журчишѣ

И ароматъ съ цвѣтовъ не видимыхъ возводишь;
 Тогда во глубину свою мой духъ низводишь:
 Спятъ чувства — и мечта его оживлена!
 Пареніямъ ея вселенная шбсна.
 Сюда питаешь ее, подъ наклоненной ивой,
 Сажусь — и углубленъ въ бесѣдъ молчаливой —
 Сюда — унынія и мудрости друзья!
 Ликъ мѣсяца блеснулъ на зеркалъ ручья!
 Предъ мною храмъ села, въ очахъ моихъ кладь-
 бище,
 Ошшедшихъ отъ земли пуспынное жилище,
 Не бронза, не гранитъ — вѣщатели похвалъ!
 Полуобрушенный, покрытый дерномъ валъ,
 Заросшихъ рядъ могилъ, гдѣ мохъ лишь посѣ-
 дѣвшій
 На камняхъ гробовыхъ, иль вновь зазеленѣвшій,
 Почившихъ время сна являетъ для очей;
 Здѣсь пепелъ ихъ свѣжитъ извивистый ручей,
 Какъ брашья, какъ друзья, гробъ вмѣстѣ, сшар-
 ца, млада,
 Ихъ перспи не дѣлитъ желѣзная ограда!
 При нихъ взоръ спранника спремился оп-
 дохнуть,
 О брашья, вмѣстѣ печь и вмѣстѣ кончить путь!
 О плѣнности мечта здѣсь духъ мой посѣщаетъ,
 Шагъ каждый мой себѣ подобныхъ попираетъ,

Изъ праха нашего составила земля.
 А тамъ, гдѣ, день и ночь, гремитъ Творцу хвала,
 Въ природной проснопѣ ума не озаренна,
 Не хитроспью его, а чувствомъ соплебенна,
 Гдѣ, мнишся, самъ Опецъ внимаетъ чадъ сво-
 ихъ,
 Вселяетъ въ злобныхъ страхъ и милуетъ бла-
 гихъ,
 Гдѣ древность на спѣнахъ, съкирой швердой
 спали,
 Не изгладимыя означила скрижали —
 Въ семъ храмъ — мысль моя со препепомъ па-
 ритъ,
 Приникши къ олтарямъ поющи лики зришъ,
 Духъ вѣрою — мольбой ланишы воспаленны:
 Уста несущи пѣснь — и очи умиленны!
 Тамъ молился, предспахъ гошоваясь предъ су-
 домъ,
 Раскаянье, къ землѣ приникшее челомъ,
 Въ пошокъ слезъ свое срѣшаетъ искупленье;
 Благословляя тамъ опѣ міра удаленье,
 Согбенный лѣшами, подъ бременемъ скорбей,
 Желая ускоритъ кончиною своей,
 Домъ шѣсный пруженикъ себѣ угоповляетъ,
 Не конченъ зрится прудъ . . . а спарецъ из-
 плѣваетъ! . . .

Сюда, въ часъ осени, спекайтесь друзья!
 Какъ съ шорохомъ листовъ смѣсился шумъ
 ручья,
 И шокъ, разсвирѣпѣвъ, въ разширенномъ спрѣ-
 мленьѣ,
 Къ окрестнымъ понесешъ жилищамъ попо-
 пленье,
 Какъ въперъ возшумишъ, внезапный гость лѣ-
 совъ,
 И обнажитъ верьхи дряхлѣющихъ дубовъ,
 Когда опцвѣвшія дубравы и долины
 Предсаваяшъ взорамъ видъ печальныя карпины,
 И вы не встрѣшите въ зеркалѣ мупныхъ водъ,
 Ни ушра зарево, ни неба ясный сводъ,
 Фебъ скроешся, узрѣвъ природы разрушенье,
 И, въ скорби, сократишъ для ней свое ше-
 ченье,
 Когда она, сорвавъ красошъ своихъ вѣнецъ,
 Сама — какъ спарица срѣшающа конецъ —
 Тогда, мои друзья, въ сей мрачный лѣсъ всту-
 пайте;
 Свой собспвенный закатъ всеобщимъ улаж-
 дайте,
 Смерть менѣе спрашна коль думаемъ о ней.
 Сидящимъ вамъ въ мечшахъ, бышь можешъ,
 вѣспникъ сей,

На мшистой высотѣ по временно звучащій,
Которымъ говоритъ намъ мигъ, отъ насъ ле-
тящій,

Моленья скажетъ часъ... во храмъ огонь блеснетъ,
Всякъ къ мѣсту, въ немъ себѣ избранному, при-
детъ:

Торжественъ часъ хвалы Предвѣчному несомый!
Быть можешь, окруживъ почившихъ шѣсны дома,
Благословенія на прахъ ихъ пришекупъ,

Моленіе и скорбь свой тихій гимнъ сольютъ,
И взыдетъ ѿиміамъ надъ дремлющимъ въ покоѣ...

Тамъ вѣры чувствуйте величіе простое!

Или, всю скорбь въ себѣ спрѣмится вмѣспишь,

Всю силу ближняго несчастіе дѣлишь,

Когда, сквозь часный кровъ, соспавленный въ пи-
вямъ,

Съ блѣднѣющимъ челомъ, съ померкшими очами,

Съ власами, падшими въ небрежности на грудь,

Вы узрите красу, таящу робкій пупъ,

Къ могилъ, гдѣ ея опрада заключенна:

Духъ скорбью услажденъ, грудь плачемъ облег-
ченна!

Склонясь на мшистый крестъ задумчивымъ че-
ломъ,

Унынія она вамъ будетъ Божеспвомъ.

КЪ ПАТРИОТАМЪ.

ПИСАНО ВЪ 1812 ГОДУ, ПО ЗАНЯТИИ ФРАН-
ЦУЗАМИ СМОЛЕНСКА.

Цари вѣ плѣну — вѣ цѣпяхъ народы!
Часъ рабства, гибели приспѣлъ!
Гдѣ вы, гдѣ вы, сыны свободы?
Иль нѣпѣ мечей и оспрыхъ спрѣлъ?
Иль мужество вѣ груди оспыло,
И мспишѣ желѣзо позабыло?
Вѣ Россіи врагъ . . . и спишѣ нашъ громъ!
Почто не вѣ бой? онѣ намѣ ли спрашенѣ? —
Уже верьхи Смоленскихъ башенѣ
Віющія пламеннымъ сшолбомѣ!

Се вѣспникѣ кары — вражьей прапы:
Ихѣ кровь жарѣ месши уполишѣ!
Кѣ мечамѣ! вѣ передѣ! блаженѣ прикрапы
Кто первый смершью упредишѣ!
Развѣйшесѣ знамена побѣдны,
Героевѣ — предковѣ дарѣ наслѣдный!
За ихѣ могилы бишѣся намѣ!
На гибель злымѣ и малодушнымѣ,
Самѣ браней Богѣ, вождемѣ воздушнымѣ,
Лѣпишѣ свяшымѣ симѣ знаменамѣ!

Ихъ Слава нарекла своими —
 И носимъ имя мы Славянъ!
 Въ передъ, рядами — вмѣстѣ съ ними,
 Перуномъ грянемъ въ вражій станъ!
 Сразимъ, иль всякъ кослями ляжемъ,
 И гробный холмъ потомству скажемъ:
 Здѣсь скрытъ безпрепечныхъ соборъ,
 И скажутъ вѣки и спихіи: —
 Онъ славу защищалъ Россіи
 И мстилъ вселенныя позоръ!

Стыдомъ, проклятіемъ покрытый,
 Сей царь земли, сей богъ побѣдъ,
 Въ ровъ гибели для насъ изрытый,
 Съ высотъ честей своихъ падешъ!
 Не сонмъ наемниковъ иль плѣнныхъ,
 Къ алчбѣ, корысти успрѣмленныхъ,
 Предателей страны своей,
 Копоры въ страхъ рабскомъ пали,
 Въ добычу все врагамъ отдали —
 И прахъ опеческихъ косшей!

Онъ вспрѣшилъ въ насъ Героевъ Славы,
 Извѣстныхъ свѣту Россіянъ,
 Спасавшихъ чуждыя державы
 Копорыхъ суша, океанъ,

Въ побѣдахъ громкихъ созерцали,
 Которыхъ царства препешали,
 Кого дрожалъ и храбрый Шведъ,
 И Прусъ, и Галлъ не посюянный,
 Самъ вождь его, въ бояхъ вѣнчанный,
 И спящій въ гробъ Магомедъ!

Возстанъ Героевъ Рускихъ сила!
 Кого и гдѣ, въ какихъ бояхъ
 Твоя десница не разила?
 Днесъ брань вспаеши въ родныхъ поляхъ —
 Гдѣ персти, древа и камни хладны,
 Возжгуши свой духъ ко славы жадный!
 Одинъ, одинъ врагу ударъ —
 И вся Европа опомстишся:
 Здѣсь Бельшъ отъ крови задымишся —
 А тамъ — вспыхнетъ Гибралтаръ!

НА ПЛЯСКУ Д. . . .

ВЪ ОДНОМЪ ПРЕВОСХОДНОМЪ БАЛЕТЪ.

Волшебствѣ и красоты съ не знаемаго міра,
 Не Феяль опдѣлясь предспала предо мной,
 Иль Флора рѣзваго любимица зефира,
 На злачныя поля слешающа весной?
 Иль, нимфа свѣплыхъ водъ, прелесна Данаида,
 За коею бѣжишъ въ воспоргъ Аполлонъ?
 Иль юная сама, любви машъ, Киприда,
 Еѳирозвѣздный имѣюща хипонъ?
 Съ сей чудной быспропой, съ сей легкоспью
 небесной,
 Съ проспыми смерпными лешаетъ предо мной,
 Движеньемъ правишъ хоръ гармоніи чудесной,
 И игры, прелеси, во кругъ ея полпой!
 То съ нею въ быспропъ чупъ видимой кружашся,
 То вдругъ, свершивши быспрый кругъ,
 Съ лилейною рукой воздѣшы успремяшся,
 Прильнушъ къ успамъ, къ груди . . . съ сто-
 пами вьюшся вдругъ!
 Она, при громъ спрунъ, во гнѣвъ и прещеньи,
 Богини предо мной являетъ грозный видъ,

И вѣ выразишь въ, пропяхномъ испуленьи,
 О нѣжности любви съ улыбкою швердишь! —
 О, еслибъ я возмогъ, швоимъ владѣя даромъ,
 Очарованье лишь какъ ты во кругъ себя,
 Съ какимъ бы сладоспнымъ, кипящимъ вѣ сердцѣ
 жаромъ,
 О дѣва юная! прославилъ я себя! —

НА ЕЯ ЖЪ СКОРОПОСТИЖНУЮ СМЕРТЬ.

Гдѣ ты, о юная подруга Терпсихоры?
 Вчера ты въ поржествѣ являлась предо мной,
 Вчера твои красы срѣпали жадны взоры,
 Обвороженные чудесной быспрошой;
 Зефира легкаго и прелеснь и движенье,
 Цвѣтъ нѣжныя весны, сокрывшійся на вѣкъ,
 Вчера срѣпала ты мой плескъ и удивленье,
 Сего дня.... вспрѣпишь гробъ я ранній твой
пришекъ! —

Когда средь сонма Сильфъ и рѣзвыхъ Ореадъ
 Дивился твоему искусству несравненну,
 Мечталъ ли, что тебя, весельемъ окриленну,
 На упрѣ окуешъ внезапный смерши хладъ?
 При взглядѣ на тебя, средь сладкаго помленье,
 Мечталъ ли, чтобъ красы разцвѣвшія твои,
 Упращивъ и хвалу и пайнства свои,
 Споль рано погреблись въ обипели изплѣнья?
 О дѣва! можешъ бышь, въ незнаньи, сей
же часъ,

(Сокрытъ кончины мигъ) и я, тебѣ подобно,
 У праха твоего изрѣкши спихъ сей скорбно,
 Услышу и меня зовущій смерши гласъ!

НА СВИДАНІЕ СЪ А

Который, послѣ жестокихъ ранъ подѣ
Бородинымъ, долго считался убитымъ.

О воинъ — другъ! съ кровавой сѣчи
Ты предо мной! ты пощаженъ!
Воспоргъ нечаянныя встрѣчи!
Но ахъ, какъ много стоишь онъ!
Ты въ язвахъ весь: рука, ланища —
И грудь, геройствомъ знаменища,
На бранныхъ дышетъ коспыляхъ . . .
О жертва славы въ юныхъ дняхъ!
Еще въ объятъяхъ, другъ безцѣнный,
Ты живъ — и дружба предъ тобой!
Она твой спутникъ неизмѣнный,
Пускай услышишь голосъ твой —
Вспомни страшны ей минушы,
Какъ полчища ворвались люты
Въ опчизну пагубной рѣкой —
Про ужасъ битвы — пораженъя —
Какъ міру лучъ блеснулъ спасенья —
Вѣдай про Бородинской бой!
Участникъ въ избавленьи свѣта,
Скажи, какъ въ упреннѣй туманъ,

Съ лучемъ мерцающимъ разсвѣта
 Враги ударили въ вашъ спанъ,
 Какъ ты лепалъ, впреди и съ пыла,
 Съ мечемъ, кошорый изосприла
 Святая къ родинѣ любовь,
 Какъ пихла брань, ярилась вновъ;
 Какъ зрѣлъ ты въ мглѣ, сквозь паръ кровавой,
 Передъ собой побѣду съ славой,
 И лица блѣдныя враговъ! . . .

Предспавъ — пусть дружба ободрится —
 Топъ мигъ, какъ злобнымъ оспріемъ
 Лице геройское багрился
 И длань пронзаеися свинцомъ,
 Какъ ты, къ опчизнѣ полнѣ любви,
 Безчувственъ спавъ къ пекущей крови,
 Вождя — начальника органъ (*)
 И пупъ, и шамъ, о випись дивный,
 Какъ вихрь разносишь пуспынный
 И движишь брани океанъ!
 Какъ, наконецъ, ядромъ поверженъ,
 Въ пыли, въ опчаяннѣ, въ плѣну,
 Единой мыслью: врагъ низверженъ!
 Живишь со смертію борьбу;

(*) Онъ былъ Адьюпантомъ.

Вѣщай, какъ изнуренъ и гладенъ,
 Къ подробностямъ слухъ дружбы жаденъ,
 Часы въ спраданіи влача,
 Покрышъ ужъ смерти пеленою,
 Жизнь страшной изкупалъ цѣною
 Подъ хипрой спалию врача! . . .

Представь — да духъ мой восхищенный,
 Сію къ отечеству любовь,
 И подвиги твои священные,
 Забышу лиру строя вновь,
 Предастъ въ другое поколѣнье!
 Героевъ храбрыхъ и Царей
 Даритъ безсмертьемъ пѣснопѣнье.
 Ты щасливъ въ участи твоей,
 Ты въ мракъ не сойдешь въ могилу,
 Какъ здѣсь и въ гробъ живъ равно,
 Пока въ сердцахъ имѣетъ силу
 Свяшый глаголъ: *Бородино!*

ПРИДОНСКІЙ КЛЮЧЬ.

Въ тѣни дубравы шокъ віющій,
О сынъ вѣнчанныхъ мохомъ скалъ,
Со ребрѣ ихъ въ Донъ ліющій
Свой пѣниспый криспалъ!

Къ тебѣ, придонскій ключъ цѣлящій,
Близъ коего опшельникъ жилъ,
И швой потокъ журчащій
Изъ камня изпочилъ —

Иду въ часы полдневна зноя,
Свѣжа палиму жаромъ грудь,
Средь нѣги и покоя
При шумъ отдохнушь;

Или, въ часъ вечера сумрачный,
Какъ пробираясь сквозь просшникъ,
Луна въ швой шокъ прозрачный
Свой опускаешъ ликъ;

И въ шму глубокую полнощи,
Какъ черны призраки ея,
Изъ ближней вышелъ рощи,
Обспанушъ вокругъ тебя —

Твой шумъ вѣ молчаніи внимаютьъ,
 Не движась съ вышины скалы,

И тѣни упадаютъ

Далеки по земли;

Какъ, наклонясь, вѣ тебѣ глядишься

Чело угрюмое холма:

И съ шрепешомъ дробишься

У ногъ его волна;

О ключъ, святыней изпеченный,

Пробившій влагою песокъ,

Тобою привлеченный,

Я славлю твоя испокъ!

Да вѣ вѣкъ твоя свяпишься сила

И живоносная спруи,

Вѣчно — біюща жила

Пишающей земли!

ЕЛЬВИРИНО ПОЗДРАВЛЕНІЕ

САМОЙ СЕБЯ СЪ НОВЫМЪ ГОДОМЪ.

Всѣмъ новое щасье гошовишъ судьба ;
 Чшо хочешъ Ельвира? какое моленье
 Твой ангелъ — хранишель возьметъ опъ тебѣ?
 Вся юности прелестъ вѣ одномъ наслажденьѣ;
 Веселья ли просишь? — нѣшъ, радость на вѣкѣ
 Сокрылась опъ сердца для скорби рожденна ;
 Мой возрастъ щасливый безъ щасья про-
 шекъ!

Я прежде взывала: и мнѣ обреченна,
 Бышь можешъ наспанешъ веселья чреда,
 Бышь можешъ промчися съ годами спра-
 данье —
 Теперь не спознаюсь я съ ней никогда,
 Теперь не дружишя съ шоской упованье!

О другъ ль вѣ моленъи шы скорбномъ взы-
 ваешъ,

Семъ благъ единомъ для нѣжной души?
 О немъ ли шы къ небу съ слезами вѣщаешъ:
 О небо, молишву Ельвиры внуши! —

Нѣшѣ, другѣ — дарѣ ужасный! судебъ испы-
панье!

На вѣкѣ сопряжемся вѣ минушы любви,
Всѣ сладоспи рая вѣ душевномѣ сліяннѣ —
И радоспный препенѣ оцупимѣ вѣ груди —
Но чшожѣ чрезѣ минушу? — гдѣ спутникѣ? гдѣ
милый?

Одни, опчужденны, надѣ свѣжей могилой,
И блѣдны ланишы палимы слезой!
И вздохи воспорга вѣ рыданье вмѣнились!
На небѣ ужасной, внезапной грозой
Мечшы и надежды всѣ вдругѣ изпребились! —

Чшожѣ сердцу ошалося? о чемѣ предѣ
судьбою

Ты молишь сѣ душою увядшей швоей? —
Терпѣнья и смерши взываю ошѣ ней.
О, если ты можешь пронуться мольбою;
Безвѣспная вѣ мракѣ грозящемѣ судьба,
Услыши просящей Ельвиры моленье:
Пуспѣ вѣ сердцѣ ушихнепѣ сѣ шоскою борьба,
Слезящее око опри на мгновенье,
И послѣ на вѣки сномѣ смерпи смежи;
Дай сердцу минушу прошекшей опрады,
И послѣ на вѣки его сокруши:
Вопѣ все для Ельвиры! вопѣ все чшо ей надо!

Надежду и щастье минушы одной —
И послѣ на вѣки ее успокой!

Когда же за гробомъ лучъ новый прогля-
нешъ,
И духъ воскресился къ опчизнѣ своей,
Тогда для Ельвиры годъ новый наспанешъ,
Тогда грудь Ельвиры забѣйся сильнѣй,
Лей слезы опрады неплѣнное око,
И вѣчною сердце любовью пылай,
Любовь не спрашися ни смертныхъ, ни рока,
Безропный голосъ въ воспоргѣ взывай:
Я вѣчно съ побою, другъ сердца избранный! —
Но гдѣ же, Ельвира, гдѣ часъ сей желанный?

КЪ КОЛЫБЕЛИ СИРОТКИ.

Успокойся, мой дружокъ,
 Переспань меня перзашь,
 Хоть на часъ, одинъ часочикъ
 Дай тебя мнѣ не слыхашь.

Подъ судьбы завѣсой темной,
 Въ колыбели скрытыхъ бѣдъ,
 Дланью движимый наемной,
 Ты съ поскокой глядишь на свѣшъ;

Вопль швой: мать! ея обѣяшій!
 Мать похищена судьбой,
 Ни опца, ни нѣжныхъ брашій
 Не увидишь предъ собой!

О малюпка! прочь сей нѣжный
 Раздирающій швой взоръ,
 Въ немъ начерпанъ неизбѣжный
 Провидѣнію укоръ.

То повернешся, то спонешъ,
 Какъ бы въ грусти говоря:
 Ахъ! кого на свѣшъ пронешъ
 Безпріюпна жизнь моя!

Такъ, мой другъ, коль не увянешь ,
 Съ лаской встрѣпишь всѣхъ людей ;
 Но опъ нихъ учисься спанешь
 Все скрывать въ душѣ своей.

Жизни пущь — естъ пущь спраданья . . .
 Но твоя вопль перзаешъ слухъ ,
 И приводишъ въ содроганье
 Мой привыкшій къ скорби духъ! —

Мы здѣсь въ міръ — Царь любви !
 Для твоихъ живемъ небесъ ;
 Я не зрю въ немъ сполько крови,
 Сколько зрю его я слезъ !

КЪ СЕСТРѢ МОЕЙ.

Когда, мой другъ, опять съ тобою,
Дорожный бросивъ посохъ свой,
Я нѣжной обнимусь рукою
И водворюсь въ спранъ родной?
Ужъ много лѣтъ прошло разлуки,
Давно швой другъ осиротѣлъ;
Не услаждены сердца муки,
Ни чей не облегчалъ раздѣлъ!
Когда опять съ воспоргомъ встрѣпишь
Ты мой нечаянный приходъ,
И на лицѣ моемъ примѣпишь,
Слѣды печалей и заботъ?
Лѣта ужъ много измѣнили
И много взяли въ дань себѣ,
Одно лишь сердце пощадили
И дружбу нѣжную къ тебѣ!
Мечты сокрылися опрачны,
Ихъ грозный опытъ опогналъ,
Повѣялъ вѣтръ осенній, хладный,
И цвѣтъ весны моей увялъ! . . .
Когда наступитъ часъ желанный,
И я, въ опеческомъ дому,

Вѣ пріюшѣ дружбы, гостѣ нежданный,
 Прижмуся къ сердцу швоему?
 Пропекшихѣ дней воспоминанье
 Мы оживимѣ вѣ душѣ своей,
 И я начну повѣспованье
 Моихѣ вѣ разлукѣ пекшихѣ дней,
 Какѣ я, съ бѣдами и судьбою
 Боролся силѣ лишенѣ своихѣ —
 И — услажденѣ швоей слезою,
 На вѣкѣ изглажу память ихѣ!
 О, другѣ мой, щаспливѣ я заранѣ
 Сей усладительной мечшой,
 Уже, вѣ пріятномѣ чувствѣ обманѣ,
 Тебя я вижу предѣ собой,
 То мнишся мнѣ, обвороженный,
 Съ побой по рощамѣ я брожу,
 Вѣщаю — и вѣ душѣ блаженной,
 Воспорга словѣ не нахожу!
 То, вѣ блѣдномѣ вечера мерцаньи,
 Ведомый дружбой и побой,
 Иду, вѣ задумчивомѣ молчаньи,
 На брегѣ высокій и крушой,
 Гдѣ Донѣ, вспоившій насѣ, свѣтлѣетѣ,
 Разсплавѣ далеко зыби водѣ,
 Гдѣ жатвой нива богатлѣетѣ,
 Родныхѣ полей обильный плодѣ! . . .

Но гаснетъ ужъ заря на югъ,
 Въ шуманъ кроются лѣса,
 И поселянъ, поющихъ въ кругъ,
 Вдали слабѣютъ голоса;
 Мы тихою идемъ стопою,
 Проспаясь до ушреннихъ часовъ,
 И, провождаемы луною,
 Въ свой мирный доспигаемъ кровъ;
 Съ ея опрадными лучами
 Низходящъ благошворны сны . . .
 Уже, распавшись съ суедами,
 Я сплю на ложъ пишины!
 Часъ упра! о восторгъ всегдашній!
 О немъ, крылами бѣя, гласишъ
 Вспрѣвожась, пѣшелъ мнѣ домашній,
 И сонъ отъ глазъ моихъ лепишъ!
 Подъ перлами росы блестящій
 Открышъ предъ мной зеленой лугъ,
 И рогъ звучишъ спада будящій,
 И волъ взревѣлъ впряженный въ плугъ!
 Любовь швоя своимъ привѣтомъ
 Идешъ меня предупредитъ
 Я съ бурнымъ разпросился свѣтомъ!
 Даю зарокъ для дружбы жить!
 Но что! — швой призракъ удался,
 За нимъ мечтаній рѣзвыхъ рой:

Къ землѣ печальный взорѣ склонился,
 И я опять одинѣ съ шоской!
 Томлюсь, Форшуны рабѣ слѣпая,
 Безѣ наслажденья прачу дни,
 И блага промѣнялѣ прямыя
 На ложны призраки одни!
 Мой другѣ! щаспливаго возвраща,
 Когда на родину дождусь,
 И предѣ домашняго Пенапа
 Съ смиренной жершвою явлюсь!

МАТЬ - УБИЙЦА.

(ИЗЪ ШИЛЛЕРА.)

Слышишь! бѣшѣ ужасный часѣ!

Укрѣпитесь силы!

Вмѣстѣ къ смерти! ищущѣ насѣ!

Бросишь въ ровѣ могилы!

Все исчезло: — Божій свѣтѣ,

И небесѣ опрада,

Для меня васѣ болѣ нѣшѣ —

Я добыча ада!

Ахѣ, проспи и свѣплый день,

Взорѣ улажденъе,

Сладоспраспна ночи шѣнь —

Чувспвѣ обворѣженъе!

Блескѣ опраднѣ вашѣ погасѣ,

О мечпы злапыя!

Быспро скрылись вы отѣ глазѣ,

Радоспи земныя!

Я, въ убранспвѣ юныхѣ лѣшѣ,

Веселясь красѣю,

Улыбалась здѣсь какѣ цвѣшѣ,

На зарѣ весноѣ!

Днесъ во гробъ осуждена —
 И покровъ кончины,
 Блѣдный ликъ, гдѣ смерть видна,
 Скрылъ до половины!

Лейте слёзы надо мной,
 О подруги милы!
 Вы, кому даны съ красой
 И душевны силы!
 У жеспокаго въ рукахъ,
 Въ радости безпечной,
 Въ милыхъ ядъ пила устахъ —
 И погибла вѣчно!

Можетъ быть, теперь съ другой,
 О измѣнникъ лютый!
 Какъ встрѣчаю я съ тоской
 Смершныя минушы,
 Пьетъ онъ радость и любовь,
 Скорбь забывъ и спрахи
 А моя здѣсь брызнетъ кровь
 Высоко отъ плахи! . . .

Едвинъ, Едвинъ, за тобой
 Пусть сей гласъ печальный,
 Всюду слѣдуетъ сей вой,
 Спрашный, погребальный! . . .

Пусть всегда въ швоемъ умѣ
 Смерть Луизы бѣдной,
 И призракъ ея во шмѣ
 Предъ тобою блѣдный!

Вѣроломный! спраши жаръ —
 Ни цвѣща младосшь,
 Ни залогъ любви — сей даръ,
 Львовъ и шигровъ радосшь . . .
 Все отвергнулъ! — на земли
 Скорбь со мной оставивъ,
 Ты летишь одинъ вдали
 Паруса разправивъ!

А младенецъ? горькій плодъ!
 Ахъ, почто явился?
 Въ полномъ образъ красотъ
 Ликъ швой обновился;
 Сердце мапери мечшой
 Сладкой оживилось;
 Вдругъ опчаянье съ шоской
 Въ немъ соединилось:

Гдѣ отецъ мой? — спросилъ
 Онъ ужаснымъ взоромъ —
 Гдѣ супругъ швой? онъ грозилъ
 Миѣ нѣмымъ укоромъ —

О невинность! горе намъ!

Онъ на вѣкъ съ другою,
Глухъ къ спѣваньямъ и мольбамъ,
Вѣчный стыдъ съ тобою!

Ахъ, и машерь? . . . грозный адъ —
Тамъ ея обитель!

Спрашенъ милый швой мнѣ взглядъ;
Муки возвѣститель!

Каждый смѣхъ швой на устахъ —
Есть мое спраданье,
Каждый вопль швой — сердца страхъ
И души терзанье!

Адъ на вѣкъ уже со мной!
Прочь швой лобзанья!

Вопли Фурій — голосъ швой —
Слышу ихъ воззванье;
Здѣсь, спѣшите, — вошъ онъ!
Адскій сонмъ явился!

Ихъ огонь вспылалъ во мнѣ . . .
И кинжалъ вонзился!

Едвинъ, Едвинъ! за шбой
Тѣнь сія лепашъ;

Хладной пущь своей рукой
Грудь швою ласкаешъ!

Пусть ее послѣдній взглядъ
 Ты повсюду вспрѣпишь;
 Взоры страшны; съ ними въ рядъ
 Тѣнь мою примѣпишь!

Здѣсь, смотри, у ногъ упалъ,
 Весь облипый кровью,
 Будто къ мамери припалъ
 Съ дѣтскою любовью!
 Слышу грозный гласъ судей:
 Въ сердцѣ гласъ боязни;
 Здѣсь, гошова! смерть скорѣй!
 Муки люшой казни!

Едвинъ! милосивъ Творецъ —
 И небесна сила
 Казнь смягчаеиъ злыхъ сердецъ:
 Я тебя просила.
 Все исчезнешъ! кляшъ обѣиъ
 Поцѣлуевъ сладость,
 Люшый пламень все пожрешъ;
 Ужъ горишъ; о радость!

Ахъ, нельспишесь красошой
 Дѣвы непорочны!
 Красоша — губишель мой,
 И удѣлъ непрочный!

Пушъ ко плахъ мнѣ скорѣй!

Часъ ударилъ, мсшишель!

Мамъ — убійца: не блѣднѣй

Казни исполнишель!

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ.

Я зрѣлъ: мои печальны лѣта
Сливались вѣчности съ рѣкой,
И дней моихъ, среди разсвѣта,
Клонился я на западъ мой;
Мнѣ гробъ ужасный отверзался;
Бѣжалъ отъ глазъ опрадный свѣтъ,
Вошше въ глубокой тмѣ спарался
Я дней увядшихъ видѣшь слѣдъ.

Твоя десница, Боже вѣчный!
Къ себѣ опять свой даръ беретъ,
И дни сей жизни скоропечной
Тобой сошканны мнѣ съчетъ;
Послѣднее мое свѣшило
Восходитъ въ горни высошы,
Твое дыханье отдѣлило
Меня живущихъ отъ среды.

Твоимъ дыханьемъ восхищенный
Взношусь я отъ страны земной,
Какъ стебля своего лишенный,
Несется въпрямъ листъ сухой;

Недугъ, какъ тигръ неукрошимый,
 Во мнѣ всѣ кости сокрушилъ;
 Покой ниже на мигъ единый
 Меня въ спаданьи не живилъ;

Надежды болѣе лучъ не блещетъ,
 Томлюсь я въ страхъ и въ слезахъ,
 Какъ ласповица, что шрепещетъ
 У гладна яспреба въ когтяхъ;
 Я жду кончины какъ оспрады,
 Какъ вождѣннаго добра,
 И плачемъ упомяненны взгляды
 Вращаю не въ силахъ вокругъ одра.

Объятъ болѣзнію жестокой,
 Я насупавшей ночи рѣкъ:
 О ночь! во шмѣ своей глубокой
 Меня поглотитъ ты на вѣкъ;
 Я къ восходящей рѣкъ денницѣ,
 Когда отъ ней бѣжала шѣнь:
 Увы! на свѣшлой колесницѣ
 Ты мой ведешь послѣдній день!

Душа моя покрылась мракомъ;
 И ужасъ сердце оковалъ,
 Объятъ опчаяньемъ и страхомъ,
 Въ послѣдни къ Богу я воззвалъ:

Опѣ края страшныя гробницы
 Услыши, Господи, мой гласъ!
 Ужасна мѣсть Твоей десницы:
 Пошли въ оспраду смершный часъ!

Не презрѣлъ онѣ моленій слезныхъ,
 Ропшанье грѣшнаго пріѣлъ,
 Коснулся краемъ ризъ чудесныхъ,
 Опѣ сердца муки опогналъ:
 Онѣ днямъ моимъ велѣлъ простерши
 Еще далеко свой предѣлъ,
 И въ ужасахъ грозящей смерти
 Мнѣ жизнь оспраду зрѣшь велѣлъ.

Твою, мой Богъ! пускай вселенна
 На мнѣ чудесну благоспѣ зришъ;
 Для казни правой успремленна,
 Твоя десница жизнь даришъ;
 Твоей щедросты въ прославленье,
 Для памяти чудесъ твоихъ,
 Ты пробавляешь дней печенье
 Минувшихъ спранниковъ земныхъ.

Нѣтъ, нѣтъ мой Боже и Создатель;
 Премудрость, Благоспѣ безъ границъ!
 Величья твоего въщашель
 Не ужасъ плѣющихъ гробницъ;

Не смерть, что ихъ съ улыбкой злобной,
 Во кругъ разсѣянными зришъ;
 Но персть, что подъ доскою гробной
 Къ Тебѣ надеждою горитъ;

Но пѣ, которые со мною,
 Теперь отъ ней искуплены,
 Изъ рода въ родъ, своей хвалою,
 Тебя прославяшъ ихъ сыны,
 Твое владычество всемирно;
 Я самъ пойду, всемогущий Царь!
 Возспавленный побой чудесно,
 Обняшъ священный Твой олтарь;

Я чистымъ успѣ моихъ хваленьемъ,
 Я пламенемъ души моей,
 Сердца подвигну сокрушеньемъ
 Забывшихъ о Тебѣ людей,
 Тебя познашъ я ихъ заспаваю,
 Исполню ихъ Твоей хвалою,
 Открою, вознесу, прославлю
 Надъ нами промыслъ Твой благой!

КЪ ПОРТРЕТУ ФРИДРИХА II.

Сей смертный помрачилъ сіяніе короны,
Умъ, лучшій даръ Творца, во зло употребилъ;
Ему дивилися — и гибли миллионы;
Онъ добродѣтель пѣлъ — и бичъ Европы былъ;
Поскупками пиранъ, философъ размышленьемъ,
Величіе снискалъ единымъ пресшупленьемъ;
Имъ свѣтъ опустошась его богопворилъ.

НАДГРОБНАЯ МОЛОДОЙ ЖЕНЩИНѢ.

ОТЪ ОСТАВШАГОСЯ МУЖА СЪ ОСИРОТѢЛЫМИ
МЛАДЕНЦАМИ.

Другъ милый! нѣтъ тебя, ты въ сердцѣ лишь
осталась !

Ни умъ, ни красота, ни крѣпость юныхъ лѣтъ,
Ни сердце ангеловъ, копорымъ украшалась,
Ни сиротство дѣшей, узрѣвшихъ скорбный
свѣтъ,

Отъ смерти лютыя тебя не защищили.

Съ тобой меня судьбы всѣхъ благъ моихъ ли-
шили ;

Осталось лишь одно: ихъ въ помощь призы-
вашь,

Кропя въ уныніи, въ шокѣ швой прахъ сле-
зами

Съ двумя несчастными швоими сиротами —

И ложемъ брачнымъ гробъ въ спенаньи назы-
вашь.

И Д И Л Л Я.

О Ли́ла! блаженство дней юныхъ не вѣчно!
 Какъ быспрый источникъ оно скоропечно;
 Веселья не придетъ потерянный часъ;
 Все шать сокровенный похишишь у насъ;
 Разцвѣпшая роза чрезъ мигъ исчезаетъ,
 Не долъ у Лилы зефиръ лобызаетъ,
 И лиліи персей, и розы ланишь,
 И въ страсти другъ сердца къ нимъ взоры спрѣ-
 мить!

Мы также какъ роза мгновенны бываемъ,
 Не долбе зрѣемъ — скорѣй опцвѣшаемъ!
 Въ помленіи сердца, чуждаясь любви,
 Мы лучшіе губимъ весенніе дни;
 Съ вѣнкомъ увядаетъ чело имъ увишо;
 Мы зримъ что проходитъ — что будетъ —
 сокрышо!

О Ли́ла! ужь тѣни не ищетъ въ дубравѣ,
 Ни агнецъ, рѣзвися въ невинной забавѣ,
 Ни серна прохлады въ ущелинахъ горъ;
 Съ днемъ каждымъ вспрѣчаетъ утрапу нашъ
 взоръ!

На мѣстѣ, гдѣ цвѣта видѣ зрѣлся веселый,
 Чрезъ мигъ, возвратившись, зрю стебель обле-
 тѣлый,

Въ лѣса опустѣвши вновь придетъ весна,
 Но юность другая для насъ не дана!

Ни что не наполнишь грудь въ скорби оп-
 цвѣвшу,

Ни что не ворошитъ любовь оплѣтѣвшу!

О Лила, доколѣ не все опцвѣло,

Вѣнкомъ ароматнымъ украсивъ чело,

Власы распусшивши, какъ розы, душисты,

На полныя груди, на перси волнисты,

Прижмися, лилейной рукой оплещясь,

Ты къ другу, уснами съ уснами слѣпясь;

Пусть духъ восплаетъ любовью обѣяшый!

Пусть грозное время къ намъ мчится съ зака-
 помъ —

И дни передъ нами какъ спрѣлы лепяшъ!

Любви наслажденья намъ все замѣняшъ;

Въ ней жизни вся сладость, въ ней щастье
 природы,

Минуша съ ней поже, что цѣлые годы!

М О Н А С Т Ы Р Ь.

Е л е г і я.

Наспалъ покоя часъ! отъ хвалъ, моленій пом-
ныхъ,

Пустынной пишинъ предавши мрачный храмъ,
Рядъ пруженицъ идетъ печальныхъ и безмолв-
ныхъ,

Склонись къ сладостнымъ забвенія мечтамъ.

Смирены спранныцы сей жизни скоропечной,
Для коихъ навсегда веселье опцвѣло;

Ихъ Вѣра облекла въ одежду скорби вѣчной;

Ихъ блѣдное къ землѣ пошуплено чело.

Вспупаетъ каждая въ свой перемъ одинокой,

Другъ къ другу скорбный взглядъ бросая при
дверяхъ;

Свѣшило дневное сокрылось въ полнѣ глубокой —

И вечеръ воцаренъ прохладный на поляхъ!

Все пусто вокругъ меня! лишь тихое моленье

Несется изъ среды обители свяшой;

*

Тамъ дѣва, пришаясь, въ сердечномъ сокрушеньѣ,
Возносишъ къ Божеству смиренный голосъ
свой.

Быть можешъ, спраспю несчастною помима,
Погибшихъ радостей взываетъ отъ небесъ,
Или, печалію ко гробу приводима,
Послѣдній молишъ часъ съ попокомъ горькихъ
слезъ.

Какъ, скрытое во мракъ, ей внемлетъ Прови-
дѣнье

И часъ полуночи медлительно звучишъ;
Сопутницы ея вкушающъ сна забвенье —
И ихъ безбрачный одръ являетъ гроба видъ.

Свѣшльники любви для нихъ не возгоряшся,
Оспрадъ супружества сердца ихъ не найдущъ;
Ихъ въ чадахъ красоты уже не обновяшся —
И самыя мечты жилища ихъ бѣгущъ.

Суровое одной святыни обожанье
Кладетъ на лица имъ угрюмости печать;
Ихъ сердце хладное мерпвѣетъ въ покаяньѣ,
Въ привычкѣ горестной отъ радостей бѣ-
жашъ.

Всѣ дни проведены въ общахъ ихъ пуспынныхъ:
 Гнѣвъ праведныхъ небесъ на милость преклоняшъ,
 Ко Промыслу неспись хваленъемъ успѣ невин-
 ныхъ,

Свяшой его олшарь смиренно украшашъ.

О вы, владѣющіи возлюбленныхъ сердцами,
 Кому веселіе въ семъ мірѣ суждено,
 Не смѣйте ихъ встрѣчашъ съ надмѣнными очами:
 Блаженство мыслию конца оправлено.

Что вѣчно изъ даровъ здѣсь скорбныхъ и пре-
 врапныхъ?

Разрушитъ щасіе одинъ попребенъ мигъ;
 И горькая тоска о благахъ не возвращапныхъ
 Есть плаха шаякая, по коей цѣнимъ ихъ.

Пускай, подобно вамъ, онъ, во взорахъ спрасш-
 ныхъ,

Величіе своей побѣды не прочтешъ,
 Не встрѣшатъ ихъ во вѣкѣ — и рукъ своихъ
 прекрасныхъ
 Въ объятія пламенной любви не проспрушъ.

Увы! сія краса, и взоры жизнь даючи,
 Предъ грозною судьбой себя не защишатъ;

Вошце, сліясь вѣ одно, мольбу свою несущи,
Сердца присупспвіемѣ взаимнымѣ жишь хо-
тящѣ —

Все рушитѣ алчна смерти! всѣ узы разрываешѣ,
Сокровище любви и прелестѣ юныхѣ лѣтъ,
Средѣ нѣгѣ, иль на одрѣ спраданья поражаетѣ,
И мхомѣ покрышый гробѣ единспвенный нашѣ
слѣдѣ.

Вѣ часѣ упра свѣшлаго, и вечера вѣ мерцаньѣ,
Когда, вѣдомымѣ вамѣ сердечною шоской,
Сей безопшвѣшный гробѣ укажетѣ воспоминање
И слезы попекушѣ на знакѣ его рѣкой — —

Вошце, средѣ скорбнаго души своей порыва,
Обѣемля хладну перспѣ, вы будешѣ искашѣ,
На плачѣ вашѣ милаго, знакомаго опшзыва,
И сердце горесшнымѣ обманомѣ обольщашѣ;

Вкругѣ васѣ единый шумѣ, спрегущія гробѣ ели,
И видѣ знакомыхѣ мѣспѣ вамѣ будешѣ гово-
ришѣ,
Тогда, какѣ живо все, лишь вы осиропѣли,
Лишь вашихѣ благѣ однихѣ не можно возвра-
тишѣ!

Спезя сомнѣнія ко смерши опѣ рожденья,
 Ведетъ печальныя народовъ племена;
 И если горести смѣняющъ наслажденья,
 И въ нихъ безъ примѣси намъ радость не
 дана!

Что самая любовь, сей жизни упоенье?
 Воспорги пламенны въ сліяніи сердецъ,
 Не сполько сладостны, какъ спрашно разлу-
 ченье —
 Спрашнѣйшее для насъ, чѣмъ самый нашъ ко-
 нецъ!

Бышь можешъ, нѣкогда, къ гробницѣ сей вы-
 сокой,
 Когда вы, въ тишинѣ, придете здѣсь бродишь,
 Въ мечтанья погрузясь о долѣ одинокой,
 Приникнешъ скорбна шѣнь и будешъ говоришь:

„Я юную имѣлъ, во цвѣтѣ дней, подругу,
 „Ее сразила смершь — послѣдню ей услугу
 „Опдашь я, въ горести, за гробомъ шекъ ея;
 „Унылый мѣди звонъ, свѣтъ пусклаго огня,
 „Мольбы, копорыя вкругъ гроба проспирались,
 „Съ спенаніемъ друзей и съ плачемъ ихъ сли-
 вались,

„Все скорбію мой духъ исполнило погда ;
„Но чпо я чувспвовалъ, красавицы! . . . когда
„На первый звукъ земли, валимой шихо съ края,
„Въ глуши опозволась обитель гробовая?“ . . .

Б Ъ Д Н Ы Й П О Э Т Ъ.

Вольный переводъ изъ Жильберта.

О дней моихъ весна! куда сокрылась ты?

Едва твой слѣдъ примѣчу,

Какъ сна плѣнительна мечты,

Вопще лечу къ тебѣ — тебя во вѣкъ не встрѣчу!

Полжизни, можешь быть, моей,

Въ себѣ ты заключила;

Но ахъ, жалѣшь ли мнѣ о ней?

Восходъ моей зари ты скорбью омрачила,

И скрылась отъ меня,

Какъ кроется отъ глазъ, предвѣспникъ бурна дня,

Въ шуманныхъ облакахъ померкшее свѣшило!

Но блескъ опрадныхъ дней твоихъ,

Еще прельщенное воображенье ловишь,

Кто знаешь, что судьба въ грядущемъ намъ

гоповишь?

Обрекши, можешь быть, для горестей иныхъ,

О скорбь! въ юдоли сей изгнанья,

Гоповила она жестокою рукой,

Чтобъ шелъ тернишою спезей я испытанья,

И силы укрѣплялъ души моей побой!

Такъ, ты мою спезю въ семъ мірѣ начер-
тала!

Я успѣ отъ твоего не отклонялъ фіала,
Съ начала бышія тобою уловленъ;

Едва спрадальческихъ пеленъ

Младенчества освободился,

Первѣйшихъ благъ земныхъ, ласкъ матери ли-
шился —

И колыбель моя явилась гробомъ ей!

Младенцемъ я позналъ условье жизни сей —

И первый мой урокъ была ея могила!

Съ тѣхъ поръ меня, ты, скорбь, себѣ усыно-
вила!

Лишь пылкой юности свѣпильникъ возбли-
спалъ,

И славы призракомъ мой духъ обворожился,

Я въ слѣдъ за нею успремился —

И чтожъ, безумецъ, я искалъ?

Нешасному о ней и мысль уже пресупна;

Какъ злопо хладная, ничтожная какъ дымъ,

Единой хипроси ласкашельства доступна —

И чуждая сердцамъ не злобнымъ и проснымъ!

Не успыжусь изрѣчь, что жребій всемогущій

Извелъ меня на свѣтъ среди просныя кущи,

И бѣдностъ лишь одну въ наслѣдье далъ отецъ;

Родившись царемъ — я презрѣлъ бы вѣнецъ,

И, одолженнымъ бышь стыдѣся въ чемъ породѣ,
 Послѣднему бѣ въ моемъ завидовалъ народъ,
 Желавъ родиться вновь, чѣмъ вознесшися
 собой! . . .

О скорбный мой отецъ! я слышу голосъ твой,
 Родительскихъ полей почто, въ ожесточеньѣ,
 Мой сынъ, забывъ меня, бѣжишь — за кѣмъ во
 слѣдѣ?

„Ко Славѣ!“ позабуди безумное стремленіе,
 Я дряхлѣю, а ты едва по слуху знаешь свѣтъ,
 Въ печальной спароси останься мнѣ опрадой,
 Мой день почти угасъ, живу не для меня,
 И свѣтомъ слабого колеблема огня,
 Хочу свѣтить тебѣ послѣднею лампадой!
 „Ко Славѣ!“ если пакъ, спускай! — мнѣ, въ цвѣ-
 тѣ дней,

Какъ юность пылкая зовешь во храмъ чесней,
 Мнѣ даль не видашь опеческихъ полей!
 Тотъ мертвый человекъ кто въ обществѣ не
 славенъ!

И вотъ — корабль готовъ, и парусъ мой направ-
 ленъ;

И въ приспани, Творецъ, меня не удержалъ!
 Взялъ въ руки опытъ руль — и скоро мнѣ сказалъ:
 Ты менѣ чѣмъ одинъ, ты кровными остав-
 ленъ!

Для ней, для ней всѣмъ жершвовашъ хочу!

И Слава ль не плѣнишъ духъ прямо благо-
родный?

Я гражданинъ, за жизнь я обществу плачу,
Вѣй вѣшеръ — и лепи корабль по безднѣ водной!

Ни бурей, ни грозой,

Судьба коварная его не поглотила —

Но шайною своей рукой

Пушъ дерзкаго ума на влагъ волнъ хранила! — —

Онъ прибылъ — онъ одинъ — кто вы? гдѣ вашъ
отецъ?

Онъ живъ еще, но я, увы, теперь безроденъ!

За чѣмъ? полезнымъ бышъ? права? я благороденъ;

А ваше ремесло? *бѣднѣйшее* — пѣвецъ.

Таланшы любяшъ здѣсь — здѣсь уважаюшъ
знанья,

Здѣсь музамъ олпари — наукамъ здѣсь пріюшъ,

Что можешъ выше бышъ поэповъ досшоянья?

Они безсмертіе согражданамъ даюшъ;

Похишивъ опъ боговъ волшебные глаголы,

Какъ возвѣщашели величія людей,

Они передаюшъ попомсшву блескъ царей,

И кроюшъ славою, иль кляшвами пресполы!

Они, паря къ Творцу крылашымъ ихъ умомъ,

И долу ешесшва проникнувши усшавы,

Оправдываюшъ здѣсь, жрецы ума и славы,

Ничтожность смершнаго предъ горьнимъ Бо-
жеспвомъ;

Оракулы судебъ, таинственники неба,
Вошше, змѣиною подѣмляся главой,
Спремипся зависть къ нимъ, дочь Злобы и Эреба;
Оспавя для другихъ попрашь ее пяшой,
Зависпниковъ своихъ палантъ не примѣчаешъ!
Такъ солнце, восходя на шверди голубой,
Мерцанье слабыхъ звѣздъ собою помрачаешъ!
Для Генія преградъ и не было и нѣтъ!

Смѣлѣй въ свой путь, поэтъ,
Достоинству, уму, опшверзшо здѣсь паренье, —
Убійспвенный обманъ! шакъ думаете вы,
А я, въ началъ бывъ ничтожнаго спрѣмленья,
Не славы жершвою, но жершвою молвы,
Къ шерзанью своему людей коварспво зная,
Я понялъ гдѣ палантъ себѣ преграду зришь,
Гдѣ, съ нѣжною душой, бѣжишь отъ васъ
Піишь —

И лира вержешся на вѣки умолкая!
Здѣсь Геній лишь паришь на крыліяхъ злапыхъ
И низоспью одной вѣнокъ свой покупаетъ;
Поэтъ давно лишенъ за то здѣсь правъ сво-
ихъ,
Чшо языкомъ боговъ межъ смершными вѣ-
щаетъ!

Прочь призракъ пагубный! прочь гласъ зову-
щихъ лиръ!

Угасни навсегда въ душѣ желанье Славы!

Явишесь вспяшь ко мнѣ, о юности забавы,

И сердца прежняго, безцѣнный, чистый миръ!

Блаженъ, стократъ блаженъ ему кто цѣну
знаетъ,

Заранѣ усмиря спрасшей своихъ порывъ,

Кто, въ оптическомъ дому, живетъ себя сокрывъ;

Цвѣтъ юности его не рано опадаетъ,

И радость, спутница на жизненномъ пути,

Не скоро чувствовать даетъ ему измѣну;

Годичны времена, въ свою урочну смѣну,

Какъ дань спѣшатъ ему плоды свои нести,

Доволенъ онъ во всемъ, въ снѣ самомъ несму-
щенный

Ужасной мыслию, что въ нашъ кичливый вѣкъ,

На лоно махери возможетъ человѣкъ,

Подъ игомъ бѣдъ упасъ ни кѣмъ не подкрѣп-
ленный!

Нѣтъ нужды, что не зрѣлъ онъ пышности спо-
лицъ,

Гдѣ сильныхъ насытить не могутъ оба свѣта,

Безчесныхъ гордецовъ блестящихъ колес-
ницъ,

На кои смотришь чернь, шолпясь, едва одѣша,

Такъ, гордые враги! въ моихъ цвѣшущихъ лѣ-
сахъ,

Я многое у васъ похищю бы умѣлъ;

Не укротимый левъ, заспигнутый въ пѣне-
сахъ,

Вспомнивъ, разъярясь, свободу — свой удѣлъ,

Сверкая на ловцовъ грозящими очами,

Терзаетъ гнусну вервь — и гордыми спопами

Идетъ, царемъ лѣсовъ, въ копорыхъ плѣнъ
позналъ! . . .

Но что въ мечпаніяхъ напрасныхъ я вѣщалъ?

Проси, родишель мой! надъ бездною гошовой,

Еще пророческій мнѣ слышился пшвой гласъ;

Малѣйшей вѣшвію я льстилъ себя лавровой —

И та опѣмлепся въ послѣдній, грозный часъ!

Со вздохомъ факелъ свой надежда погашаетъ!

Мой духъ, какъ дымъ его, мгновенно опле-
шилъ;

Спраданье гроба верхъ предъ мною подни-
маешъ —

И взоръ, пшвой даже взоръ, его не оплишилъ!

Такъ пушникъ, изнуренъ, подъ бременемъ ужас-
нымъ,

Одинъ, среди лѣсовъ, въ глухой, полночной шмѣ,

О помощи зовешъ моленіемъ напраснымъ

И спонъ передаетъ единой шшинъ;

Я зрю его: онъ палъ, превозможенный рокомъ,
 Вопще, съ опчаяньемъ ужаснымъ на челъ,
 Онъ небо укоряшь дерзаетъ скорбнымъ окомъ,
 И — смерпью пригвожденъ безжалоспной къ
 землѣ.

А ты, кошорой я, подъ игомъ скорби люшой,
 О дружба, мой кумиръ! всѣмъ жертвовалъ, собой,
 Гдѣ ты, жеспокая? пожертвуй мнѣ минушой —
 Одръ смерти еспь олшаръ для дружеспва свя-
 той! . . .

СПУТНИКИ ЖИЗНИ.

Жизни бурной средь печенья
 Много встрѣшилъ я въ пущи;
 Встрѣшилъ *Радость* — и мгновенья
 Не успѣлъ я съ ней пройти;
 Оглянулся: прочь отъ взора!
 Не оставивъ и слѣда;
 Призракъ милый! такъ ли скоро?
 И ужь слышу: навсегда!

Усладишь ея разлуку
 Дружба манишъ въ свѣтлый храмъ:
 Въ путь — дорогу! дай мнѣ руку,
 Что ни будешь — пополамъ!
 Что мнѣ въ долъ одинокой?
 Вотъ рука — и посохъ данъ,
 Но лишь шагъ — и вождь жестокой,
 Злобно шепчетъ: я обманъ!

Зрю, зовешъ богиня *Славы*:
 Въ слѣдъ иди моимъ сынамъ!
 И фіалъ своей осправы
 Поднесла къ моимъ уснамъ!

За нее, въ ожесточеньѣ,
 Я въ бою враговъ разилъ;
 Но въ душѣ одно мученье
 И съ побѣдой выносилъ;

Жаждой вѣчною помимой,
 Я бѣжалъ ея знаменъ;
 Для души не насыпимой,
 Слава! швой ужасенъ плѣнъ;
 Пусть другой кто, ослѣпленный,
 Пусть въ тебѣ свой видитъ рай;
 Блага мира мнѣ безцѣнны,
 Наслажденье мнѣ отдай!

Смертный! здѣсь пріютъ покою —
 Къ щастью сердце уголовъ!
 Такъ, обнявшись съ *Красотою*,
 Говорила мнѣ *Любовь*;
 Я забылся — сонъ минушы!
 И лишь помнилъ что любилъ,
 Чтобъ родишь мученья люшы
 Онъ душѣ моей польсшилъ!

И пуши ужъ часть большая
 Проспирается за мной,
 Кто же спутники до края?
 Кто товарищъ вѣрный мой?

Ты, надъ рокомъ вождь побѣдный,
И не знающій утратъ;
Неизмѣнный и послѣдній
До могилы тѣсныхъ врагъ;

Жизнь и изнуренье силъ,
И цѣлишь и недугъ,
Къмъ, какъ золото въ горнилъ,
Возвышается нашъ духъ;
Терны жизни въ сокрушеньѣ,
Попирающій путемъ;
Кшо прешкнешся, о Терпѣнье!
Укрѣпясь швоимъ жезломъ?

И другой, еще жесточѣ,
Испытующій сердца,
Что избравъ спезю корочъ
Насъ доводишь до конца,
Сердцу узы всѣ пошребны
Пренеся въ другой предѣлъ —
Безопрядный, но цѣлебный
Одиночества удѣлъ.

МЫСЛИ ПРИ ГРОБѢ КНЯЗЯ КУТУ- ЗОВА - СМОЛЕНСКАГО.

ВЪ АПРѢЛѢ 1813.

Какъ изумленный свѣтъ дѣламъ швоимъ ди-
вился —

И духъ унывшія Европы оживалъ,
Россѣ, видя образъ швой, въ веселіи гордился,
И, избавишеля, себя благословлялъ;
Когда всеобщій слухъ шобою былъ плѣняемъ,
Цари завидовать могли швоей судьбѣ;
Кушуровъ! швой ли гробъ въ печали мы срѣ-
щаемъ?

Такое ль торжествѣ готовили шевѣ?
Восторговъ нашихъ гласъ въ плачъ шяжкій
превращился;

Гдѣ шы спасеніе, надежда Россіянъ?
Лишь славу ихъ вознесъ — и въ вѣчности со-
крылся —

Такъ солнце опъ очей скрываетъ океанъ.
Кто нынѣ поведетъ полки осиротѣлы?
Кто мужесшвомъ враговъ заставишъ препенать?
Кто будетъ защищать Опечесшва предѣлы?
Кому спасать царей и царсшва возсшавляшъ?

Увы! тебя ужь нѣтъ! пусть рокъ ожесто-
 ченный,
 Въ опраду намъ тебя безсмертіемъ даритъ,
 Пусть слава временамъ твоей кажетъ гробъ
 священный,
 Въ немъ славы нашихъ дней залогъ уже со-
 крытъ;
 Какой Россіи сынъ удержишь слезъ печенье?
 Не естъ ли торжество врагамъ твоей гробъ
 одинъ?
 Усердіе къ тебѣ вмѣнишься ль въ изступленье?
 Здѣсь пишишь не Поэтъ — здѣсь плачетъ Граж-
 данинъ.
 Соотчичамъ твоимъ опрада лишь едина,
 Что громъ твоихъ побѣдъ всю вѣчность об-
 шечетъ,
 Что ихъ Опечесство въ тебѣ имѣло сына:
 Во славѣ лишь сыновъ Опечесство живешъ.

НА МОДНЫХЪ БОЛТУНОВЪ.

(ПОДРАЖАНІЕ ВИЖЕ, САТИРА ЧЕТВЕРТАЯ.)

Клитъ! Вздоркивъ! Пустословъ! дадутъ ли мнѣ
покой?
Лишь эпитъ отъ меня, а потъ ужь предо мной!
Клевещетъ, лжетъ, бранитъ, а я предъ нимъ
ни слова,
Со скуки умереть душа моя готова;
Разкащикъ мѣлочной ничтожныхъ новосей,
По волѣ скачущій перзаетъ собой людей,
Въ комъ вѣчно дѣйствуетъ языкъ велерѣчивый!
Что нужды мнѣ, что „Фирсъ“ вспупаетъ въ
бракъ щасливый,
„Тотъ умеръ, тотъ разторгъ супружескій
союзъ“ . . .
За диво выдаетъ! . . . тогда лишь я дивлюсь
Коль, спавя тяжкому мученію преграду,
Онъ, сжался, замолчитъ ушамъ моимъ въ оп-
раду,
И дастъ спокойно мнѣ, прослушавъ скучный
взоръ,
Вдохнуть — и устремить на небо скорбный взоръ!

„Покражею стиховъ, ничтожныхъ силъ въ за-
мѣну ,

„Тамъ Глуповъ, на подрядъ, дурачитъ Мельпо-
мену ;

„Тамъ шумъ на площади привыкшій чернь смѣ-
шилъ ,

„Судьею посаженъ дѣла ея рѣшилъ ;

„Тамъ, жалкій рабъ спраспей, *Развратинъ* вя-
неть въ цвѣтѣ “ . . .

Довольно и того что есть они на свѣтѣ !

Свѣтъ вѣчно будетъ тѣмъ чѣмъ былъ онъ
искони.

Иль мало, что со мной встрѣчаются они ?

Злорѣчье въ устахъ единого порока ;

Правдивый мужъ скорбитъ, но шихо, безъ
упрѣка ;

Коль слабостей людскихъ нельзя намъ испребишь,

Нелучше ль во сто кратъ умѣть ихъ извинишь ?

Нѣтъ, вы опять свое: „За чѣмъ пошъ зна-
шенъ, пышенъ ,

Тотъ слишкомъ скромненъ, тихъ, а пошъ въ
хвалахъ излишенъ ,

И ползаетъ въ пыли у Княжескихъ дверей “ . . .

Не лучше ль, чѣмъ судишь, вамъ научать людей,

Чѣмъ порицать кого въ пренебреженьи вѣры,

Вамъ благочестія подашь ему примѣры,

И первымъ перешасть, пришедши въ храмъ
 святой,
 Окинувши народъ собравшійся толпой,
 Ловишь своихъ Лаисъ зависпливые взоры,
 Иль громко выхваляшь ихъ модные уборы,
 Взглядъ дерзкій на красу невинную кидашь;
 Смиренье бѣдноты почтенной презираешь,
 Молебный спарца ликъ, съ рукой въ бояхъ увѣ-
 чной,
 Встрѣчаешь съ холодношью души безчеловѣчной?
 Судишь не мудроно — примѣромъ прудно бышь.
 Славный, откинувъ брань, невѣжеству про-
 сиишь,
 Чѣмъ слабость въ комъ нашедъ, и ставъ его
 судьбою,
 Лишь съ шѣмъ, чтобъ уязвить, ползши за нимъ
 змѣю,
 Винишь какъ мудрецу, какъ злобному ругаешь,
 И собственныи порокъ злословьемъ обличаешь;
 На прудъ художника зришь съ пренебре-
 женьемъ,
 Уничжаешь его единымъ мановеньемъ;
 Съ лицомъ безмысленнымъ, на коемъ лишь одни,
 Изжишые въ цѣпяхъ разврата видны дни,
 Хулишь твореніе, вѣнчанное опъ свѣша —
 И хладной убиваешь улыбкою поэта!

Съ душею ноющей подъ бременемъ спрасней,
 Въ личинѣ мудреца казашься всѣхъ умнѣй,
 Въ личинѣ, кою я безпрепешно срываю,
 И Мидаса подъ ней со смѣхомъ опкрываю! . . .
 Къ чему вы трапите ничтожныя слова?
 Оспавьте лучше свѣтъ какимъ онъ былъ сперва;
 Повѣрьте скучные врали и пуспомѣли,
 Что съ вашей брани въ немъ глупцы не поум-
 нѣли,
 Что такъ же плунѣ хиприпѣ, коверкается
 льстецѣ
 И съ нагласью вездѣ являеши подлецѣ!
 „Смогри — опяшь жужжапѣ — шамѣ, свяшоспи
 ревнишель,
 Сокрывшійся на вѣкѣ смиренія въ обисель,
 Кошорый съ жаромѣ намѣ о ней благовѣспипѣ,
 У коего съ слезой въ очахѣ она блеспипѣ,
 Сей вѣры пылкій другѣ, хвалящій спроги
 нравы,
 Сей благочестія чишающій ушавы,
 На время, опложивѣ премудрость, Божій страхѣ,
 Рѣзвипѣ съ Нимфами на Вакховыхѣ пирахѣ!
 А шамѣ, Θεμιδы жрецѣ, рѣшащій тяжбы,
 брани,
 Предѣ коимѣ сироты подѣемлюпѣ нѣжны
 длани,

Предъ коимъ цѣлая несчастная семья
Лобзаетъ, честь забывъ, одеждъ его края,
Вельможа, на себѣ священный долгъ носящій,
Рабошаетъ умомъ — за каршами сидящій,
Онъ вспанетъ для того чѣмъ снова състъ
за нихъ,

Или насыпишься избыткомъ яспвѣ драгихъ,
И челяди въ кругу, прельщающей нарядомъ,
Возсѣшь съ невѣжесвомъ и съ лестью подлой
рядомъ! —

Увы, я часто самъ свидѣтель былъ сему!
Но надобно ли мспить злорѣіемъ всему?
Нѣтъ, мспите лучше вы не злобой, не пре-
зрѣніемъ,

Но бѣднымъ помощью, но сырыхъ заспуплень-
емъ ;

Полезно ль для меня въ безпечности опдаться
Другому, общій долгъ несчастнымъ соспра-
дать?

Пусть онъ закона спражѣ — я почный испол-
нишель,

Пустьъ будетъ онъ судья — но я благошвори-
тель,

Присвоимъ то себѣ, что можетъ быть, дру-
гимъ,

Какъ должность случаемъ приписано слѣпымъ,

Попщимся, опложивъ сужденія пусшыя,
 Чшобъ прямо показашь намѣренья благія,
 Удерживашь языкъ, примѣръ давашь собой,
 Бышь дѣломъ добрыми, не словомъ, не молвой.

С Т И Х И

НАПИСАННЫЕ ВО ВРЕМЯ БАЛА, БЫВШАГО ВЪ
МОСКОВСКОМЪ БЛАГОРОДНОМЪ СОБРАНІИ ПО
случаю прибытія Государя ИМПЕРАТОРА
вЪ сію столицу по ея РАЗЗОРЕНІИ.

Любовію Монархъ связуется съ народомъ!
Москва тому примѣръ коль славны вѣ ней они;
Тиранъ сожегъ — а ты, нашъ Царь! однимъ
приходомъ
И пепелъ засвѣшилъ вѣ поржесшвенны огни!

Владычества другихъ пусть спрашными слѣ-
дами
Останутся пожаръ, развалины и кровь;
Ты скипешромъ своимъ равняешься съ Богами —
Вънецъ тебѣ плетешъ всеобщая любовь.

Дивишься ль, посреди народныхъ восхищеній,
Что съ жадностью спѣшатъ встрѣчать Твой
каждый шагъ?

Жизнь добраго Царя — есть щасшье поколѣній!
И взоръ на образъ Твой порука нашихъ благъ!

Зри очи всѣхъ къ Тебѣ съ восторгомъ устре-
мленны,

И полны всѣхъ успа единою молвой;

Здѣсь камни самые на вѣкъ запечатаѣнны

Ко прону Твоему любовію свяшой —

На каждомъ шагѣ здѣсь величія примѣры

О предкахъ возвѣспяшъ изъ рода въ родъ сы-
намъ,

Героевъ колыбель, Москва — обишель Вѣры —

И вѣчный образецъ усердія къ Царямъ.

НА КОНЧИНУ ДЕРЖАВИНА.

Э л е г і я.

He was a man, take him for all in all

We shal not look upon his like again.

Шексп.

О комъ, зрю, Харишы и Музы въ печали,
О комъ умоляющъ власъ грозныхъ Судебъ?
Но шщетно — на урну взывая припали:
Ты скрылся Державинъ! — ты скрылся нашъ
Өебъ!

И гласъ ихъ не слышишъ ужъ сердце Поэта!
Цѣвницы во прахъ — нѣшъ жизни въ спру-
нахъ . . .

О Бардъ! и на лиру, плѣнявшу полсвѣша,
На лиру ль Безсмертья сей падаетъ прахъ?

Гдѣ жъ Вѣчностъ и Слава, о коихъ повѣдалъ,
И двигалъ къ нимъ сердце Героевъ, Царей?
Кому, Пѣснопѣвецъ, кому ты передалъ
Небесный швой пламень, другой Прометей?

Увы, все въ подлунной на мигъ лишь созданно!
Кичливоспи смершныхъ по всюду урокъ;
Непльбный пвой вижу, злой смертью сорванной,
На гробны ступени кашился вѣнокъ . . .

Вѣнокъ, къмъ безсмертна Россіи Царица?
Чшо Слава сплешала побою гордась?
Нѣтъ, Бардъ нашъ единый! прахъ скрыла гро-
бница —
Но вѣчность надъ нею съ побой обнялась!

И, въ недра приѣмля гробъ славнаго праха;
Обишель изплѣнья свяпишся земля;
Внявъ гласъ швой, о Геній! со смертью, безъ
спраха,
Сойдусь — и за гробомъ увижу себя:

Въ сіяньи небесномъ, гдѣ днесь, Пѣснопѣвецъ,
Ты вновь предъ Фелицей — Царей образомъ —
И Съвера вишязь, Ея громовержецъ,
Склоняешъ при встрѣчѣ пернашый шеломъ —

Сіяй, между ними, опѣ Музѣ похищенный,
На слѣдѣ швой взираю я съ зависпью днесъ —
И скорбью къ могилѣ несу опягченный,
Всё что лишъ имѣю: — и слезы и пѣснь!

Тамъ, мнишся, швой Геній гласитъ оплешая:
 Чшо пѣшь мнѣ: Царицы единственнѣйшѣ!
 Опчизна вѣщаетъ швой гробъ обнимая:
 Съ величьемъ народа родился поэтъ.

Какъ дни исчезающѣ и смертныхъ такъ племя,
 Гробницей великихъ ихъ слѣдъ познаю;
 Твой памятникъ видя, зрю, самое время
 Склонилось недвижно на косу свою;

Твой путь былъ ко славѣ усыпанъ цвѣтами;
 Особая участь щасливцу дана;
 Ты пѣлъ, окруженный безсмертныя сынами:
 По опзывамъ Лиры цѣнящѣ времена.

ОСВОБОЖДЕННЫЕ ПЛѢННИКИ.

РОМАНСЪ, ПОЧЕРПНУТЫЙ ИЗЪ ПРОИЗШЕСТВІЙ
1813 ГОДА.

Кровавой бѣшвы часъ ужасный,
Какъ грозно жребій мой рѣшенъ!
Я живъ оспался — и напрасно
Мой мечъ побѣдой изощренъ!

Вошше со мной орудье меспи!
Вошше внимаю брани гласъ,
Разивъ враговъ на полъ чеспи
Ошъ плѣна мечъ меня не спасъ! —

Поверженъ, язвами покрышый,
Не смерпи жершва, но враговъ,
Добыча брани знаменишпой
Позналъ Оскольдъ позоръ оковъ;

Герой! гдѣ швой булашъ разящій,
Гдѣ пылъ къ сраженью, спрахъ врагамъ,
Твой кликъ, побѣдъ предлепящій,
Оракулъ грозный ихъ сердцамъ?

Далеко родины священной,
 Далеко кровныхъ и друзей;
 За храбрасъ — мракъ пюрьмы презрѣнной;
 За кликъ побѣдный — звукъ цѣпей.

На дикомъ берегѣ Луары,
 Въ ужасной башнѣ вышиной,
 Враги его повергли яры
 Подъ спражей дневной и ночной.

Чѣмъ болѣ вишязь былъ опасенъ,
 Тѣсняясь съ смершью въ рядъ враговъ,
 Тѣмъ болѣ плѣнъ его ужасенъ
 И гибельный конецъ гошовъ!

Одинъ, прискорбенъ, въ думъ смущной —
 И взоръ его къ землѣ простершъ;
 Онъ смерти ждетъ ежеминушно
 И каждую минушу пвердъ.

Какъ вдругъ . . . о скорбно утѣшенъе!
 Свѣшъ озарилъ шемничну шму;
 Ведущъ — — „одно имъ започенъе
 И учасъ шаже, что ему!

„Они — погибель нашихъ рашей,
Гроза рушишельна въ бою,
На нихъ видна кровь нашихъ брашій,
На нихъ насышимъ месць свою!

Нѣшъ, нѣшъ, пусть прежде изгошовимъ
Доспойное опмщенье имъ,
Спраданья каждый вздохъ изловимъ —
И казнью спрашной умершвимъ!“

Краса станицъ, щипъ спранъ полнощныхъ,
Возросшихъ средь Донскихъ спепей,
Быспролешучихъ, храбрыхъ, мощныхъ,
Оскольдъ зримъ ближнихъ и друзей:

„Тамъ брань, они гласяшъ, кровава,
Опчизны въ славу возжена,
А намъ, намъ измѣнила слава —
Лишь честь оспалася вѣрна!

Погибнемъ, коль погибнушъ должно,
Насъ близипъ къ смерши каждый мигъ!
По чшо, опечесшво, не можно
Вновь бишья намъ въ рядахъ швоихъ?

Проходятъ дни — проходятъ ночи —
 Несчастныхъ жертвъ внимая сонъ;
 И упомленные ихъ очи
 Оспрадный не смыкаетъ сонъ.

Въ душѣ опмищеніе пылаетъ,
 Снѣдаетъ сердце ихъ поскѣ;
 И, безоружная, не знаетъ
 Пушей опчаянья рука.

Вдругъ ночи въ мракъ, дверей зашворы
 Ошверзлись спрашно заскрыпѣвъ.
 „Часъ смерти,“ — и смущенны взоры
 Срѣшаютъ дѣву — прелестъ дѣвъ.

Какъ ангелъ Божій упѣшишель,
 Низпосланный съ небесъ благихъ,
 Отъ узъ земныхъ освободишель,
 Она являеся для нихъ.

Кто красоту ея опишетъ?
 Какъ роза цвѣпъ ея ланипъ,
 Въ груди огонь любви дышетъ
 И взоръ опважноспью горипъ.

„О Вишязи, рѣкла, спасайшесь ,
 Минуша смерти сочтена ;
 Вошѣ ключь, одежда, все: скрывайшесь!
 А я за васѣ умру одна !

Темницы спрашной сей хранишель,
 Похишилѣ щасье дней моихѣ,
 И хищникѣ сей . . . естѣ мой родишель !
 Имѣ преданѣ казни мой женихѣ! . . . “

Смущенныхѣ ихѣ, вѣ благодареньѣ,
 Выводитѣ смѣло за собой :
 „Здѣсь вамѣ, о Вишязи, спасенье —
 А мнѣ во глубинѣ рѣчной !

„О погаси пучина яра ,
 Огонь, пылающій во мнѣ ! “ —
 И, съ шумной пѣною, Луара
 Ее скрываетѣ вѣ глубинѣ.

Н А Д П И С И.

КЪ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВОСПИТАТЕЛЬНО-
МУ ДОМУ.

Нещаснымъ сиротамъ, безъ племени и рода,
 Которыхъ, въ слѣпотѣ, опвергнула Природа,
 Екатерина здѣсь и жизнь и свѣтъ дала —
 И въ благоспѣ своей Природу превзошла.

КЪ БЮСТУ И. И. ДМИТРИЕВА.

Храню я образъ твой Любимецъ Музъ и Славы,
 Чѣмъ бышь увѣреннымъ безсмертія въ судьбѣ;
 Опечесство подъ нимъ, зрю, пишемъ о тебѣ:
 Краса моихъ Пѣвцовъ и перлъ моей Державы!

КЪ ПОРТРЕТУ А. А. ПРОКОПОВИЧА —
АНТОНСКАГО.

Написано по случаю пожалованія его въ
 ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЕ СТАТСКІЕ СОВѢТНИКИ.

Не почесшей однихъ, и не наградъ спяжанья,
 Онъ въ ревностномъ къ добру спремленіи искалъ,
 Но щасстья согражданъ съ ихъ юныхъ дней
 желалъ,
 И вѣкъ свой посвящилъ для ихъ образованья!

НАДПИСИ.

КЪ ПОРТРЕТУ ГРАФА ВИТГЕНШТЕЙНА.

Перунъ нечаянный полночныя Державы!
 И Пешпрополя щипъ — и щипъ Россіи всей:
 Онъ первый перваго пирана изъ царей
 Смирилъ — и на челъ попрысбъ вѣнецъ кровавый!

В. А. Жуковскаго,

ПѢВЦА ВО СТАНѢ РУССКИХЪ ВОИНОВЪ.

Герои Сѣвера! спасенья вѣ славный годъ
 Вы увѣнчались неплѣнными вѣнками;
 Сей образъ васъ во храмъ Безсмертія ведѣтъ—
 И будѣтъ говоришь съ вѣками.

Е П И Т А Ф І И.

Князю Кутузову - Смоленскому.

Пади предъ гробомъ симъ Россіи сынъ и Неба!
Не смертный погребенъ — здѣсь скрытъ по-
сланникъ Неба!

Н. А. З.

Здѣсь юноша лежишь увядшій въ цвѣтѣ вѣка:
Въ немъ духъ былъ Ангела — но спроси Че-
ловѣка.

П. А. НИКОЛЬСКОМУ.

НА ЕГО ИМЕНИНЫ.

Мнѣ явился свѣплый Геній
 Въ юномѣ образѣ швоемѣ:
 Другѣ веселый пѣснопѣнй,
 Вмѣспѣ Дружбу воспоемѣ!
 Онѣ сказалѣ — и лиру въ руки
 Мнѣ, съ усшѣмкою, подалѣ:
 Съ спрунѣ посыпалися звуки,
 Духѣ воспоргомѣ воспылалѣ;
 Дружба жарѣ въ груди пишала,
 Дружба спроила мой гласѣ;
 Дружба громко восплескала
 Улыбаяся межѣ насѣ;
 Съ ней веселья и Харишы,
 Нѣжны спушники ея,
 Вѣчно розами увишы,
 Восплясали вкругѣ меня,
 И сама угрюма спароспѣ,
 Обновивѣ предѣ ними ликѣ,
 Пуспѣ, вѣщала, вашу младоспѣ
 Красишѣ радости языкѣ!

Мудросць кропкій взоръ низводишъ ,

Видя Дружбы сладкій смѣхъ ;

Сколь блаженъ кто дни проводитъ

Для однихъ, рѣчешъ, ушѣхъ! . . .

О безцѣнный сердцу Геній ,

Въ видѣ друга низлешай ,

Ты въ замѣну вдохновеній ,

И воспоргомъ грудь пишай !

Что здѣсь вѣчно ? — лишь родился :

Сумракъ жизни наступилъ ;

Кто всѣхъ болѣ веселился ,

Тотъ всѣхъ долѣ въ мѣръ жилъ .

На минушу намъ едина —

Жизнь дана Судьбы рукой : —

Пусь живемъ мы половину ,

Но съ прямой ея цѣной !

Упро — Мудроси и Славѣ ,

Дружбѣ — опдыхи свои ;

Вечеръ — Вакху, ночь — забавѣ

И обѣщаніямъ Любви !

Жизни часъ невозвратимой

Такъ устроишь межъ собой ,

Проведемъ ее незримо

Какъ пріятный праздникъ свой .

КЪ НЕЕРЪ.

(Елегія изъ Тибулла.)

Предъ украшенными почто я олшарями,
 Неера, возжигалъ куренія богамъ,
 И ихъ безплодными обременялъ мольбами —
 Коль ты не предспаешь Тибулловымъ очамъ?
 Не претовалъ опъ нихъ чершоговъ я огромныхъ,
 Ни спадъ безчисленныхъ, ни злапа, ни чеспей,
 Нееры лишь взывалъ въ моихъ желаньяхъ скром-
 ныхъ,
 И жизни долгія дерзалъ молишь при ней!
 Къ чему послужишь мнѣ богатство бесполезно,
 Безчисленны спада, бродящи по лугамъ?
 Съ побой, Неера, мнѣ, убожество любезно!
 Пусть въ бѣдности сойду я Лешы къ берегамъ.
 Чшо въ пучныхъ мнѣ спадахъ, чшо въ благо-
 сти Цереры?
 Въ семъ злашѣ, чшо земля, во глубинѣ своей,
 Вошще хошѣла скрышь опъ алчности людей?
 Чшо всѣ сокровища Тибуллу безъ Нееры?
 Не нужны для него ни зданія богаты,
 Фригійски мраморы, Сидонское руно,

Они не отвращают полки заботы крылашы ;
Спокойствие души с богатством не дано !
Друг сердца моего ! единого мгновенья
Воспоргов наших я отдать не соглашусь
За всё, премънчивой Фортуны, обольщенья —
И самой безъ тебя короны отрекись ! —

О боги, вы обѣщѣ вънемлите мой смиренный,
Пусть блеска, пышности, и всѣхъ даровъ ли-
шенный,
Я, въ хижинѣ опцевъ, древесъ родныхъ въ
шѣни,
Съ Неерой дни веду — съ Неерой кончу дни!
О дщерь Сапуурнова! вънемли мои моленья,
И ты, прелестная Киприда, къ нимъ склонись,
Съ эѣирной вышины небеснаго селенья
На крыльяхъ голубицъ въ блишаніи снесись;
Опдай души моей дражайшу половину,
И съ свѣпомъ упреннимъ, и съ позднею зарей,
Я буду чеспвовашь, шебя, мою Богиню,
Обильной жершвою средь опческихъ полей!
Когда же Парки мнѣ, согбенныя лѣшами,
Три грозныя сеспры, что смершныхъ жизнь
блюдушъ,
Нипш дней моихъ прядя изсохшими персшами,
Свиданья сладкаго сего не прорекушъ:

Сошли меня тогда во пропасти подземны,
Гдѣ тѣни блѣдныя, гдѣ Фуріи однѣ,
Вѣ обипели свои меня пріемля темны,
Пришельцу новому возрадуюшся мнѣ.

М А Д Р И Г А Л Ы .

[Въ Альбомъ А. Н. Ф.

Пусть будетъ вашъ Альбомъ щаспливѣйшимъ
друзьямъ

Завидное о нихъ сулишь воспоминанье :

Я буду щаспливѣ пѣмъ, коль онъ напомнитъ
вамъ,

Что ваше выполнилъ въ минушу я желанье.

2.

Когдабъ всеильнымъ бышь природа мнѣ судила :

Я бѣ одарилъ тебя любезностью, умомъ ,

Душѣ нѣжныхъ свойствами, плѣнительнымъ
лицомъ ,

Но, мудрая, она меня предупредила.

ПРОЩАНЬЕ КОЗАКА.

Съ нѣжнымъ вѣрности обѣщомъ,
Обойми меня, мой другъ,
Я заупра, дня съ разсвѣтомъ,
Покидаю мирный лугъ!

Во своемъ гордась убранствѣ,
Быстрый конь мой, вороной,
Землю бѣшъ въ непостоянствѣ
И зовешъ лешъ на бой!

Опѣненными браздами
Онъ звучащій, въ чуждый край,
Понесетъ на брань съ врагами,
Мигомъ съ Дона на Дунай!

Тамъ калены вражьи стрѣлы,
Крови жаждущій булатъ,
Тамъ невѣрныхъ спранъ предѣлъ
Смертью страшной мнѣ грозятъ!

Тамъ слѣшится съ сопосшатомъ
Силъ извѣдашь твой Донецъ,
На конѣ своемъ крылатомъ
Вспрѣшишь славу иль конецъ!

НА ЖЕНИТЬБУ ВЪ БОЛЫШОМЪ СВѢТѢ.

(ПОДРАЖАНІЕ ЮВЕНАЛУ И БОАЛО; САТИРА
ПЯТАЯ.)

Наскучивъ жить одинъ и въ суешѣ и въ
горѣ,
Дамонъ, пронесся слухъ: ты въ бракъ вступи-
паешь вскорѣ,
И тысячи уже съ невѣстой сочтены:
Порука вѣрная въ доспоинствахъ жены!
„Давно ты говоришь, я, въ учаспи жестокой,
Желалъ избавишься отъ жизни одинокой,
Вспрѣчаешь вокругъ себя лишь лица скучныхъ
слугъ —
Всегда, вездѣ одинъ — мнѣ нуженъ нѣжный
другъ,
Полсердца празднаго чпо занялъ бы собою;
На свѣтѣ къ супружеству мы созданы судьбою —
И жалокъ, кто бѣжитъ его во цвѣтѣ дней!
Нещаснѣй — испинно — не вижу тѣхъ людей,
Которые живутъ подъ спаросъ холостыми,
И учаспи спрашусь я одинакой съ ними:

Дряхлѣшь безъ помощи и ждашь лишь съ каж-
дымъ днемъ ,

Что бы наслѣдниковъ обрадовать концомъ,
И можешь быть еще — примѣръ въ помъ не
единой —

Отъ нихъ же умереть безвременной кончиной! —
Нѣтъ, нѣтъ! Природы мнѣ законъ всего свя-
тѣй ;

Хочу имѣть жену и милыхъ мнѣ дѣтей: —
Въ сѣмействѣ лишь приютъ сердечнаго по-
коя! . . . “

Такъ въ пору бѣ говоришь съ церковнаго наоя,
И лучше убѣдишь, Дамонъ, на эпомъ щепъ
Краснорѣчивый самъ не могъ бы Боссюепъ.
Кто спорить въ помъ — ни что не можешь
здѣсь сравниться

Съ блаженствомъ — жребіемъ съ подругою дѣ-
лишься ,

И видѣшь, вокругъ себя, малюшкѣ рѣзвыхъ сонмъ,
Которыхъ, въ торжествѣ, мечтаешь быть оп-
цомъ ,

Ихъ ласки, суешу, домашнихъ уваженъе ,
И обморокъ жены при маломъ огорченъѣ!
Но вспомнилъ ли и то, щастливецъ изъ му-
жей ,

Что также горести имѣетъ Гименей ,

И что онъ, въ наши дни, не стражъ уже любви

Но что? я началъ лишь, а ты ужъ хмуришь брови

И мнѣ на перекоръ съ досадой говоришь:

„Ты также, какъ и свѣтъ, во всемъ лишь худо зришь;

Но еслибъ зналъ кого въ невѣстѣ обожаю,

То воспишаніе, тѣ чувства . . . “ — Понимаю

И всѣ достоинства даю охотно ей —

Пусть будетъ честь невѣстѣ и зависъ матерей;

Положимъ, что тобой избранная супруга

Въ ученіи добра не вѣдала досуга,

Какъ ангелъ, дышетъ лишь невинностью одной —

Но кто увѣренъ въ томъ, чтобъ, съ пылкою душой,

Начавъ съ тобою жить средь нѣгъ и обольщеній,

Невинность бы ея спаслась отъ прешкновений,

Явившись въ этотъ свѣтъ, на сей театръ чудесъ,

Съ какими взорами твоей ангелъ сей небесъ,

Со всею нежностью и непорочнымъ чувствомъ

Плѣнится зрѣлища волшебнаго искусствомъ —

Узришъ героевъ сихъ, копорыхъ нѣжный гласъ
О сладоспяхъ любви швердишъ намъ цѣлый
часъ,

Роландовъ яросныхъ, Ренальдовъ сихъ пре-
лесныхъ;

Услышишъ о вещахъ, еще ей не извѣстныхъ,
Услышишъ, что любви все то, что свято есть,
Какъ вышнюю божеству на жертву должно
несъ,

Всѣ скромны правила столь въ операхъ знакомы,
Копоры разожгутъ оркестра звучны грома...
Какимъ движеніемъ, въ душѣ воспалена,
Ты думаешь тогда исполнишся она?

Ручаюсь можно ли, что возвращаясь смущенна,
Армидъ и Ангеликъ въ слѣдъ славный успре-
мленна,

Ошважно не начнешь швердить уроки ихъ?
Къ разврату женщины одинъ пошребенъ мигъ.
Но пустьъ, въ семъ случаѣ, она не измѣнишся,
И робкій спыдъ ея соблазномъ оскорбишся —
Одинъ ли спрахъ? Вступя въ блестящій свѣ-
та кругъ

Куда ее введешъ гордящійся супругъ,
Гдѣ окружаю ея ласкашли болпливы,
Прельстишли сердце, въ успѣхахъ столь ща-
сливы,

Безмолвна и шверда, подобяся скалѣ,
Она ль безчувственна кѣ ихѣ будещѣ похвалѣ?
Сперва, изѣ подпѣшка, шо взоромѣ, шо словами,
Ихѣ опличилѣ, назвавѣ домашними друзьями;
А шамѣ, Дамонѣ, а шамѣ? . . . Жоконда ужѣ
не разѣ,

Краснѣяся скажу, мы видѣли у насъ!
Чесць съ неприступною той крупизной срав-
нишся,

Съ которой низойдя не можно возврашиться.
Быть можетъ, не пройдетъ супружества двухъ
лѣтъ,

Какъ страстная мѣняшь любви своей пред-
метъ,

Открыто принимашь она друзей сихъ спанешъ —
И цвѣшъ спыда на вѣкѣ въ лицѣ ея увя-
нешъ!

Въ порывахъ пламенныхъ порочныя любви,
Ни что не утолишъ кипящей въ ней крови:
Тогда неистовой подобясь Мессалинъ,
Что съ ложа Цесарей разврата шла къ пучинъ —
Въ рядъ гнусныхъ спавъ рабынь, забывъ и
санъ и дворъ,

Позора на слѣдахъ, являла вновь позоръ,
Предавшись слабости, и ею вновь борима,
Не разъ упомянута но вѣкъ не насыпима

Щасливѣ, когда въ стыдѣ, не кроясь отъ
людей,

Дастъ средство, чѣмъ тебѣ избавишься отъ
ней!

Но что съ тобой тогда, коль болѣе жестока,
Любя одинъ соблазнъ и блескъ одинъ по-
рока,

Не столько для себя, какъ чѣмъ тебя пер-
зашъ,

Кокетству своему границъ не будетъ знать?
Въ дому своемъ, скажи, радующій ко благу,
Какъ встрѣшишь волокишъ ты шумную ва-
шагу?

Для всѣхъ услужливый и ласковый пріемъ,
Лишь только ты одинъ не сносенъ ей во всемъ:
Тотъ словомъ заплаченъ, а этотъ купленъ
взлядомъ;

Для нихъ у ней прошло все упрѣ за наря-
домъ,

И грудь прелестная, съ стыдливостью борясь,
Вся дышитъ нѣгою, въ покровахъ не таясь;
Для нихъ искусная рука ея, въ терпѣнѣ,
Красивое волосъ устроила паденье

Къ ней въ спальню, бѣдный мужъ, не каждый
часъ входитъ,

Съ терпѣніемъ минутъ благопріятныхъ жди —

И скромнѣ будь, не смѣй, при всѣхъ словахъ
учпивыхъ,

Ей нѣжно упрекашъ въ издержкахъ прихотли-
выхъ;

Чтобъ спрашныхъ не слыхашъ упрековъ, бран-
ныхъ словъ,

Радъ будешь жертвовашъ наслѣдіемъ опцовъ;

И можно ли, скажи, встрѣчашъ когда съ уко-
ромъ

Наклонность въ женщинѣ невинную къ уборамъ?

При всемъ роскошествѣ ее возможно снесъ:

Ей скоро въ нищету нельзя еще привесъ.

Другой, другой есть страхъ! . . . Что будешь
ты, несчастный,

Какъ Демонъ злой игры вдохнешъ ей огонь ужа-
сный?

Готовься ты ее, за каршочнымъ споломъ,

Увидѣшь заняшу симъ важнымъ ремесломъ,

Какъ поприще она опкроетъ новой славы

И игры всѣ отъ ней возмущъ себѣ ушавы;

Готовься видѣшь ты, какъ нѣжная жена,

Почтенныхъ игроковъ толпой окружена. . . .

.

Но мнѣ опять гремишъ твое опроверженъе:

„Ея небесный нравъ, любезность, просвѣ-
щенъе . . .“

Все помню, но Дамонъ! живъ въ свѣтѣ межъ
 семей,
 Сихъ крошкѣхъ ангеловъ до брачныхъ олтарей,
 Не видѣлъ ли пошомъ, чрезъ годъ или и менъ,
 На пагубу мужьямъ въ ужасной переменѣ,
 Какъ ихъ могущій гнѣвъ въ минушу обратишь
 Храмъ мирныя любви въ жилище Эвменидъ?
 Какъ нѣжность ихъ въ словахъ, и вкусу дол-
 жны дани,
 Все увлекается попокомъ спрашной брани?
 Нѣтъ спуску небесамъ! И шутъ — то намъ,
 Дамонъ,
 Есть случай кое — чемъ пополнишь лексиконъ!
 Но что, когда еще отъ спроси, иль досуга,
 Захочешъ въ вѣрности испытывать супруга?
 Тупъ слово каждое являешъ смыслъ двойной;
 Тамъ швой веселый видъ ей кажетъ знакъ худой;
 За чѣмъ ты вѣчно съ ней — иль встрѣхся
 по разлукъ,
 Такъ приближаешься задумчивъ, будто въ
 скукѣ,
 И, будучи опецъ ужъ взрослымъ дочерямъ,
 Не падаешь, актеръ, въ любви къ ея ногамъ!
 Иль, ада самаго доспойное мученье,
 Какъ тайное къ ней въ грудь вселился подо-
 зрънье,

Какъ твой въ молчаніи замѣченъ каждый ходъ,
И ты, идя домой, встрѣчаешь у воротъ,
Въ ночи, свирѣпый видъ, въ суровомъ пламени
взоръ —

И милую жену въ прелестномъ семъ дозоръ!
Какъ будешь радъ тогда, отъ страха поблѣ-
днѣвъ,

Когда лишь на тебя обрушится весь гнѣвъ,
И, злобствуя, она, забудетъ въ сихъ досадахъ,
Пресупнаго отца ширанишь въ бѣдныхъ ча-
дахъ!

Тутъ съ помощью врачей, пріисканныхъ въ
полночь,

Успѣетъ отъ приговорствъ не въ шутку за-
немочь,

И ты, ты самъ бы радъ, теряя духа силы,
Въ опчаянны спушишь на край своей мо-
тилы

„Ты собралъ горести всѣ брака“ говоришь —
Я собралъ? всѣ Дамонъ? ахъ, ты меня смѣ-
шишь!

Отъ спрашнаго возьмемъ предметъ не споль
суровой;

Я все ли описалъ, сказалъ ли я хоть слово,
О пой, чей пылкій умъ, познанія и вкусъ

Съ собой переселятъ въ твою обитель Музъ?

Какое для тебя гошова восхищенье!
 Ты будешь обѣ одномѣ лишь слышать пѣсно-
 пѣньѣ,
 Или — бѣда, коль тебѣ тебѣ не будешь милѣ —
 Изъ рукъ твоихъ тогда не примешь и чернилѣ!
 Поэты у тебя назначашъ вечеринки,
 Гдѣ слышать будешь всѣ бумажныя новинки —
 И всѣ передъ тобой отборныя умы;
 Иной посланія, другой свои псалмы,
 На судъ твоей женѣ, прочтешъ приличнымъ
 шеномъ —
 Чего тогда хопѣшь, владея Геликономъ?
 И *Вздоркинъ*, *Вздоркинъ* самъ, отъ басень безъ
 ума,
 Ихъ будешь тамъ чашать, какъ чашывалъ
 Тальма! (*)
 Услышишь какъ межъ нихъ, забывъ она о полѣ,
 Явился рыцаремъ въ славянскомъ ихъ расколѣ,
 И ны, чшобъ ихъ понять, сшремленіемъ горя,
 Вновь будешь осужденъ начашъ отъ букваря —
 О шой, кошорая въ любви къ тебѣ нѣмая,
 Ласкаешъ одного счастливица — попугая,
 И будешь принимаешъ и жаръ сердечный швой —
 И нѣжностъ и любовь съ споической душой? —

(*) Извѣстный актеръ въ Парижѣ.

Но свѣтъ? спокойствіе погибшее? но дѣши? . . .
 И ты, какъ ни мечтай сіи распоргнуть сѣши,
 Всечасно жалуясь предъ свѣтомъ и судьбой,
 Въ терзаньи отъ нее, въ терзаніи съ собой,
 Гоповый въ участи завидовашь злодѣю,
 И, къ ужасу всѣхъ золъ, жишь будешь вмѣстѣ
съ нею.

КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ.

НА ПОЛУЧЕНІЕ ЭКЗЕМПЛЯРА ЕГО СТИХОТВО-
РЕНІЙ.

Желанный даръ изъ рукъ любимаго Поэта,
Спань въ рядъ съ Державинымъ въ почешный
уголокъ;

Пусть ищетъ, кто другой, забавъ ничпожныхъ
свѣша:

Въ васъ сердца моего ушѣха и урокъ!

При вашемъ имени о свѣшѣ забываю,

И силою благой Фанпазіи влекомъ,

Въ міръ лучшій, въ міръ другой мечшой пере-
лешаю,

Копорый лишь душамъ возвышеннымъ зна-
комъ —

Гдѣ все, что на земли возможешъ бышь пре-
лешно

И радости небесъ для сердца прорицашь,

Рукою собрано Поэзіи чудесной —

Олимпъ, гдѣ жрецъ ея дерзаетъ обишашъ!

Туда меня, Поэтъ, швой Геній увлекаешъ....

О, если бы его имѣлъ я силу крилъ!

Вънецъ его въ лучахъ безсмертія сіяетъ :

Онъ лиру лишь добру и славѣ посвяшилъ.

Пускай достоинства свѣтъ видитъ равно-
душно ;

Поэту ль отъ него опличія искашь ?

Пусть будетъ онъ сокрытъ отъ знаменности
бездушной ,

Пусть будетъ злосць его и зависць помрачатъ :

Не знаетъ низкихъ средствъ души высокой
сила ;

Онъ будетъ лишь одно прекрасное любить ;

Судьба его сама отъ смертныхъ опличила —

И чувствъ его ни что не можетъ измѣнить !

Завиденъ для меня путь избранный побою ,

Спезя, вѣдущая такъ близко до сердецъ ;

Скажи, исполненный когда самимъ собою ,

Спрось къ славѣ и добру, Поэзіи мудрецъ ,

Съ волшебной силою ты передашь желаешь

И чувства упоишь сей спрашью благой —

Скажи мнѣ, не въ себѣ ль награду обрѣтаешь ?

И высшій смертныхъ долгъ исполненъ ужь
побой !

Ты любишь — и поешь въ восторгъ добродѣ-
тель ,

Кругъ мирныхъ дѣлъ Пѣвца пускай судьба спѣ-
снитъ ,

Но духъ его паритъ, величія свидѣтель,
 И съ гордостью вѣнокъ достоинству даритъ.
 Какъ живы для меня, Поэтъ, твои картины!
 Наставникъ въ коихъ твой, Напура, вся видна:
 Сей вечеръ сумрачный, сходящій на долины,
 И обаянія владычица, луна,
 Что медленно взойдя въ среду небесъ обшир-
 ныхъ,
 Сребристою струей разсѣкла мрачный шокъ,
 Близъ коего одинъ, въ мечтахъ, при звукахъ
 лирныхъ,
 Ты внемлешь быстрыхъ лѣтъ капающійся по-
 токъ —

И время опдаетъ тебѣ минувши годы,
 Надѣясь шобой украсишь въ міръ слѣдъ —
 О нѣжныхъ сердца чувствъ, поэтъ любви, при-
 роды!
 Минуты сей восторгъ дорожъ многихъ лѣтъ!
 Съ какою прелестью своею неизбѣжной,
 Ты благъ упреченныхъ намъ кажешь скорбный
 видъ!

Онъ, скрылся призракъ сей, во вѣкъ не возвра-
 шимой,
 Но живо моему онъ сердцу говоритъ!
 И къ праху самому, духъ нѣжный, пламенья —
 Мечпаніе предъ нимъ сліялось съ бышіемъ —

Я зрю: горитъ лучемъ сполбъ блѣдный мав-
золея —

И Геній внемлетъ гласъ при камнѣ гробовомъ!

Вѣрь: лучшій нашъ удѣлъ — сія сшрана меч-
шаній,

Гдѣ мысль, свободна узъ, полетъ свой соверша,

Бросаетъ свѣтъ на путь тернистый испы-
шаній —

И чувспвуетъ свое величіе душа.

П Л О В Е Ц Ъ.

Въ бурю брошенный Судьбою
Тамъ пловецъ среди валовъ,
Въ мракъ грозномъ предъ собою,
Безъ весла и парусовъ;

Духъ вспревоженъ, сердце ноемъ,
Лучъ небесный, просвѣши!
Ахъ! кто скажетъ, кто откроемъ
Гдѣ конецъ его пуши?

Тумъ ужъ вижу надъ пучиной,
Тамъ разитъ небесный громъ,
Бѣдный пупникъ! знаешь судьбиной
Ты къ гибели несомъ.

Страшно молнія вѣпся
И зияетъ дно пучинъ;
Чья рука къ нему проспрется?
Промыслъ Неба! онъ одинъ.

Слышу гласъ, не зрю очами,
Гдѣ ты, гдѣ ты край родной?
О Судьба, скорѣй волнами
Отъ себя меня сокрой!

Укрошилась влага бурна
И челнокъ лешитъ стрѣлой
Ясно смопритъ твердь лазурна
На сокрышаго волной. —

П. А. Ш У.

НА СМЕРТЬ Т . . . А.

Гдѣ онѣ, Т . . . нашѣ? гдѣ потѣ смиренный
кровѣ,
Подѣ коимѣ нѣжная насѣ дружба принимала,
Гдѣ принужденія не зрѣлося оковѣ,
И бѣднотѣ свой союзѣ съ довольствомѣ за-
ключала?
Куда кружокѣ друзей, въ безвѣстной ихѣ
судьбѣ,
Для изліянія сердечныхѣ чувствѣ собирався,
И часно разговорѣ ихѣ нѣжнымѣ оживлялся
Участіемѣ въ жребіи подобнаго себѣ;
Гдѣ слѣдуя своимѣ желаньямѣ рассуждали,
Чишали, спорили, дѣлили шумный смѣхѣ —
И если множества не видѣли утѣхѣ,
Отѣ скуки и заботѣ сей жизни отдыхали!
Куда собирались со всѣмѣ не по чинамѣ,
Гдѣ дружбою у всѣхѣ равнялись мечпанья,
И гдѣ, по одному лишь сроку распаванья,
Течение времени примѣшно было намѣ — —

Гдѣ онъ? скажи...еще двухъ лѣтъ не совер-
шилось

Какъ руку я его прощаяся сжималъ,
Какъ дружбы пламенемъ въ немъ сердце силь-
но билось —

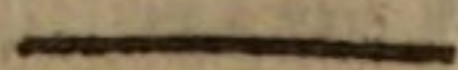
И взоръ надеждою увидѣться блисталъ! . .
Я снова здѣсь! бѣгу съ мечтою сей пріятной,
Внезапной встрѣчею обрадовашь его —
Вошъ дверь: спучу! — но что? — какой опъзвъ
невнятной?

Онъ сбѣжалъ весь опвѣтъ и болъ ни
чего.

Вошще я вопрошалъ въ нѣмомъ его жилищѣ:
Его ужъ нѣтъ! — Къ тебѣ теперъ склоняю
взоръ —

Гдѣ слѣдъ его, скажи? иль здѣсь мы на кладѣ-
бищѣ

Должны исчезнуть такъ какъ легкій метеоръ?

П Ъ С Н Ъ

НА ТОРЖЕСТВЕННОЕ БРАКОСОЧЕТАНІЕ
Ея ИМПЕРАТОРСКАГО ВѢСОЧЕСТВА
Великой Княгини Екатерины Павловны
съ Его Королевскимъ ВѢСОЧЕСТВОМЪ,
Наслѣднымъ Принцемъ Виртембергскимъ.
Генваря 12 дня 1816.

Не Великую ль Судьбина
Возвращила съ горнихъ спранъ?
Слышу гласъ: *Екатерина!*
Внемлю клики согражданъ!
Словъ драгихъ священны звуки,
Сколь знакомы въ сердцамъ!
Зрю, съ молениемъ Россовъ руки,
Вознеслися къ небесамъ —
И средь радостной Полнощи,
Отъ конца ея въ конецъ,
Тебомъ свѣпшился шма ноши —
Чистымъ пламенемъ сердецъ!

Х о р ъ.

Россы въ брани исполины,
Полны вѣрности къ Царямъ!

Повпоряшь *Екатерины*

Сколь оправдно имя вамъ!

Не Она ли въ видѣ Внуки —

Къ вамъ склоняетъ свѣплый взоръ?

Та же спрасъ любитъ Науки,

Музъ небесныхъ слушае хоръ!

Марсовъ мечъ палъ подъ оливы,

И Пепрополь весь цвѣшетъ;

Съ Женихомъ Ея щасливымъ

Гименей Ее ведетъ!

Х о р ъ.

О черпогъ Царей избранный,

И хранимый Божесшвомъ!

Процвѣдай на вѣки славно,

Православный Рускій Домъ!

Столько благоспи и силы

Не вмѣспишъ въ себѣ весь свѣтъ;

Лишь могущи орли крилы

Ошдохнули опъ побѣдъ,

Царь державною десницей

Миръ Царямъ всѣмъ подаетъ,

И подъ свѣшлой багряницей —

Мечъ въ ножнахъ его уснетъ!

Брань окованна, въ подвласшье,

Повергается у ногъ;

Прощай, народовъ щастье!
Онъ гласишь, какъ мощный Богъ!

Х о р ъ.

Такъ, небеснаго чертога,
Царь посланникъ намъ благой!
И невѣрный вѣришь въ Бога,
Повспрѣчаяся съ Тобой! —

Сѣверъ полнъ къ *Екатеринѣ*
Благодарныхъ чувствъ всегда;
И на Югъ вижу, нынѣ,
Воспекла Ея звѣзда!
Соименница младая!
Будь во всемъ подобна Ей:
Вся Европа, обожая,
Повергалася предъ Ней.

Х о р ъ.

Взглядъ лишь молній — въ прахъ злодѣи!
Міръ дрожалъ во всѣхъ концахъ,
Ей, какъ лѣсъ, выросли профеи
И на сушѣ и моряхъ!

Ты жъ, Любовію вѣдома,
Въ торжествѣ Любви самой,

Будь опеческаго Дома
 И весельемъ и красой!
 Сердцемъ Ты — Супругъ державой
 Привлекайше сонмъ побѣдъ;
 Ты любовію — Онъ славой
 Очаруйше цѣлый свѣтъ!
 Сильный Россѣ, блюспишель мира,
 Міру спавишъ свой оплотъ:
Александрова порфира
 Развилась, какъ неба сводъ!

Х о р ъ.

О, гряди, при ѡиміамъ,
 Съ Женихомъ передъ Творца!
 Какъ кадилицъ огонь во храмъ,
 Такъ горяшъ къ Тебѣ сердца!

Россовъ вѣ слѣдъ Тебѣ моленье,
 Ихъ обѣшы къ небесамъ:
Александра поколѣнье
 Передай другимъ вѣкамъ!
 Вся Европа, вѣ восхищеньѣ,
 Зришъ, Царевна, Твой вѣнецъ,
 Россѣ къ Царямъ вѣ благоговѣньѣ
 Подалъ міру образецъ!

Россы вѣ брани исполины!
Полны вѣрности кѣ Царямъ!
Повсюдушъ *Екатерины*
Сколь оправдно имя вамъ!

НА ВСЕРАДОСТНѢЙШЕЕ СРѢТЕНІЕ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Въ С. ПЕТЕРБУРГѢ, при шествіи Его
въ КАЗАНСКІЙ СОБОРЪ.

Іюля 14 дня 1814.

Не на торжественной, побѣдной колесницѣ,
Предъ коей цѣлый свѣтъ повергнулся бѣ воз-
могъ,

Ты въ радостной Своей являешься столицѣ,
Въ смиреніи — какъ Царь, въ величїи какъ Богъ!
Внемли, какъ вокругъ Тебя гремятъ народны
клики,

Въ восшоргѣ семъ срѣшай Твоихъ безсмертны
дѣла!

Коль подданныхъ Цари любовію велики,
Ты всѣхъ земныхъ Владыкъ великошь превзо-
шелъ!

Отъ Бога избранный, и передъ Нимъ смиренный,
Во время торжества народовъ и Царей,
Въ минушы радости Россіи вознесенной —
Ты все забышь спѣшишь у Творчихъ олшарей!
И мысли и дѣла Ему всѣ обреченны!
О сколь Онъ самъ Тебя, исполненный чудесъ,

И въ благости Своей, и въ гнѣвѣ сокровенный,
По грозномъ опышѣ, во славѣ превознесѣ!

Тогда, какъ Гражданинъ, какъ ратникъ въ бран-
номъ строѣ,

Спасая насъ, Ты смерть безпрепешно срѣшалъ,

Не зрима длань Его являлась въ грозномъ боѣ:

И сильный, предъ Тобой, въ боязни шрепешалъ!

И вспяшь побѣгъ, забывъ въ бояхъ спяжанну
славу!

Вселенная гроза развѣялась Тобой;

Ты благостью даришь враждебную державу,

И миръ и щасіе, вездѣ несешь съ собой!

Не Богъ ли въ спрашный мигъ всеобщія боязни,

Какъ съ учаспью спраны обширныя Твоей,

Спрягались жребіи и смертныхъ и Царей,

Крѣпилъ Твой бодрый духъ — и полнилъ чашу
казни

И палъ пирана пронъ! — Какъ молнія — прошекъ

Свободы, славы гласъ отъ Сейны до Дуная,

И восхищенный міръ, Тебя благословляя,

Спасишелемъ своимъ и мстишелемъ нарѣкъ!

Гряди о Царь — Опецъ! склонись отъ бишвѣ
къ покою —

И въ свѣшлу радугу перунъ Твой обрати!

Самъ Вышній, видимоприсутственый съ Тобою,

Поставилъ здѣсь Тебя законъ Его блюсти!

Гряди... во слѣдѣ Тебѣ, я вижу вѣ восхищеньѣ:
 Свобода общая, довѣренность людей —
 Ликующѣ на землѣ Покой и Просвѣщенье,
 И спонепѣ шумный Понпѣ подѣ ношей кораблей!
 Ты съ миромѣ намѣ несешь блаженство сово-
 купно ;

Премудроспѣ, Истина, во слѣдѣ Тебѣ шекушѣ
 У шрона Твоего бышѣ спражей неопсшупно,
 И грянушѣ звуки Лирѣ! и Музы воспоющѣ!
 Внимай, внимай ихѣ гласѣ! онѣ чиспѣ и без-
 приспраспенѣ,
 Онѣ яда не шайшѣ ласкашелей вѣ себѣ —
 И можешѣ ли языкѣ бышѣ леспи сопричаспенѣ,
 Когда онѣ говоришѣ о Богѣ и Тебѣ?

Къ И. М. Ф. . . У.

НА ВЫЗОВЪ ЕГО ПРОДОЛЖАТЬ МОИ САТИРЫ.

Ты пребуешь, мой другъ, чтобъ я на лиръ снова,
Тѣснимъ отъ злыхъ заботъ, хотѣлъ еще бря-
цашь,

И дерзостный порокъ безспрашно обличаешь;
Тебѣ покорствовать рука Пѣвца гошова!

Но что, скажи, за цѣль, въ стремленіи такомъ,
Мнѣ сдѣлашь каждого чиншашеля врагомъ;

Довольно безъ того въ сей жизни огорченья!
Свѣшъ бѣденъ въ знапокахъ хорошаго шво-
ренья;

Вошще у насъ Пѣвцы соревнованья ждущъ,
Ихъ публики давно убилъ холодный судъ.

Кто чпшшъ Державина превыспренне паренье,
Россійской Музы честь — и Лиры украшенье,
Тошъ скажетъ: брось перо, иль равенъ будь
ему,

Прочтя его дамъ судъ шаланшу швоему;

А кто, небесныхъ шайнъ Поэзіи не знаетъ,
Въ комъ сердце, при его спрунахъ, не поспи-
гаешъ,

Что можетъ человекъ, что чувства значатъ
вѣ насъ,

Кому знакомъ одинъ Безмыслова Пегасъ;

Для тѣхъ и безъ меня Поэтовъ тѣма способ-
ныхъ:

Не ищешь мой талантъ похвалъ проспона-
родныхъ!

Ты скажешь: а друзья? которыхъ вѣ пишинъ

Съ Гораціемъ тебя ласкающъ на равнѣ,

И Музъ скромной вѣ даръ вѣнокъ отъ нихъ
плещется

Ахъ, дружба рѣже всѣхъ съ Поэтомъ уживется!

Вѣ томъ ласкъ, ласкашельство, а вѣ этомъ
приговоръ,

Отъ коего моей пылаетъ Музы взоръ,

Тотъ, изъ любви ко мнѣ, душищъ вѣ нравоученьѣ,

Что спросишь къ Поэзіи есть къ пагубѣ спрѣ-
мленье,

Что должно бросить все, что бѣ съ низкой я
душой,

Вѣ презрѣнны ползъ къ чинамъ презрительной
пропой,

Что бѣ чувствъ небесный жаръ, души моей
свѣшило,

Я вѣ низкое вмѣнилъ спросшей людскихъ кор-
милу,

Къ Рубеллю ненависть въ почтение обращалъ,
 И въ зеркалѣ красой уродство бы казалъ!....
 Сей, въ проспошѣ ума, избравъ себя судьей,
 Въ глаза мои спихи зовешъ галиматъею,
 И тѣ, къмѣ одобряшъ паланшъ бы слабый мой,
 Я, часто слышу чшутъ Поэзію чумой;
 Въ сомнѣніи такомъ, скажи, могуль рѣшиться,
 Что мой ничтожный даръ на что нибудь го-
 дится?

Безъ чувства согражданъ едва ли бы посмѣлъ
 Къ безсмертію Гомеръ и къ славѣ Пракси-
 шелъ —

Не оскорблю тебя, о Пиндаръ нашъ единой,
 Сказавъ, что данъ полетъ тебѣ Екатериной;
 Она великій даръ въ душѣ твоей зажгла —
 И съ Музою твоей къ попомспву перешла!
 Но ревность къ Геніямъ, безъ смѣлости и дара,
 Вновь пагубу явишъ несчастнаго Икара;
 Что можешъ гореспнѣй бышъ участи пѣвца —
 Дивишься — и не смѣшъ доспичъ до образца!
 Такъ часпо вижу я художника съ перзаньемъ,
 Передъ единспвеннымъ Богини изваяньемъ,
 Ломающа рѣзецъ по шягоспной борьбѣ,
 Всю силу чувспвуя безсилія въ себѣ;
 Скорѣй совѣшуй мнѣ, чуждѣ лести и сомнѣнья,
 Что бы, напрасныя оставивъ покушенья,

Я уклонился Музѣ въ ничтожности моей,
Кошорымъ жертвовалъ безплодно цвѣтомъ дней;
Для коихъ пренебрегъ исполненъ ихъ осправой,
Какъ юность пылкая спрѣмилась въ слѣдъ за
Славой,
И Брани, и Чесшей блистательный доспѣхъ —
Для коихъ я бѣжалъ плѣнителей утѣхъ,
Кошоры радостно чело другихъ вѣнчали: —
Для нихъ сокрышы дни въ прудахъ перепадали,
И Скорбь — ихъ сблизила безвременный закашъ;
Мой Геній подавленъ подъ бременемъ ушатъ!

НА ИЗТРЕБЛЕНІЕ НАПОЛЕОНОВЫХЪ АРМІЙ ВЪ РОССІИ.

Ты грянулъ наконецъ съ высотъ Твоихъ небесъ:
И побѣдиль Россѣ! — и міра страхъ исчезъ!
Гдѣ злобныхъ полчища? гдѣ ихъ несмѣтна сила?
Чудесныя весь свѣтъ исполнися молвы:

Отъ Вислы до Москвы,

Ихъ страшная могила!

Онъ шелъ, народовъ бичъ, свирѣпый сынъ войны,
Могущество попрясть Россійскія спраны,
Полсвѣта въ кругъ его въ развалинахъ пылало,
Полсвѣта, въ слѣдъ за нимъ, шекло ее разить:—

Но Россовъ покоришь —

Еще полсвѣта мало!

Позналъ — и вспяшь побѣгъ, спасая жизнь свою;
Не обольспишь сердецъ приверженныхъ въ Царю;
На гласъ его: къ войнѣ! все бросило жилища:
Вступя въ предѣлы ихъ, какъ волкъ на хитрый
ловъ,

Ты раздраженныхъ львовъ

Коснулся логовища!

Шагъ каждый шамъ тебѣ явилъ ужасный бой,
 Тамъ каждый селянинъ сразился какъ герой,
 Ты зрѣлъ ихъ: спрашна мечь къ тебѣ ихъ
 приводила,

На лицахъ ихъ чипалъ рѣшимость, крѣпость
 силъ,

И видъ ихъ говорилъ:

Тебѣ иль мнѣ могила!

О подвигъ мщенья, плѣняющій сердца!

Десница мощная Героя и опца

Тамъ въ брань ведетъ сыновъ, едва разцвѣт-
 шихъ къ жизни,

И опрокамъ своимъ вѣщаетъ грозно масть:

Спѣшите цмирать

Въ спасеніе отгизны!

Гдѣ швердоси найду подобной я примѣръ?

Ты къ храмамъ Вышняго коснулся, изувѣръ,

Съ сѣкирой и огнемъ... и шамъ ихъ слава нова:

Священны Паспыри съ геройскою душой

Падутъ передъ тобой

У олшаря Христова!

Не въ силахъ преклонить великость ихъ сердецъ,

Ты веси изпреблялъ и грады наконецъ

Чпобѣвъ ихъ изпаевашь съ опчаянья и злобы:—
 Не славу, не корысть узрѣлъ ты хищный въ
 нихъ:—

Одни нещешны гробы
 Сопутниковъ твоихъ!

Какъ Фурія, твой вождь, возликовала яра
 Пустынный Москвы средь спрашнаго пожара,
 Ты жребій свой позналъ — что грабить лишь и
 жечь

Удѣломъ для тебя назначила природа,
 А не сердца привлечь
 Щасливаго народа!

Тогда въ пиранѣ страхъ до сердца досягнулъ
 И спрашный мечъ его въ первые опдохнулъ!
 Недвижны полчища, какъ шигры, средь забрала,
 Въ оцѣпненіи узрѣли близку казнь —
 И съ голодомъ ихъ боязнь
 Тамъ мѣсяцъ пожирала.

Ни вѣры Россіянъ, ни вѣрности къ Царю
 Не могъ поколебать ты въ хладномъ ихъ краю,
 Вошше на нихъ пекла твоя ужасна сила —
 Еще ли не позналъ ты Россовъ дивну мощь?
 Враговъ ихъ зрѣла ночь —
 Заря не освѣтила!

О вы, спасители отеческой страны:
 Сколь жребіи для васъ возвыщенны даны!
 Рѣшивъ судьбину царствъ мгновенно ополчились,
 Васъ въ бранной красотѣ узрѣлъ съ надеждой
 свѣтъ:

Нагрянули — сразились —
 Гдѣ мнимый богъ побѣдъ?

Содрогся наконецъ — о похищитель Трона!
 Любовью лишь шверда Власшителя корона.
 На Сѣверѣ тому ты видѣлъ образецъ,
 Тамъ въ бѣгствѣ ощутилъ сколь спрашенъ бой
 неправый,

И на челѣ, кровавый,
 Попряся твоей вѣнецъ!....

Герой! Россіи щипъ! во браняхъ! искушенный,
 ЕКАТЕРИНОЮ ко Славѣ обреченный!
 Опъ горнихъ мѣстъ Она, на сонмъ своихъ по-
 бѣдъ

Склонясь, какъ Божество, надъ милой Ей спра-
 ною;

Избавленну тобою

Россію зрѣтъ отъ бѣдъ!

„Остатокъ щасливый, гласишь, моей державы,
 „Сколь новый для тебя открылся подвигъ Славы!

„Я щасье моего народа создала ,

„Полвка для его шрудилась возвышенья ,

„А длань твоя спасла

„Его отъ пораженья! “

Купузовъ! торжествуй! сей гласъ Россіи всей

Перуномъ пролепши до опдаленныхъ дней!

Съ слезами о тебѣ попокомъ вспомнишь поздный,

И ты ошмсишелемъ Россіянъ нарѣченъ ,

О щипъ Пепровыхъ стѣнъ,

О Вишгенштейнъ грозный!

Надъ Александромъ

Могущи мстишели обширныхъ Рускихъ спранъ:

Такъ древле Фабіи спасали согражданъ!

Въ ничпо вмѣняя жизнь, вашъ вождь передъ

полками ,

Во брани посѣдѣвъ надъ гибелью враговъ ,

Какъ грозна меснь боговъ

Прошекъ межъ ихъ рядами!

Вопще въ побѣгъ мняшъ спасеніе найши:

Ихъ настигаешъ смершь — и смершь ихъ ждешь

впереди!

Въ крови, изшерзаны, склоняющъ рабски выи,

Тамъ гладъ, здѣсь люшый мразъ спрегущъ сре-

ди дорогъ:

За Россовъ правды Богъ,
За Россовъ и спихи!

О сколь ужасный видъ представился очамъ:
Тамъ въ живъ, снѣдь могилъ, простерлись по
снѣгамъ!

Вошше послѣдній гласъ къ опчизнѣ обраща-
ющъ —

О жалкія толпы тѣмочисленныхъ племенъ!

Вошше и чадъ и женъ

Васъ вопли призывающъ!...

Погибли! — слѣду нѣтъ! самъ люшый вождь
бѣжитъ —

И съ воемъ тѣней полкъ во слѣдъ его лепилъ!

Опринуша надъ нимъ небесъ благихъ пощада!

Вздымающся власы — снопы его дрожатъ —

И, спрашные, прещашъ

Подъ нимъ закльпы ада!

О Промыслъ всеблагій! сколь не постиженъ Ты!

Не гибелью ль его горѣли всѣ слѣды?

Не онъ ли ликовалъ среди нещепныхъ боевъ?

Днесъ маниемъ Твоимъ, къ спасенью всей земли,

Мнѣ зрится: пошекли

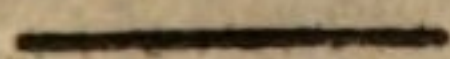
Полки Россійскихъ воевъ!

А вы, кого изъ нихъ постигнулъ смертный сонъ,
О Кульневъ, Богавушъ, и ты Баграшюнъ,
О жершвы славныя! ликуйте въ горней сѣни,
Сколь многіе прещли о мести вамъ вѣщающъ:
Тамъ будущъ васъ дрожащъ
Враговъ нещетны шѣни! . . .

Внемлите всѣ страны! познай о смертныхъ
родъ!
Что можешь твердый Царь и ревностный на-
родъ!

Надъ АЛЕКСАНДРОМЪ самъ вселенная Содѣ-
тель,

Громами ополчась, щипъ крѣпости просперъ,
И въ Немъ, Царямъ въ примѣръ,
Вънчаешъ Добродѣшель! —

НАДПИСЬ

КЪ БЮСТУ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА благочестивѣйшаго ГОСУ-
ДАРЯ АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА.

ИМѢ Свѣту низложенѢ грозившій испуканѢ—
И ЦарствамѢ прежняя возвращена свобода;
ОНѢ благоспѣю, вѢ Свой вѣкѢ, возвысилѢ Цар-
скій санѢ:
ЛюбимецѢ и ОпецѢ великаго народа!

ПОСЛАНИЕ КЪ ЗЕМЛЕДѢЛЬЦАМЪ.

О вы, которые, въ убожествѣ своемъ,
 И грады пышные и царства богащите,
 Въ повиновеніи безмолвномъ и благомъ,
 Для пользы общей, дни, сокрытые, спремите...
 Я ваши пѣшь хочу полезные пруды: —
 Въ нихъ жизнь сокрыта Царствъ, ихъ щасье
 и свобода!

Они испочники ихъ гордой вышины,
 И ими самая красуется Природа.
 Не вы ль пусынный видъ и дебрей и степей,
 Гдѣ зришь намъ она упорной и скупой,
 Одѣвъ злчныхъ нивъ блестящей красою,
 Плодоносящими шворище для людей?
 Не вашей ли рукой, среди весны и лѣта,
 Она красой полей, долинъ оживлена,
 Въ убранствѣ жашвъ злпыхъ блистательно
 одѣта,
 Не ею ль намъ несешъ дары свои она?
 Не вы ль, поя луга и упучня нивы,
 Ввѣря въ каждомъ имъ зернѣ споричный плодъ,
 Спирая горъ хребты, спѣсня водъ разливы,
 Сокровищамъ ея даете новый ходъ?

Сопутники въ ея щедрошахъ неизчешныхъ,
 Пріавъ обильную награду за труды,
 Вы учишесь у ней раздѣлу благъ несмѣшныхъ —
 И такъ же, какъ она, даятели безъ мзды!

Поклонники Творца, не хвалъ въ гремя-
 щемъ ликъ —

Ему поете пѣснь. Вы знаете, хвала —
 Доспойная Его — не въ гласъ, не въ языкъ,
 Но сердца простота и добрыя дѣла.
 Прямые мудрецы, разсудка изощренье
 Не покупаете вы порчею сердецъ,
 Для не порочныхъ чувствъ сей терній и вол-
 чецъ:

Опецъ ему — развратъ; а чада — заблужденья!

Пусть свѣта мудрые придутъ учишься къ
 вамъ

Точнѣе умствования, полезнѣе прудиться,
 Нещасные узнавъ конецъ своимъ бѣдамъ,
 Какъ въ мирѣ и съ собой, и съ участью ужиться;
 Всѣ не довольные — покорности къ Судьбѣ.

Сколь часто, въ крошески я зрѣлъ васъ пер-
 пѣливой,

Со голодомъ, съ нищетою въ мучительной борьбѣ,
 Чтobъ богачей пишатъ избытокъ прихопливой!

Сколь часто у одра недуга и скорбей,

Спешащихъ обрешалъ, и, сердца къ услажденью,

Влекомыхъ къ тайному васъ зрѣлъ благошво-
ренью

Лишь пламенной къ добру любовію своей! . . .

Сколь щасливъ для меня кто вамъ во всемъ
подобенъ,

Свои безвѣспны дни проводитъ въ тишинѣ,

Кто, сколько же какъ вы, и крошкѣ и не зло-
бенъ,

Согласья и любви пѣетъ радости однѣ;

Тогда какъ рушатся, дробимые грозою,

Великолѣпные чертоги богачей,

Онъ не спрашится бурь, бывъ самою судьбою,

Укрытъ и охраненъ въ обители своей.

Ахъ, еслибъ вашъ Пѣвецъ, подъ вашимъ мир-
нымъ кровомъ,

Упраченный покой, довольствіе сыскалъ,

Онъ жизни бѣ каждый мигъ срѣпалъ въ во-
споргѣ новомъ,

И участи владыкъ вѣнчанныхъ не желалъ!

Вѣдомъ Природою, наславницею неложной,

Не зналъ бы ни суешъ, ни гибельныхъ спра-
стей, —

И, если щастія достигнуть здѣсь возможно,

Онъ вѣрно бы къ нему ближайшей шекѣ спезей.

Друзья моей души! гдѣ вѣкъ Аспреинъ зрится,

Въ обычаяхъ благихъ, наслѣдіи опцовъ,

Нусь жизнь моя средь васъ, безвѣспная, спре-
 мишся,
 И лиры гласъ поешъ васъ, дружбу и любовь! —
 Тогда, какъ роскошь спитъ средь нѣги
 ухищренной,
 И смерть, сокрытую въ бездѣйствіи, піешъ,
 Вашъ духъ ужь бодрствуетъ, зарею пробуж-
 денный,
 И чувства въ даръ Творцу, хвалебныя, несешъ!
 Когда она, возставъ, средь лѣни снова дрем-
 лешъ
 И сладостныхъ прудовъ не знаетъ для себя, —
 Съ какой охотою, весельемъ, онъ приемишъ
 Плугъ въ руки — и браздишъ родимыя поля!
 Въ часъ ясныя весны, и лѣта въ полдень зной-
 ной,
 Въ безпечности златой, склонившись ошъ
 труда,
 Васъ ждетъ часъ отдыха, сонъ крѣпкой и споч-
 койной,
 Который для нее не сладокъ никогда;
 Съ румяной осенью надежды совершенье
 И вашихъ плодъ прудовъ спѣшатъ упѣшишъ
 васъ;
 Царямъ не столько Царствъ пріятно поко-
 ренье —

Какъ вамъ, нивъ первенецъ, злшый и зрблый
 класъ! —

Ужъ злаки полные опъ тяжеспи склонились —

На жашву! пусто всё! младенецъ и сшарикъ, —

Все ожило къ шрудамъ, всъ вб полъ успреми-
 лись,

Ужъ дебри огласилъ жнецовъ веселый кликъ!

По нивамъ блещетъ серпъ вб рукахъ разнооб-
 разныхъ, —

Топъ жнетъ, топъ вяжетъ снопъ, топъ вб
 кучу ихъ кладетъ,

Топъ, сб скрыпомъ, вб жипницы возы свои
 ведетъ;

На сей всеобщій пиръ сонмъ юныхъ благъ, пре-
 красныхъ,

Мать нбжная несетъ, Природа чадамъ вб даръ.

Тамъ, вб крашкй день зимы, шруды опяшь го-
 шовы,

Собравшись, опдвлять опъ класовъ зерны новы,

И впоришъ, по шокамъ, созвучный цѣпъ ударъ! —

Но можноть сощипать, друзья мои любезны,

Всъ ваши радости, занятія, шруды,

Вб кошорыхъ вы всегда для Общесшва полезны?

А шамъ — насшали игръ пріятныя чреды:

Вб часъ вечера, какъ Тебъ, едва, едва примъшенъ,

На небъ сумрачномъ, вб мерцающихъ лучахъ,

И рѣзвыя, давно, овечки во дворахъ, —
 Собравшись подъ навѣсѣ старикъ и малолѣтень,
 Сонмъ юношей и дѣвѣ, въ молчанье погрузясь,
 Преданье давнихъ лѣтъ внимающъ въ восхищень,
 Иль, въ легкій хороходъ, всѣ вкупѣ соплешаясь,
 И славящъ и поющъ дней скрытыхъ наслажденье!
 А тамъ — гдѣ устрѣмленъ въ восторгъ взоръ
 Пѣвца —
 Для душъ чувствительныхъ прелестная картина!
 Мать нѣжная, прижавъ къ румянымъ персямъ сына,
 У вратъ привѣстивуетъ веселаго опца!
 Невинность милая, съ улыбкою щастливой,
 Руками оплешая вокругъ матерней груди,
 Ея срѣшаетъ взглядъ умильный, шоропливой,
 Какихъ, опъ давнихъ лѣтъ, въ столицахъ не найши! . . .
 И свѣша и суешъ и почестей въ забвень,
 Къ которымъ происки возводящъ въ немъ одни,
 Пускай, презрѣвши все, въ моемъ уединень,
 Я принесу лишь вамъ и Музамъ дни свои!

Давно ихъ славою блистательной плѣненный,
Труды мои для нихъ единыхъ посвящу;
Уже ль сей участи завидной и блаженной,
Я въ свѣтъ что ни будь возвышенный сыщу?
Пусть кончу дни мои спокойные межъ вами;
Природы нѣжный сынъ въ рукахъ ее уснешъ —
Тамъ жизнь опрадную, хранимую богами,
Безсрочно ни болѣзнь, ни ядъ не пресѣчетъ.

БЛАЖЕНСТВО.

(ПОДРАЖАНІЕ ПАРНИ.)

Увы, съ какою быспрошою,
 Сокрылся сей щаспливый мигъ,
 Какъ съ спраспною моею душою,
 Я, Нина, пламенѣлъ въ объятіяхъ твоихъ!
 Какъ сердце у тебя въ восторгахъ замирало;
 И розою лице стыдливости пылало! . . .
 Блаженъ, блаженъ спокрашъ,
 Кто, руша всѣ преграды,
 На ложѣ роскоши, возлюбленной объятъ;
 Вкушаетъ въ полношъ любви всѣ опрады!
 Онъ скорбный міръ забылъ восторгомъ упоясь.
 То, взорамъ обнажишь прелестную грудь спре-
 мясь,

Подобну снѣгу бѣлизною,
 Онъ робкой медлѣнно рукою
 Дѣлитъ покрововъ тонкихъ связь: —
 И, полными гордясь
 Лилѣйными холмами,
 Лишенная своихъ защитъ;
 Подъ спраспными его ушами,
 Она швердѣетъ и горитъ! . . .

То станѣ ея рукой роскошною обнявши,
 Который у самой Киприды похищенѣ,
 И поясѣ, средѣ забавѣ, украдкой развязавши,
 Смущеньемѣ красоты робѣющей плѣненѣ,
 Онѣ пламенно уста спыдливыя лобзаетѣ,
 И тихое на нихѣ роптанье умираетѣ!

Чья участь на земли съ щасливцемѣ симѣ равна?
 Онѣ медлитѣ посреди сердечныхѣ упоеній,

И чашу восхищеній

По каплѣ пьетѣ до дна!

О Нина, о мой другѣ, пребудь всегда со мною!

Смяшеніе любви! плѣнительный покой,

Который слѣдуетѣ за щастья полношю!

Пусть нѣжною моею развѣяны рукой,

Вѣ сей милой проснопѣ, любовью расплеценны,

Волнующся твои прелестныя власы,

И, легкій твой покровѣ, Эропомѣ похищенный,

Не кроетѣ отѣ меня спыдливыя красы!

О Нина, вся цѣна дней нашихѣ вѣ наслажденіѣ!

И райское одно мгновенье,

Когда, вѣ восторгѣ мы своемѣ,

Небесное о всемѣ

Забвеніе пьемѣ —

Годичныхѣ есть заботѣ и бѣдствій услажденье!

Жизнь смертныхѣ горести оправкою полна:

Любовію одной красуется она.

Воспорги первыхъ встрѣчь, горящи лобызанья,
Волненія души, любви очарованья!

Оставишь должно свѣтъ,

Когда васъ боль нѣтъ! . . .

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЛУЦИЛЛЕВОЙ СА- ТИРЫ ПРОТИВЪ ЕГО ВЪКА.

(САТИРА ШЕСТАЯ.)

Какія времена! какое ослѣплѣнье!

За злопо Плебеи вступающѣ въ знашный санѣ,
Берущѣ достоинствѣ мзду и кроющѣ престу-
пленье!

Весь Римѣ — Софистовѣ сонмѣ! нѣтъ истин-
ныхѣ гражданѣ!

Гдѣ древнихѣ праощевѣ прямое превосход-
ство,

Ихѣ въ браняхѣ храбрый духѣ, ихѣ неизмѣн-
ный нравѣ,

Ко Славѣ, Истинѣ любовь и благородство?

Все пало, все падешѣ! таковѣ Судебѣ успавѣ!

О мирѣ, довольствіе, народа благоденство!

Весь градѣ огнемѣ вражды мяпежной воспаленѣ,

Благое согражданѣ сокрылося равенство —

И отрокѣ, слабыхѣ силѣ, владыкой нарѣченѣ!

Изображу ль семействѣ печальную каршину?

И шамѣ порокѣ возжегѣ погибельный раздорѣ.

*

Подвласныхъ ли возьму нещаспную судьбинѹ,
Къ владычеству ль проспру свой огорченный
взоръ:

Вездѣ лишь ищущѣ пользѣ другихъ къ вреду и
(ЛАЗЪВЪ АЛТАРЪ) спону,

Вездѣ лишь сильному предспашельство и кровѣ;
Суды — супъ поржища, судьи — враги закону,
Безчеспьемѣ оскверненѣ и самый санѣ жре-
цовѣ.

Гдѣ Рима древняго величїе и сила?
Почшо не обращенѣ мгновенно онѣ во пражѣ!
Здѣсь прелестѣ слабыхъ женѣ порфиры блескѣ
запмила,

Тамѣ спыдѣ власпишелей, шамѣ воевѣ низкій
спрахѣ . . .

Гдѣ любомудрый взорѣ спрегущїй судѣ и брани?
Тамѣ знапный родѣ возвелѣ надмѣннаго глупца
Вѣ священный санѣ вождя, далѣ мечѣ и жезлѣ
во длани,

И чпишѣ достоинспвомѣ гражданскаго вѣнца!
О учаспѣ жалкая! умовѣ порабощенье!

Вѣ могилѣ хладной я почшо еще не скрышѣ?
Ахѣ, лучше бы меня боговѣ поспигло мщенье,
Чѣмѣ Римлянѣ чувспвовапѣ и бѣдспвїе и спыдѣ!
Оплачемѣ, граждане, нашѣ жребїй униженный,
Я видѣлѣ о, почшо очей былѣ не лишенѣ,

Нашъ сильный легіонъ, коварствомъ подкуп-
 ленный,
 Безъ браней, безъ побѣдъ повергшійся во плѣнъ!
 Я зрѣлъ и олшарей и жашвъ опустошенъе,
 Я зрѣлъ орашая, среди его трудовъ,
 Безъ силы, безъ надеждъ, съ отчаяньемъ бо-
 ренье!
 Я зрѣлъ, при пышности вельможескихъ дво-
 ровъ, —
 Какъ въ мигъ, ихъ алчности въ угодность,
 исчезало
 Терпѣніе и трудъ чрезъ цѣлый рядъ годовъ,
 Какъ Испину и Чесль изгнанье осрамляло!
 Я зрѣлъ . . . Опечесство! красу свою и щипъ,
 Героевъ, средъ смершей, себя на жертву нес-
 шихъ,
 И, возвращаясь къ себѣ, о срамъ, о вѣчный стыдъ!
 Презоръ и нищету и гладъ себѣ обрешшихъ!
 Я зрѣлъ — и скорби мракъ мой духъ опягошилъ;
 Оспавимъ все, о вы, для коихъ предковъ слава,
 Еще въ душахъ жива, еще сердецъ оправа —
 И будетъ Римъ искашь . . . среди однихъ мо-
 тилъ.

Къ А. П. Б. . . О Й,

О приличіи стихотворства Прекрасному
полу.

Природа въ щедрости для чадъ своихъ равна,
 Приспращаемаго въ дарахъ не вѣдаетъ раздѣла.
 О милый, нѣжный Полъ! уже ль исключена
 На вѣкъ изъ твоего Поэзія удѣла?
 Кто смѣетъ сей хулой Музъ числыхъ пори-
 цать?
 Въ прелестномъ ликѣ Дѣвъ мы ихъ изображаемъ,
 Въ нихъ мудрость мы спѣшимъ Природы со-
 зерцать,
 Красу богошворимъ, Любовь ея срѣщаемъ;
 Сей даръ божественный, сей всѣхъ даровъ вѣ-
 нецъ,
 И въ прелесть и въ восторгъ духъ пылкій при-
 водящій,
 Сокровище умовъ, веселіе сердецъ,
 Гласъ нѣжныя души со струнъ златыхъ ле-
 шящій,
 Уже ль, въ рукахъ у нихъ, не долженъ насъ
 плѣнять?
 Отъ тѣхъ — у коихъ власть сердцами обладашь?

Имъ прогашь и учишь Гармоніи небесной!
 Всесовершенное твореніе Творца,
 Гдѣ больше дивенъ Онъ—какъ не въ душѣ пре-
 лесной
 Сіяющей въ чертахъ прелеснаго лица?
 Въ нихъ сердце нѣжное, любви нѣжной полно,
 Опъ щепныхъ замысловъ, кичливоспи свободно;
 Въ нихъ дышущъ пишиной и кротоспью успа,
 И брани не мрачипъ ихъ грозная мечпа;
 Жаръ мщенія въ крови ихъ къ бишвѣ не взы-
 ваешъ,
 Улыбка на устахъ всю власть ихъ охраняешъ—
 И непорочности прелесный, милый видъ,
 Не сходишъ никогда съ ихъ двспвенныхъ ла-
 нишъ;
 Какъ звѣзды ясныя, возженные въ пмѣ ночи,
 Спокойспвіемъ блестяшъ опверспыя ихъ очи,
 Чья грудь, олшаръ любви, свяпилище красопъ,
 Небесныхъ полнился и чувспвій и доброшъ:—
 Любви машери повѣрена ей сила!

О ты, копорая мнѣ мысль сію внушила,
 На лирѣ оправдашъ Пѣвицѣ высокій санъ,
 Въ копорую съ небесъ даръ испинный вліянъ;
 Копорой пѣсни я внимаю съ восхищенъемъ,
 И Музъ самихъ плѣненъ въ нихъ чиспымъ вдох-
 новенъемъ,

О, Сафо нашихъ дней! копорой сполько разъ
 Воспорга вѣ полношѣ я спроилъ лирный гласъ,
 Ты, возлюбившая тернистый путь Науки —
 И лиры кропкіе, плѣнишельные звуки,
 Охошу сродную чувспвишельнымъ сердцамъ!
 Съ завидной славою послѣдуя Пѣвцамъ,
 Ты ль хочещъ, чшобы вновъ, вѣ своемъ шалан-
 шѣ скудный,
 Я подвигъ швой воспѣлъ единшвенный и пруд-
 ный?
 Чшо можешъ для себя простой усердья жаръ?
 Когда бѣ меня живилъ Творцовъ великихъ даръ,
 Когда бѣ ихъ высилъ духъ, ихъ чувсшво ожи-
 вляло,
 И сердце бѣ, какъ швое, добротою пылало,
 Тогда бѣ я волю далъ спремленіямъ своимъ:
 И пали бы Пѣвцы предъ образомъ швоимъ!...
 Кшо можешъ оградишь вѣ заняшяхъ полъ
 нѣжный?
 Жена, краса семействѣ, и ихъ оплошъ надеж-
 ный,
 Ведущая съ собой супруга вѣ мирный домъ
 Веселье, пишину, согласіе, блаженсшво,
 И юныхъ, милыхъ чадъ, ласкаемыхъ опцомъ
 Жена, вѣнецъ добротъ, рукъ Творчихъ совер-
 шенсшво, —

Кто можетъ болѣе любовію дышати?
Чье сердце съ мапернимъ возможно въ ней срав-
няти?

Кто больше усладитъ горящаго супруга,
Скорбящаго въ шрудахъ иль въ сладкій часъ
досуга?

Кто лучше чувспвовать умѣетъ и любитъ,
И нѣжности для словъ искусство находишь?
Въ чьихъ болѣе уссахъ красуется даръ
слова?

Наука скучная не сполько въ нихъ сурова,
Имъ всѣхъ приличнѣе ученіе сердецъ:
Имъ путь до нихъ знакомъ, въ нихъ сердце —
образецъ!

Иль дѣва юная, съ свободою безцѣнной,
Съ щасливою душой, къ спрашямъ не прилѣп-
ленной,

Не вѣдая шоски сѣмейспвенныхъ заботъ,
Ни сердцу пягоспныхъ неволею работъ,
Всшупая сверспницъ въ кругъ, весельемъ ожи-
вленныхъ,

Чему опдастъ часы временъ своихъ блажен-
ныхъ?

Пусть, нѣжный гласъ сліавъ съ цѣвницею зла-
пой,

Поемъ своей души и радость и покой,

Пускай, щасливая, она обворожаетъ
И ту, что въ цвѣтѣ дней, и ту, что опцвѣ-
щаетъ,

Поетъ незлобіе и прелестъ юныхъ лѣтъ,
И въ свой подругѣ своихъ влечетъ завидный
слѣдъ!

Поэзія души и органъ и зеркало.

Пусть снимутъ съ красоты невинной покрывало,

Пусть блещетъ — и разитъ спраспямъ под-
власный міръ!

Пусть юношей плѣнятъ своихъ игрою лиръ,

Изъ сердца гонятъ ядъ наклонности порочной —

И вѣчный блескъ дадутъ красъ своей непрочной!

А та, чей помраченъ любовью свѣплый взоръ,

Въ копорой изрѣкло свой сердце приговоръ,

Пускай съ подругою ея, уединеньемъ,

Плѣняетъ насъ души таинственнымъ боренье-
емъ,

Блаженствомъ полнитъ грудь, поетъ щасли-
ву спраспъ;

И милого зоветъ къ спопамъ ея упаспъ;

Или, всю волю давъ душѣ своей прельщенной,

Намъ славитъ поцѣлуй въ первые полученной!

Любовь, сама любовь таится будетъ тамъ

И съ дланію лешатъ по пламеннымъ спрунамъ!

Пусть та, для коей скорбь послало небо гнѣвно,
 Кто въ міръ сирота, чье сердце разлученно,
 Ждетъ дружества къ себѣ отпадныхъ слезъ
 на грудь,
 И скорбный, пѣсню, цвѣпшъ еще свой пупъ.
 О еслибъ лирамъ Музъ коснулись длани Грацій!
 Цѣвницу бѣ дивную повергъ свою Горацій,
 И самъ бы пѣсней царь, божественный Омиръ,
 Вперивъ и взоръ и слухъ забылъ шворишь свой
 міръ!

Такъ ты, плѣнившая мой слухъ своей игрою,
 По шягоспной борьбѣ съ трудами и судьбою,
 Привлекшая къ себѣ почшипелей соборъ,
 Склонила на себя Монарха щедрый взоръ (*).
 (Еще ль, Опечество, я буду справедливо
 Сію талантамъ данъ щипашъ въ тебѣ за диво?)

Веселіемъ однимъ пишашся намъ нельзя,
 Плодъ отдыха — оно, съ шрудомъ лишь оби-
 таешъ,
 Въ немъ къ наслажденію сокрытая спезя,
 Душа въ немъ пищу зришъ, безъ коей угасаетъ.
 Какъ роскошь строишъ пиръ, и хипрою рукой
 Для чувствъ изнѣженныхъ готовишъ пресыщенья,

(*) Здѣсь разумѣется ВЫСОЧАЙШЕ пожалованный ей
 пансіонъ ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ.

Мракъ ночи обраша въ блестящій свѣтъ дне-
 вной,
 И бодрствовать зоветъ средь обща усыпленья,
 Какъ сонмъ твоихъ подругъ, составя свѣшлый
 строй,
 Поклонниковъ своихъ предводишъ шумный рой,
 Иль, съ громомъ звонкихъ арфъ, по яркости
 паркета,
 Въ хоръ рѣзвый соплешась, кружишься до раз-
 свѣта:
 Какъ скука, спутница сердечной пусшоты,
 Сгоняетъ съ ихъ чела веселія мечты,
 Какъ тайная попка въ груди ихъ ушомленной,
 И жажда вѣчная въ душѣ ненасыщенной,
 Какъ ходишъ имъ во слѣдъ, коварство, кле-
 веша,
 И злоба полнишъ ихъ злословіемъ уста,
 Какъ жалкіе сіи рабы суешъ спремятся
 Прискорбіе скрывать, веселыми казаться, —
 Ты, цѣну чувствуя веселья и трудовъ,
 Приносишь вѣрный имъ раздѣлъ своихъ ча-
 совъ,
 То сердце нѣжное забавой услаждаешь,
 То душу, алчную къ познаніямъ, пишаешь —
 И радость, презря ихъ кичливый, скучный сонмъ,
 Таишься у себя, обнявшись съ шрудомъ.

Твой въ одиночествѣ духъ кропкій, просвѣ-
 щенный,
 Ни скуки, ни тоски не зримъ уединенной,
 Властитель надъ всѣмъ — всеобщій гражданинъ —
 Онъ носитъ все съ собой и вѣчно не одинъ.
 И въ сладкой часъ прудовъ, и въ мигъ зла-
 тыхъ мечтаній,
 Сихъ чадъ спокойствія, души очарованій,
 Когда вознесшися въ міръ горній, въ міръ бо-
 говъ,
 Она не чувствуетъ земныхъ своихъ оковъ,
 Сліявъ пропекшее, грядуще межъ собою,
 Вся полнилась, живетъ единою мечтою;
 Съ ней сладость прежнихъ благъ, съ ней сонмъ
 ея друзей,
 Знакомый для нее, незримый для очей!
 Вездѣ сокровище души твоей съ тобою.
 Въ восторгъ ли Пѣвцовъ плѣняешься игрою:
 Вы, коими во мнѣ живишься скорбный духъ,
 О славные пѣвцы, о днѣй моихъ отрада,
 Которыхъ въ день чишаешь и въ ночь чишаешь
 ты рада,
 Уже я предъ побой ихъ зрю безцѣнный кругъ:
 Тамъ Бардъ полночныхъ странъ, Россіи въ
 мощны лѣшны
 Поющій блескъ ея и блескъ Елисаветы;

Тамъ, сыплющій со спрунъ вѣ сердца востор-
 га жаръ,
 О, сколько для меня его возвышенъ даръ!
 Ширясь вѣ высотѣ, и всякой чуждѣ гра-
 ницѣ,
 Какъ богъ — онъ вѣ Божествѣ, и какъ поэтъ —
 вѣ Фелицѣ!
 Тамъ, щедрый вѣ вымыслахъ, обильный вѣ кра-
 сотахъ,
 Живущій у меня и вѣ сердцѣ и вѣ устахъ,
 Кто вѣ словѣ вѣчно спрогъ, плѣнишеленъ и
 ясенъ,
 Сапиры остропой и прелестію басенъ,
 И сказки дивною, волшебною игрой;
 Тамъ Душеньки пѣвецъ, поющій съ ней самой,
 Хемницеръ, дышущій невинной проспопою,
 Любвию къ добру, сей мудросшью прямою, —
 О, сонмъ моихъ пѣвцовъ! робѣющей спопой,
 Когда дерзаю я во слѣдъ великій пвой,
 Когда, средь пишины, одинъ, ни къ мѣ незримый,
 Срѣпаю красоты пвои неизпощимы,
 Твой жаръ, пвой, пылкій духъ вселяется вѣ
 меня,
 Я чувствую себя исполнена огня,
 И славлю щедрый рокъ, что генія вѣ замѣну,
 Онъ чувствовашъ мнѣ далъ пвоихъ пвореній цѣну!

Пой, Муза скромная, стремись въ ихъ ди-
вный слѣдъ,

Для генія преградъ, различій въ полъ нѣпъ.
Оставя для другихъ, въ ихъ долъ униженной,
Даръ скорбный — по слезѣ иди обыкновенной —
Ты новою слезей со славою теки,
И въ слѣдъ своихъ подругъ блистательный
влеки;
Свой разумъ разширай наукою пространной,
Столь тѣсно съ шайнствомъ поэтовъ соче-
танной;
Будь душъ опрадою, владычицей сердецъ,
По чувствамъ — женщина, по знаніямъ — му-
дрецъ.

КЪ БАРДУ.

(Подраж. Горацію.)

Смогри на Аппенинѣ, снѣгами покровенный,
 Какъ вѣ гнѣвѣ ихъ несешъ бунпующій Борей,
 Какъ грозно высяпся ихъ глыбы взгроможден-
 ны —
 И съ грохопомъ падушъ на мершвыи ликъ полей!
 На Тибрѣ, облекшійся опъ хлада льдовъ корою,
 Чшо дѣлишъ опъ земли шуманный небокрай,
 И предлежа дубамъ, пылающимъ грядою,
 Спокойно яросъ вьюгъ и бури презирай!
 Зови меня — и лей, опъ давнихъ лѣшъ хранимый,
 Рукою щедрою швой пѣниспый нектаръ —
 Да силою его чудесною живимый,
 Угасшій обрѣшу вѣ груди Камены жаръ, —
 И, къ лирѣ преклонясь, воспоргомъ воспаленный,
 Мечпы прошекшихъ дней очамъ моимъ явлю,
 И радость и любовь, сонъ юноспи мгновенный,
 И мракъ шайнспвенный грядущаго прозрю!
 Такъ, Бардъ, я буду пѣшъ, пока еще снѣгами
 Мнѣ непреклонный Кронъ не осребрилъ главу,
 Пока прядешся жизнь у Парки подъ персшами,
 И нѣгу, и опрадъ, и Музъ къ себѣ сзову!

Часъ настоящій нашъ — грядущее безвѣстно ;
 Блудись отважный взоръ во мракъ его взно-
 сить ,

А лучше, красоты въ обѣщаньяхъ прелестной,
 Спѣши летящее веселіе ловить !

И днесъ — подъ шумомъ вьюгъ, при сладкомъ
 чувствѣ помленье ,

Дорисы нѣжныя, въ ея цвѣтущи дни,
 Пришворную боязнь, сшывъ робкій опклони ,
 И слабое руки ея сопропивленье. . . .

М Е Ч Т А.

Ночи со мною

Тихо несомы
 Къ снѣн мойей,
 Вѣйшесь надъ мною,
 Легкіе сонмы
 Милыхъ твоихъ:
 Пусть, пошася,
 Въ страхъ и мракъ
 Видимся мы.

Вѣтеръ повѣялъ —

Спукъ пропѣженный,
 Гулъ пролетѣлъ!
 Легкій возвѣялъ
 Листъ пробужденный,
 Лѣсъ зашумѣлъ.
 Трепетъ разлился —
 Внемлю прихода
 Вашего знака.

Гробы оставивъ,

Вижу, приникли,
 Въ свѣтлой лунѣ,
 Въ стекла уставивъ
 Ясные лики

Явно ко мнѣ;
 Вижу движенъе
 Легкихъ покрововъ
 Въпромъ на васъ.

Мирные дома,
 Вижу, дрожащій,
 Кажетъ вашъ перстъ: —
 Мшистые холмы —
 Верхъ свой клонящій,
 Дремлющій крестъ —
 Сѣрые камни,
 До половины,
 Вросшіе въ глубь.

Вижу, манише
 Друга рукою
 Въ свѣшлу чреду;
 Ахъ, возвѣсшите,
 Къ миру, покою,
 Скороль преиду?
 Въ гробъ сокроюсь,
 Жизни оставивъ
 Крестъ во главахъ?

Спутники, горе
 Васъ не терзаетъ,
 Вамъ его нѣтъ.
 Опыта болѣ

Духъ вашъ не знаетъ
Тяжкаго бѣдъ.

Скоро ли, други,
Жребій сей сладкой
Съ вами вкушу?

Вмѣстѣ воздремлемъ
Въ свѣжемъ, прохладномъ
Лонѣ земли?

Ею пріемлемъ,
Въ мирѣ опрадномъ,
Въ нѣдра свои —
Скоро ли, брашья,
Хладныя длани
Вамъ я подамъ?

DM

III B

ест

пер

пѣ

ль

62

b n

ack

ker

y7

пы

m7

3

побой ,

И что въ моей хвалѣ не громкой и не спройной?
 Мнѣ не далъ рокъ въ удѣлѣ достоинствъ про-
 славляшь ;

Я въ участи своей, сокрышой и спокойной,
 Лишь созданъ ихъ душой и сердцемъ обожаешь!

Къ Н. Ѳ. Г. У.

ПОДРАЖАНІЕ ВОЛЬТЕРОВУ ПОСЛАНИЮ КЪ
ГЕЛЬВЕЦІЮ.

Отъ шума и суетъ въ швое уединенье
Я мысленно несусь бесѣдовать съ побой,
Сокрывшійся въ благомъ отъ свѣта удаленьѣ,
Другъ пламенный наукъ и другъ почтенный мой!
Блаженъ, кто съ юныхъ дней желанья ограж-
даешъ,
Для мудроспи своей лѣтъ позднихъ не зовешъ,
Кичливымъ замысламъ преграды полагашъ,
И въ миръ, по спезъ назначенной, идешъ.
Ты шамъ шеперь, гдѣ другъ тебя вообра-
жаешъ,
Подъ кровомъ опческимъ, укывшійся отъ
бурь;
Рука самой судьбы покой швой охраняешъ,
И неба швоего всегда цвѣшетъ лазурь!
Съ побой опрадный миръ, швой вождь и другъ
природа,
Исполненна своей прелесшной проспошы,
И пламенной души сопутница, свобода,
И радость чистая, и сладкія мечты!

Благодари Боговъ, щасливецъ вознесенный
 Надъ низкимъ жребіемъ рабовъ своихъ спра-
 сшей,
 Которы къ суешамъ съ лѣтъ юныхъ прилѣ-
 ленны,
 Имъ служатъ, жалкіе, до самыхъ позднихъ дней.
 Спрямись завидною къ познаніямъ спезею,
 Но въ шесшвіи своемъ всегда умѣренъ будь;
 Пускай швой зрѣешъ умъ сей пищею благою,
 Но . . . другъ мой! и ему предписанъ должный
 пушь;
 Какъ солнце, царь планетъ, надъ всѣми воз-
 несенный,
 Воспекши до небесъ пресвѣшлой высоты,
 Онъ, міръ весь озаривъ — опъ блеска, красоты
 Спускается познавъ закапъ опредѣленный.
 Всѣмъ радостямъ, шрудамъ поставленъ гроз-
 ный край.
 Не постижимая средь спрогихъ назначеній
 Судьба речешъ: спремись, но даль не дерзай!
 Во всемъ умѣренность естъ прелесъ наслаж-
 деній,
 И опдыхъ для шруда и сила и краса.
 Природа мудреца опкрыла предъ очами,
 Руки Зиждишеля различны чудеса;
 Въ безмолвіи ея плѣняйся красошами,

Но, дерзской, вопрошаешь о тайнствахъ не смѣй.
 Изпоргнувъ изъ среды людей обыкновенныхъ,
 Благоговѣй предъ тѣмъ, что скрыто отъ людей.
 И намъ ли слѣдовашь, въ пущахъ ея несмѣш-
 ныхъ,
 За сокровенною премудросью Творца?
 Ума ли въ тѣсныя вмѣспишь ее предѣлы
 И дашь предѣлъ тому, что вѣчно безъ конца?...
 Пусть скажетъ Геомюръ, сей умъ изъ смерт-
 ныхъ смѣлый,
 Кошорый цѣлый вѣкъ природѣ посвятилъ,
 Какими тѣсными, незримыми пущами,
 Сію свѣщую предъ нашими очами,
 Творецъ согласовалъ пространну цѣпь свѣшилъ?
 Почто свирѣпый питръ и аспидъ и гіэнна,
 Рыкаючи на брань, разверзнувъ люшый зѣвъ,
 Въ груди своей несутъ кипящій вѣчно гнѣвъ;
 А серна робкая и агница смиренна,
 Въ веселіи шопы спремяція свои,
 Споль склонны къ чувствіямъ покоя и любви?
 Съ числомъ великимъ ногъ, по виду беспо-
 лезныхъ,
 Почто сей червячокъ, таящійся во мглѣ,
 Дрожащій, движетъ спанъ свой гибкой по землѣ;
 Зимой погребясь въ ея ущельяхъ тѣсныхъ,
 Съ наспавшею весны, мгновенно, теплошой

Приемлетъ новый видъ, сонъ долгій покидаешъ,
И крыліевъ своихъ блестящей красотою
Гордяся, ихъ опять предъ солнцемъ разви-
ваешъ? . . .

Пусь скажешъ Дюфай, зарывшійся въ пра-
вахъ,
Имъ собранныхъ со всѣхъ обширныхъ спранъ
вселенны,
Прикосновеніемъ единымъ умерщвленный,
Почто сей нѣжный цвѣтъ смыкается въ ру-
кахъ?

Я къ Медику Царя съ вопросомъ при-
бѣгаю:

(Онъ вѣрно сведущій поварищей своихъ)
Учасникъ въ таинствахъ природы, вопрошаю
Какими средствами, сей хлѣбъ, отъ успѣ
моихъ,
Весь движешъ мой сославъ, въ мои выпекаешъ
жилы,
Усталый сердца бой опять собой живишъ,
Разсудку моему вновь дѣйствовать велишъ,
И новыя даешъ, ослабшему, мнѣ силы?

А вы, лешащіе по сушѣ и водамъ,
Зрѣшъ міра красоту, испытываешь печенье
Планетъ, и постигаешь ихъ тайное влеченье,
Скажише, мудрые, извѣстно ль спало вамъ,

Какимъ путемъ земля вокругъ солнца обтекаетъ;
И блѣдная луна, заимствуя свой свѣтъ,
Какъ образъ свой и ходъ, въ часъ срочный,
измѣняетъ?

Безмолвіе и вздохъ невольный вашъ опвѣтъ.
Оспанься Аргонавтъ, бесплодно утомленный,
И тщетнымъ плаваньемъ не возмущай морей;
Почто лепѣшь за шѣмъ въ предѣлы отдаленны,
Что не поспигъ Невшонъ въ обищели своей?
Ты компасомъ своимъ вселенну измѣряешь,
Но тѣснаго угла шой малыя земли,
Что каждый мигъ споной премудрой попи-
раешь,

Поспигнешь ли во всѣ урочны дни свои?
Я вижу предъ собой, въ искусствѣ васъ ничпож-
номъ,

Черпящихъ внѣшній видъ огромныхъ сихъ па-
лашъ,

Въ его спроеніи великомъ, многосложномъ —
Тамъ спѣны, тамъ углы черпы изобразяшъ....
Чудесныхъ совершенствъ сей образъ искажен-
ный,

Плодъ тяжкаго для васъ и тщетнаго труда!
Ихъ внутренность отъ глазъ сокрыта навсегда.
Почто жъ ошягощашъ спремленьемъ разумъ
бранный,

И мучишься шрудомъ, въ кошоромъ пользы
нѣтъ?

Я ль жалкаго сего безумца подражатель,
Кошорый, успрямясь въ опасный къ Эпнѣ
слѣдъ,

Пучины на краю, природы испышатель,
Погибъ отъ пламени и дерзости своей? . . .

Но честолюбіе опаснѣй всѣхъ спрасшей,
Бесовѣспный судья, философъ лицемѣрный,
Кокетка съ скромною повязкой на челѣ,
Вельможа, на словахъ и въ дѣйствіяхъ не-
вѣрный,

Подъ маскою влекушъ свой стыдъ по всей землѣ.

И жили брегѣ свободной Ипокрены,

И самые Пѣвцы, священный гласъ боговъ

Устроивъ на хвалу судьбою вознесенныхъ,

Служили съ лестию презрѣнной у Дворовъ.

Кого не обольщалъ взглядъ гордый власпелина?

Великому въ Царяхъ ничтожна похвала:

Потомство не пѣвцовъ, но смотришъ на дѣла.

Плафона, Пиндара, Виргилія, Расина

Я вижу Но и ты, о смѣлыхъ душъ при-
мѣръ,

Склонялся иногда отъ испины Вольперъ,

Желая угождать величію и сану,

Какъ будто пѣснью возвышенной своей

Возвысилъ предо мной, что вѣкъ хулилъ я
спану?

И ты жилъ при дворѣ, о Пиндаръ нашихъ дней,
И пышныя гремѣлъ хвалы Елисаветъ!

Я самъ — хоть не пѣвецъ — въ моемъ цвѣ-
тущемъ лѣтѣ,

Вельможѣ къ себѣ подчасъ кичливый взоръ скло-
нялъ,

(Безумецъ, щастье въ томъ прямое полагалъ!)

И часто на меня зависпливо взирали

Льсписы, копорые ихъ всюду окружали!

Но нынѣ — какъ о всемъ по опыту сужу,

Я хладнымъ болѣе кумирамъ не служу!

Сирены льспивыя, копорымъ въ даръ носила

Не опыпность моя свободу и покой,

Копорыхъ и шеперь еще не разлюбила,

И вашей хипрою ласкался я рукой,

И вы мнѣ съ нѣжною улыбкою птвердили,

Что болѣе всего любовь мою цѣнили,

Что я вамъ . . . цѣлый свѣтъ! полнѣ спраспною
поской,

Я вѣрилъ въ проспошѣ безсмыслицѣ такой!

Но нынѣ снова въ миръ съ разсудкомъ я вступаю,

И падъ предъ олпари боговъ моихъ взываю,

Да въ сладкую меня безвѣспность заключаѣ,

И малымъ благъ числомъ щаспливца ограждаѣ;

Да снова, призракомъ ничтожнымъ ослѣплен-
ный,

Безумецъ не бѣжишь отъ родины священной,
Да Дона на берегахъ спокойныхъ и злыхъ,
Судяшь окончивъ жизнь разцвѣтшую на нихъ !

ДАФНИСЪ И НИСА.

Ниса съ Дафнисомъ разстались:
 Часъ ужасный для любви;
 Долго плакали, терзались,
 И любовь свою кляли.
 Дафнисъ Нисою плѣнялся,
 Ниса Дафнисомъ жила;
 Ахъ, во вѣкъ не разлучайся
 Съ той, копорая мила!
 При послѣднемъ лобызаньѣ
 Сиротѣющей любви,
 Ниса въ препещъ, спраданьѣ,
 Кляшвы въ вѣрности свои
 Другу сердца приносила,
 Нѣжно Дафниса молила,
 Чшобы помнилъ онъ объ ней,
 Чшобъ въ урочный часъ досуга
 Представлялъ въ душѣ другъ друга
 Пошаенно опъ людей.
 Вотъ ужъ Дафнисъ долгъ плачевный
 Свято чшилъ въ спранъ чужой,
 Поцѣлуи — рай душевный,
 Шлетъ съ Зефиромъ въ край родной.

Вотъ и Ниса, въ часъ разлуки,
 Усладить сердечны муки
 И о миломъ погрусшишь,
 Въ срокъ назначенный приходишь,
 И она Зефира молишь
 Вздохи къ милому носишь.
 День проходишь, Ниса въ сукъ
 Вспомнишь Дафниса идешь,
 И другаго ужъ въ разлукъ
 Утѣшенія зовешь.
 Нѣтъ послышки больше страшной,
 И Зефиръ ужъ прочь лешишь
 (Одного его ужасно
 Поцѣлуями даришь.)
 День еще — и утѣшишь
 Новый къ Нисѣ подлѣшь:
 „Поцѣлуевъ будь носишь
 Въ дальный къ Дафнису предѣлъ!“
 Чтоже Дафнисъ? врагъ измѣны,
 Такъ ли Нисѣ онъ плашилъ? —
 На колѣняхъ предъ Клименой
 Всякой часъ о ней твердилъ!

Къ Н. Н.

ХВАЛИВШЕЙ СТИХИ МОИ.

Сколь сладостно душѣ Поэта
 Вниманье нѣжныя любви!
 Чшо въ хладномѣ удивленьи свѣта;
 И въ плескахъ суешной молвы?
 Мудрецъ въ немѣ скупъ на одобренья,
 Хвала невѣждѣ тягчѣй презрѣнья,
 Гласъ лести не даетъ вѣнца;
 Одинъ швой взоръ, одно вниманье:
 Вошъ слава швоего Пѣвца
 И всѣхъ наградъ его спяжанье!

Сколь жалокъ тотъ, кто пѣсней даръ
 На жершву власполюбью носитъ,
 И за единый сердца жаръ
 Себѣ у Музъ безсмертья проситъ!
 Пусть щепной сей живетъ мечшой:
 Болѣзнь души — она превожитъ —
 Но дней его совсѣмъ не множитъ,
 Умретъ — и все покрыто мглой.

Другой, другой себя пишаю
 Сладчайшею наградой я,
 Тамъ жишь безсмершьемъ не мечшаю,
 Гдѣ есть всему чреда своя,
 Гдѣ все, какъ метеоръ родится
 На часъ блеснуть — и въ вѣкъ сокрышся.
 Въ небесный вдохновеній мигъ
 Я буду пѣль души забавы,
 И тщетной не желая славы,
 Лишь упоенье множишь ихъ —

Срѣпашъ въ швомъ свой пламень взоръ,
 И, въ часъ божеспвенныхъ опрадъ,
 Копоры угасающъ вскоръ,
 Давашь имъ въ пѣсняхъ жизнь спокрашъ,
 Мечпашъ, уединясь съ побою,
 Сливаешься пламенной душою,
 Въ міра — и забвенны имъ.
 Воспоргомъ сердце преизбудешъ,
 Мой гласъ его опзывомъ будетъ,
 Пѣснь — наслажденіемъ впорымъ.

ЩАСТЛИВЕЦЪ.

(ПОДРАЖАНІЕ ЛЕОНАРУ.)

Блаженъ, кто уклонясь отъ суепныхъ мечпаній,
Превращность испытавъ и свѣта и людей,
Съ симъ горькимъ опытомъ — сокровищемъ
познаній,

Сокрылся въ мирну сѣнь родишельскихъ полей!

И шамъ — съ безпечношью, довольствомъ
огражденный,

Дыша свободою, любовію святой

И дружбой . . . дней своихъ закашъ уеди-
 ненный,

Проводитъ радостно въ безвѣстности зла-
той! . . .

Обипель щастія, небесъ благословенъе,

Гдѣ крошкіе дары прелестныхъ Музъ цвѣтутъ,

Безвѣспность, мудраго покой и наслаждение,

Какъ сладко онъ съ тобой проходишъ жизни

ПУШЬ.

Пусть пламень мяшежей, въ народахъ неиз-
бѣжной,

И страшная война по всей землѣ горящъ;
Покоясь на груди своей подруги нѣжной,
Лишь восхищенія онъ пламенемъ обѣящъ!

Тамъ древъ густыхъ въ тѣни, потокомъ оро-
шенныхъ,

Какъ сладко онъ поетъ блаженство дней своихъ!
Не зрѣя ужасныхъ лицъ, порокомъ искаженныхъ,
И, злобныхъ испытавъ, бѣжитъ отъ сонма ихъ.

Не зная хитрости коварныхъ обольщеній,
Неправды, клеветы — дѣла съ однимъ собой
Веселье тайное своихъ благошвореній,
Онъ ближнимъ вѣрный другъ! онъ другъ добра
прямой! —

Когда бѣ мнѣ жребій сей послало Провидѣнье,
Съ зарею каждою къ нему бы вознеслись
Мой пламенный воспоргъ, мое благодаренье,
И чувства и дѣла въ хвалу бѣ его слились!...

Тогда бѣ, для радостей единыхъ пробужденный,
Другъ мирный поселянъ, на ближній холмъ спѣ-
шилъ,

Чтобъ видѣть торжество природы обнов-
ленной

И тихой пѣснью Творца благовѣспилъ;

Иль, съ лирой скромною, склонясь подъ сѣнь
дубравы,

Въ часъ ясный вечера, въ кругу своихъ друзей,

Я пѣлъ бы ихъ любовь, невинныя забавы

И сладко воспоминалъ веселье прошлыхъ дней!

Или, въ задумчивомъ, безмолвномъ наслажденьѣ,

Исполненъ пламенной къ Всевышнему хвалы,

Древъ внемля тихій шумъ, иль бурныхъ водъ
паденье

Со грозной, надо мной нависшія скалы —

Дивился бѣ красотамъ природы я чудеснымъ,

Вездѣ разсѣяннымъ всещедрою рукой,

Вездѣ равно благимъ, вездѣ равно прелестнымъ,

И съ лирой соглашалъ хвалебный голосъ мой!

Пусть всѣми позабытъ — лишь вы бы мнѣ вни-
мали,

О милые друзья, и лиръ бы моей

Въ награду вашъ вѣнокъ безцѣнный соплесали:

Онъ мнѣ дороже всѣхъ пріумфовъ и чеспей! —

К ъ

* * *

Я бѣ щасливѣ былѣ, когда бѣ, гонимѣ своей
судьбою,

Забытый отѣ людей, вѣ нихѣ жалоспи не
зналѣ,

Вошще бы ихѣ смягчить хотѣлѣ моей мольбою;
Но нѣжною бѣ пвоей любовью обладалѣ!

Я бѣ щасливѣ былѣ, на вѣкѣ забывши свѣтѣ
прелеспный,

Пуспѣ міра красопы исчезнупѣ для меня,

Пускай вѣ степяхѣ влачу свой жребій безѣиз-
вѣспный;

Но кропкая бѣ, слѣпца, вела рука пвоя!

Я бѣ щасливѣ былѣ, когда бѣ всѣхѣ благѣ
моихѣ лишася,

И горечь нищепы и язвы бѣдѣ позналѣ;

Плодами скудныхѣ силѣ когда бѣ сѣ побой дѣляся

Любви пвоей ко мнѣ упрашить не мечшалѣ.

Я бѣ щасливѣ былѣ, когда бѣ, увядши дней
во цвѣшѣ,

Текѣ медленно кѣ концу вѣ спраданіяхѣ своихѣ;

Когда бѣ ужъ для всего безчувственный на свѣтѣ,
Вкушалъ бы сладкую опраду слезъ твоихъ!

Я бѣ щасливѣ былъ, когда бѣ, ко смерти
приближенный,

Въ послѣдніе воззрѣлъ на небо и тебѣ;

Кагдабѣ мой хладный прахъ, слезами орошенный,

Изъ рукъ твоихъ на вѣкъ пріяла бы земля! . .

В. И. П . . . У,

**КОТОРЫЙ ПРОСИЛЪ МЕНЯ НАПИСАТЬ СТИХИ
ДЛЯ ЕГО АЛЬБОМА.**

Твой добрый вызовъ понимаю :
 Съ стихами — всѣмъ моимъ добромъ —
 Я радостно себя вмѣщаю
 На память, въ милый твой альбомъ.
 Давно обѣи другъ другу дали
 Хранишь Поэты свой союзъ,
 И чувства дружбы оплечали
 Всегда прямыхъ любимцевъ Музъ!
 Порывомъ къ славы грудь ихъ бьется,
 Живущъ стремленіемъ однимъ:
 Такъ пламень съ пламенемъ сольется —
 И сей союзъ не разрушимъ!
 Своей спезей пойдѣмъ мы оба,
 Жрецы молодые Піэриды!
 Намъ свялость Дружбы! — Зависъ, злоба,
 Для римачей однихъ эгиды. —
 Невинны нравы человека
 Цѣль съ Геснеромъ не усавай,

И прелести злапаго вѣка
 Въ стихахъ своихъ напоминай!
 Все дышишь у сего Поэта,
 Паспухъ его мудрецъ прямой —
 И добрый Паспырь у Адмета
 Будь покровитель вѣрный Твой!
 Удѣлъ завидный! . . . Вѣкъ намъ снова
 Блаженства въ пѣсняхъ оживи —
 Ахъ, пѣсня вѣка золопова
 Есть пѣсня счастливой любви!
 Преемникъ милый Теокрипа,
 Ты смѣло въ слѣдъ его спѣши
 И лира — будешь незабыта
 Съ безцѣнной прелесью души. —
 Стихи гошвы! для залога
 Опдашь ихъ дружества я радъ;
 Хошь для альбома ихъ и много,
 Но нынѣ *мѣрой* ихъ цѣнятъ.
 Пускай, рукой моей внесены,
 Меня напомнятъ здѣсь тебѣ,
 А если будутъ и забвенны —
 Я ихъ завидую судьбѣ:
 Они сокрылись — средь участья
 Твоихъ друзей, своихъ родныхъ,
 Среди воспоминаній счастья
 Невозвратимыхъ лѣтъ молодыхъ,

Средь милыхъ сихъ произведеній;
Которыхъ видъ мой взоръ плѣнилъ,
Гдѣ въ шелковыхъ узорахъ, Геній
Искусство киспи помрачилъ,
И кои, съ нѣжностью, такъ мило,
На чистые сіи лиспы,
Въ залогъ священный, помѣстила
Рука Любви и Красоты

КЪ КОРАБЛЮ.

ГОРАЦІЯ I Книги XII Ода: о *Navis etc.*

Не вновъ ли, о Корабль, добыча непогоды,
Ты мчишься по волнамъ и пѣнишь бурны воды?
За чѣмъ не въ пристани ты держишься своей?
Иль мало испыталъ свирѣпости морей?
Ужь веслы прочь лепяшъ! ужь спонупъ крѣпки
снасти,
И щогла, запрещавъ, распалася на части!

Куда безъ вѣтрилъ ты направишь свой полетъ?
Спаси пелей — боговъ съ тобою болѣ нѣшъ!
Смолистая корма гопова сокрушишься
И, вихремъ воздушный валъ, къ ней съ смертію
спремишься!
Ни имя славное родной твоей страны,
Ни ребра, что изъ соснъ Понсійскихъ спле-
тены,

Испуганнымъ пловцамъ ничто ужь не за-
щища.

Коль милуетъ еще Судьба тебя сокрыша —

Не будь въ бездѣйствіи! Ахъ, сколько горькихъ
слезъ

И спраха мнѣ, Корабль, недавно ты нанесъ!
Брегись опасныхъ скалъ! Брегись Цикладской
мѣли —

Могущи корабли отъ нихъ не уцѣлѣли.

КЪ МЕЦЕНАТУ.

ПОДРАЖАНІЕ ГОРАЦІЮ.

Всему назначенъ срокъ, все время поглощаетъ,
 Такъ Діемъ. Меценашъ, могущимъ, суждено ;
 Безсмертнаго въ себѣ міръ тлѣнный не вмѣ-
 щаетъ,

Начало бышія съ концемъ сопряжено.

Въ Родосѣ ль славимомъ, въ Ефессѣ ль, въ Ми-
 шиленѣ,

Среди ль приморскихъ спѣвъ Коринѳа ты жи-
 вешь :

Повсюду подлежишь погибельной премѣнѣ —
 И всюду подъ косу губящую печешь.

Ни Оивы, Вакховъ градъ, ни Дельѳы Аполлона,

Ни Тессалійскихъ миръ долинъ,

Не скроютъ отъ руки всегубящаго Крона,

Подъ коею падутъ и рабъ и власшелинъ ;

И топъ, кто быспрыми несомый въ бѣгъ ко-
 нями,

Среди риспалища изхищитъ лавръ спѣшитъ,

Равняющій его съ богами,

Кто грузомъ кораблей Понтъ черный бремен-
 нитъ,

Съ Ливійскихъ дань полей богашую собираетъ
 Разширя кшо предѣлъ наслѣдственный опцовъ,
 Чшипъ раболѣпственный поклонъ своихъ льспе-
 цовъ,

И черни плескъ себѣ неисповой внимаетъ —

И томъ, кшо успанясь заботъ,
 Ласкаемый сердечнымъ миромъ,

При шумъ Каспалійскихъ водъ,

Поемъ, внимаемый кудрявыхъ роць Сапиромъ,

Иль сонмомъ легкихъ Нимфъ сплешенныхъ въ

хороводъ:

Должны погибнуть всѣ! — шаковъ законъ При-

роды!

Отъемлетъ и даетъ рука ея равно!

Всѣмъ съ той же быспрошой мелькаютъ дни и

годы:

Въ дѣлахъ для смершнаго опличіе одно. —

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ КОМЕДИИ:

ОПЕКУНЪ — СТИХОТВОРЕЦЪ.

(Свистовѣ, входя на сцену, напалкивается
на служанку, копорая бѣжипъ замѣш-
кавшисъ съ Дамономъ.

• • • • • И вѣчно помѣшающъ!

Лишь мысль щаспливая и риѣма мнѣ пришлась,
Дѣвчонка, вѣ бѣшенствѣ, какъ съ цѣпи сорвалась!
Вѣ какую приведушъ всегда меня досаду!
О, дорого спяжашъ Поэтамъ здѣсь награду;
Пусшъ вѣ свѣпъ думаюшъ легко на эпомъ щѣпъ,
А я — при мысли сей — меня бросаешъ вѣ пошъ.
Во чшо мнѣ, на примѣрѣ, обходишся пворенье,
Сиди, попѣй, пиши, шерзай воображенье,
Здоровье самое, вѣ мои кѣ помужѣ лѣша . . .
Но слава — но вѣнецъ — все прочее мечша!

Д а м о н ъ.

Могу ли чесшъ имѣшъ усердья извѣявленьемъ....

Свистовъ. (въ сторону)

Тьфу къ чорту! я опяшь распался съ вдохно-
веньемъ;

Благодарю, сударь!

Дамонъ.

Вмѣнилъ себѣ я въ долгъ,
Пріѣхавъ, бытъ у васъ почтенія въ залогъ;
Давно, сударь, искалъ я случай драгоцѣнной,
Увѣришь васъ въ моей пріязни неизмѣнной —
И коль не опвлеку присутствіемъ моимъ....

Свистовъ.

Да, временемъ, сударь, мы много дорожимъ.

Дамонъ. (въ сторону)

Не въ духъ что-то онъ, но должно прила-
скашься!

(къ нему)

И я не менѣе; вѣдь не всегда удался
Людей съ паланшами, такихъ, сударь, какъ
васъ,
Увидѣть при Дворѣ, не только здѣсь у насъ,
И общее о васъ отличное шоль мнѣнъе. . .

С в и с т о в ъ.

Конечно о моемъ послѣднемъ сочиненьѣ

Хотите вы сказать —

Д а м о н ъ.

Такъ почно.

С в и с т о в ъ.

Очень радъ!

Хорошій знакъ когда достоинства цѣнятъ,

И вы уже его навѣрно прочитали —

(вѣ сторону.)

Такъ скоро одѣ моихъ еще не разкупали?

Благодарю, сударь, благодарю за вѣснь,

И вамъ понравилось, вашъ вкусъ — прошу при-
сѣснь.

Д а м о н ъ. (вѣ сторону)

О небо, я его незнаю и названье . . .

С в и с т о в ъ.

Что лучше въ немъ для васъ?

Дамонъ. (въ замишательствѣ)

Что лучше? ... окончанье!
И всё, сударь, и всё — (не знаю какъ мнѣ быть!)
Прекрасные стихи возможно ль не хвалишь?

Свистовъ.

За честь благодарю, но мнѣ бѣ пріятно было,
Узнать особенно что въ нихъ васъ поразило?
Не правда ли сей порывъ воспора — планъ, и
ходъ?

Дамонъ.

Такъ почно.

Свистовъ.

Вы, сударь, любитель вижу одѣ.

Дамонъ.

Люблю.

Свистовъ.

О, насъ провесъ Поэтовъ очень шу-
дно;

Мы вкусы узнаемъ пошъ часъ — вамъ эпо
чудно —

Такъ точно, вы, сударь, большой любитель одъ.
И самъ до крайности люблю я эпотъ родъ,
Когда же истинныхъ вы Лириковъ цѣните...

Д а м о н ъ.

Возможно ль не любить Поэтовъ?

С в и с т о в ъ. (вспрыгивая)

Обоймите!

Мой домъ и кабинетъ для васъ всегда открытъ.

Д а м о н ъ. (вѣ сторону)

Начало доброе!

С в и с т о в ъ.

Иной нашъ братъ, Пѣишъ,
Конечно и у насъ въ Россіи есть Поэты,
Все пишеть пѣсенки, посланья, да сонеты:

Я эпотъ мѣлкой вздоръ, признаюсь, не люблю,
И къ славѣ проложилъ самъ новую стезю;

Тѣ пишушъ по просту, въ нихъ все обыкно-
венно,

Читаешь — потъ языкъ что слышишь повсе-
дневно,

И, такъ сказать, за умъ ни какъ не забереть;

Но истинный Поэтъ — хоть что онъ и со-
вретъ,

За то для проспяковъ не можетъ быть по-
 няшнымъ,
 И вотъ что я зову наипьемъ благодашнымъ,
 Не правда ли, сударь?

Д а м о н ъ.

По мнѣ, Поэша долгъ,
 Покрайности понятъ его чшобъ всякой могъ.

С в и с т о в ъ.

О, нѣтъ вы судите согласно съ общимъ
 мнѣньемъ,

Я это доказалъ однимъ стихошвореньемъ;
 Какъ всякому понятъ? Когда, признаюсь вамъ;
 Не рѣдко самъ дивлюсь я собственнымъ сти-
 хамъ,

И кончивъ вечеромъ иное сочиненье,
 Мое ли, по упру, не вѣрю въ восхищеньѣ —
 И, чшобы точно знашь что я его писалъ,
 Велю, чшобъ секретарь за мною примѣчалъ!

Д а м о н ъ.

Вы должны быть Поэтъ единственный межъ
 нами.

С в и с т о в ъ.

Да, эши сѣдины я нажилъ надъ спихами;
 Для славы согражданъ писашь не успаю,
 Но, къ сожалѣнію, опъ васъ не пошаю,
 Цѣнишь достоинства не знаешъ свѣшъ ко-
 варный,
 И даже, признаюсь, о вѣкъ неблагодарный!
 Лишь только выпустилъ спихи мои въ печашъ,
 Чуть-чуть мнѣ не пришлось изъ города бѣ-
 жашъ;

Съ шакою злобою повѣсы и нахалы
 Насмѣшками о нихъ наполнили журналы —
 Правительству бѣ терпѣшь не должно сихъ
 лисповъ!

Но только не щадяшъ ни званья, ни прудовъ,
 Не скарედный такой ввели обычай въ моду,
 Чшо мнѣ, пѣвцу, въ глаза смѣются какъ уроду!
 Но зависъ презирашъ изъ дѣтства я при-
 выкъ,

Вы любите спихи — божественный языкъ —
 И съ вами сей же часъ злыхъ кришиковъ за-
 буду —

Позвольте: *(беретъ ужасную кипу)* пришащу
 я маленькую груду —

Здѣсь классъ Лирическій . . . ,

Дамонъ.

О Боже, что со мной!

Свистовъ.

Вы удивляетесь? а это сорть другой:
Вязанка полная сокровищъ Аполлона,
И прищечей, кажецца, почши до милліона!
Вы не повѣрите какъ легокъ эшотъ родъ;
Здѣсь все Комедіи . . .

Дамонъ. (вѣ сторону.)

Тиранъ и сумазбродъ!

Свистовъ.

Но эшо все ни чшо предъ эшой кипой славной,
Здѣсь всѣ: Корнель, Расинъ, и самъ Вольтеръ
забавный!

Вотъ пронъ, сударь, вотъ пронъ, на коемъ

вижу я,

Во всякомъ кришикъ ничтожнаго враля! . . .

КОНЕЦЪ.

О П Е Ч А Т К И.

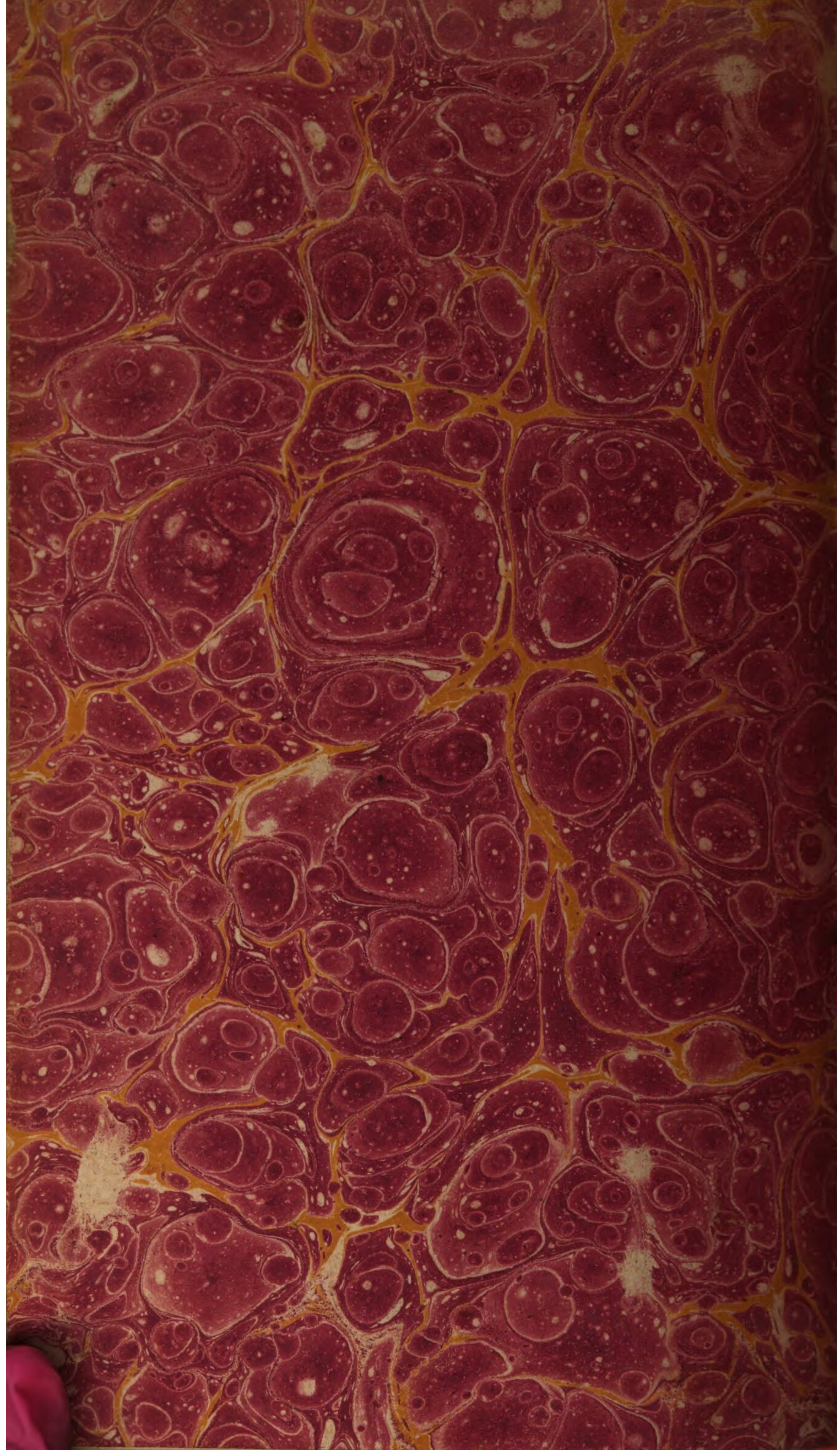
напечатано :

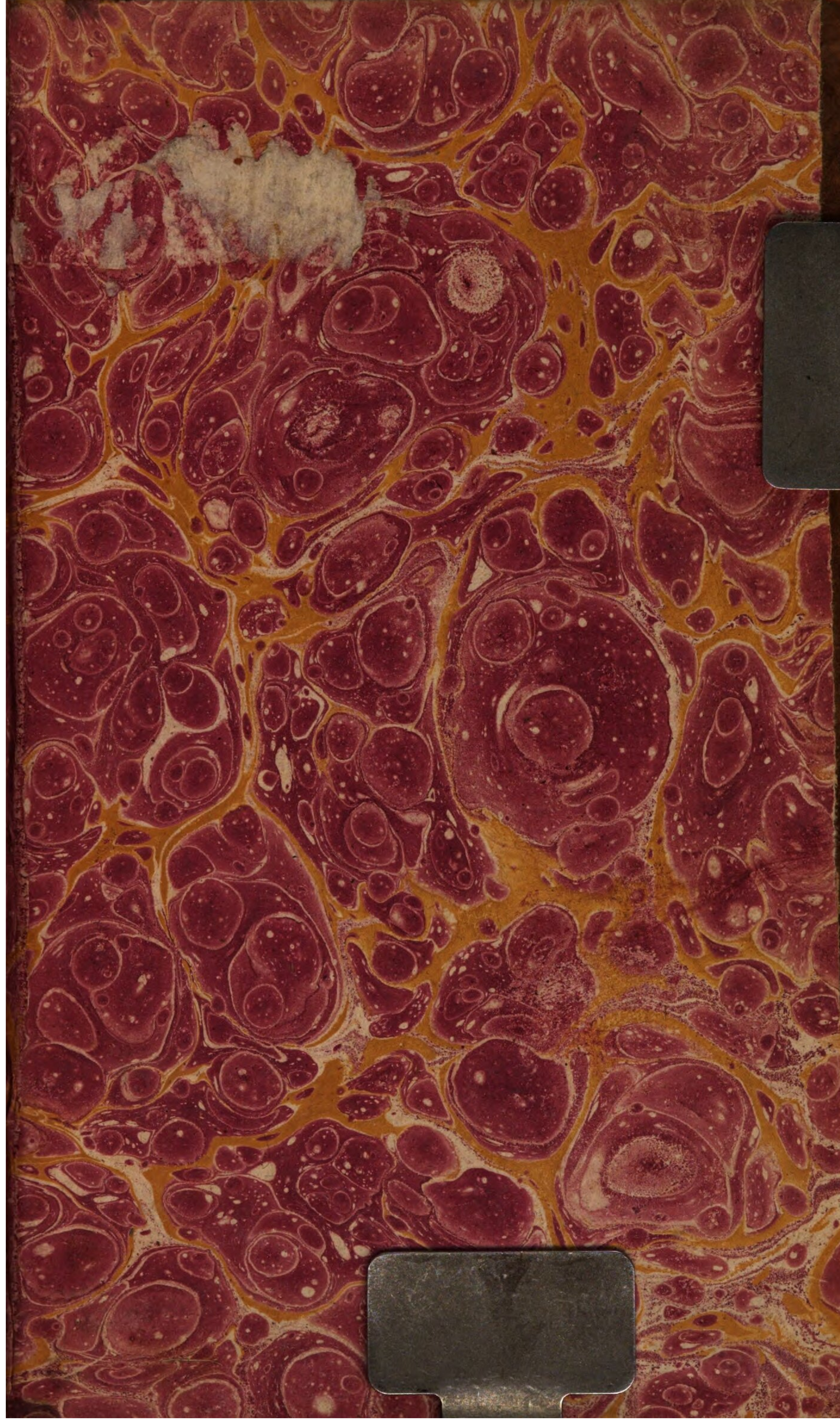
вмѣсто :

спран. спрок.

26.	7.	и чеспи спыду	и чеспи, и спыду;
27.	9.	поэмой будешъ	поэмой будупъ сей
		сей	
48.	14.	къ помъ жъ ве-	къ пому жъ ввелиль
		лилъ	
57.	7.	съ звонкихъ сви-	съ звонкимъ сви-
		спомъ	спомъ
104.	4.	опозволасъ	опозваласъ
128.	3.	неплѣнный	неплѣнный
132.	17.	погибнушъ	погибнушъ
138.	6.	съ усшѣмкою	съ усмѣшкою.
140.	18.	Фригійски	Фригійски
144.	12.	Мигомъ съ Дона	Съ Дона мигомъ
148.	13.	не начнешъ	не начнешъ
177.	14.	въ Царю	къ Царю;
188.	15.	съ румяной	съ румяной

Центральная
Бюро
Международного
Книгообмена.
П. П. П. П. П.

Milonov, Michail V.,

Satiry, poslanija i drugija mēlkija stichotvorenija

St. Petersburg 1819

P.o.russ. 4 r

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10609996-0